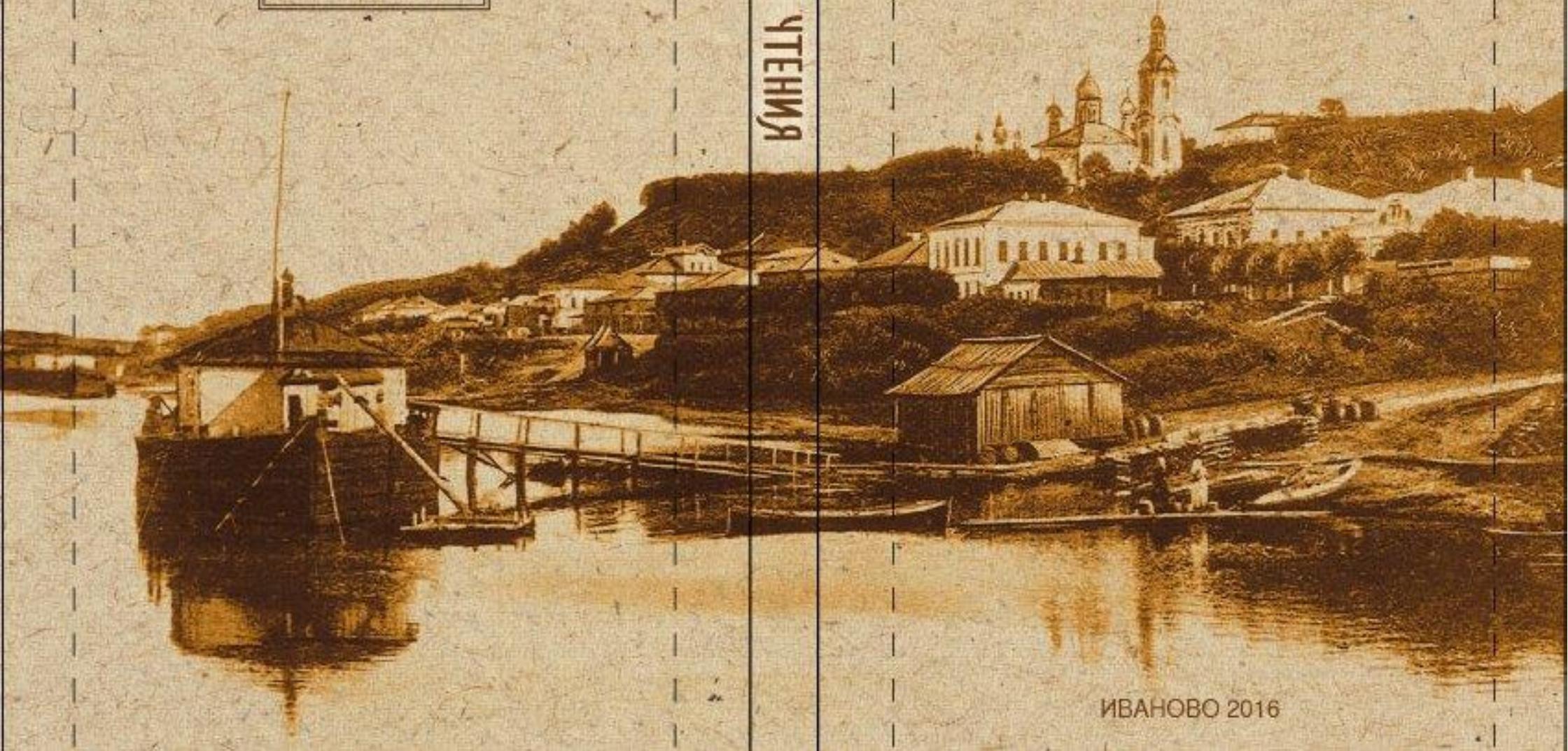

ХІV ПЛЕССКИЕ ЧТЕНИЯ

ХІV ПЛЕССКИЕ ЧТЕНИЯ

ИВАНОВО 2016

Департамент культуры и туризма
Ивановской области

Плесский государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник

Ивановское областное краеведческое общество

XIV ПЛЕССКИЕ ЧТЕНИЯ

**Материалы
научно-практической конференции**

Иваново 2016

ББК 85.143(2Рос)1–8

П 382

XIV Плесские чтения : материалы науч.-практ. конф.,
Плес, 13–14 ноября 2015 г. – Иваново, 2016. – 242 с.
ISBN 978-5-7807-166-7

Сборник содержит материалы конференции «XIV Плесские чтения», которая состоялась 13–14 ноября 2015 года в Плесском музее-заповеднике. Тематика докладов включает в себя широкий круг вопросов, связанных с проблемами сохранения историко-культурного и природного наследия на территории Плесского музея-заповедника и его зон охраны, материалы краеведческих исследований на территории Ивановской области, исследований жизни и творчества И.И. Левитана и художников его круга. Тексты статей сборника поступили в редколлегию 14.11.2015 г.

Издание адресовано работникам музеев, искусствоведам, краеведам, всем, кто интересуется историей, культурой и природой Ивановского края.

Редакционная коллегия:

**А. И. Сорокин, М. А. Голубева,
О. В. Наседкина, Г. В. Панченко.**

ISBN 978-5-7807-166-7

© Плесский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 2016

С. А. Зырянова

РЕВИТАЛИЗАЦИЯ АРХИТЕКТУРНОГО КОМПЛЕКСА В ДОЛИНЕ РЕКИ ШОХОНКИ И ИДЕЯ ОБЩЕДОСТУПНОГО КУРОРТНОГО ПАРКА

Историко-культурное наследие и природа являются главным ресурсом развития Плёса. Стратегия развития территории обусловлена её федеральным статусом как города-курорта, исторического поселения и музея-заповедника с его зонами охраны. Так же как в XV веке великокняжеским повелением «... рубить град Плёсо» была построена крепость, а в XVIII-м после екатерининского росчерка «Быть по сему» возник город, ставший памятником архитектуры, сейчас, руководствуясь принятыми на федеральном уровне применительно к Плёсу документами, следует формировать концепции и программы, разрабатывать планы для территории Плёсского поселения. Эти три документа были приняты в разное время и остаются действующими:

Постановление Совета Министров РСФСР от 1 апреля 1971 г. N 197 "О дополнении постановления Совета Министров РСФСР от 6 января 1971 г. N 11 "Об утверждении Перечня курортов РСФСР, имеющих республиканское значение";

Указ Президента РФ от 20 февраля 1995 г. N 176 "Об утверждении Перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения";

Приказ Министерства культуры Российской Федерации, Министерства регионального развития Российской Федерации от 29 июля 2010 г. N 418/339"Об утверждении перечня исторических поселений".

Таким образом, курорт Плес включен в перечень курортов РСФСР, имеющих республиканское значение, город Плёс входит в число 41 исторических поселений России, Плесский музей-

заповедник поименован в Перечне историко-культурных объектов федерального (общероссийского) значения. Федеральная программа по развитию внутреннего и въездного туризма не может реализовываться в противоречии с данными федеральными постановлениями.

При разработке документов территориального планирования предстоит работа по оценке природных лечебных ресурсов и определению границ климатического курорта Плёс, расположенного на заповедной территории и в зоне охраняемого ландшафта Плесского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. В основе концепции генплана должен быть взгляд на Плёс как на уникальное, исторически сложившееся хранилище традиций и памятников, находящихся в природном окружении, погружающих посетителя в атмосферу и ландшафты XIX века.

Развитию курортного дела в Плесе немало способствовал первый нарком просвещения РСФСР Анатолий Васильевич Луначарский, побывавший здесь в 1919 году. Увлекло наркома предложение хирурга Евгения Ивановича Лебедева открыть на этих волжских берегах детскую здравницу. Не оставляет сомнений, что благодаря знакомству с Евгением Ивановичем, родившимся в Плесе и хорошо знавшим здешние места и после посещения соснового бора на высоких обрывах Шохонки, родилось его знаменитое сравнение Плёса со Швейцарией. При первой же возможности Анатолий Васильевич дал ход благодатной идее. В письме жене он писал:

Этот городок необычайно очарователен. Здесь Левитан писал свои картины, здесь же работало и много других пейзажистов. От городка веет необыкновенным миром. Культурные люди этого городка мечтают о превращении его в детский курорт. В более спокойное время мы непременно должны подумать об этом. Сюда на целое лето можно посылать около тысячи человек детей в самые благоприятные условия и среди совершенно исключительных красот природы...

Первоначально развитие курортного дела шло по пути создания сети здравниц в национализированных домах и дачах

Плеса, покинутых владельцами. Впоследствии произошел количественный рост учреждений за счет строительства новых домов отдыха и санатория в отсутствие плана по развитию Плёса как курортного района в целом. Природные территории города стали присваиваться здравницами как собственные рекреационные зоны на поддержание которых не нужно затрачивать средств. Сосновый бор, бывший в XIX и XX веках излюбленным местом отдыха горожан, теперь практически закрыт для свободного посещения забором санатория «Плесь». Сам парк горожане именуют не иначе как «санаторским». Вдоль заборов турбазы «Плесь» по узкой тропе между канализационных стоков пробираются в левитановскую березовую рощу. Закрыт доступ в парк дома отдыха «Плесь», береговые мысы с волжскими видами выделяются под застройку. Для федерального значения города-курорта, города-заповедника неприемлемо такое пренебрежительное отношение к своему природному богатству. Сложившаяся практика безответственного его использования, ведущая к девальвации природного и культурного ландшафта требует пересмотра и выработки принципиально новых решений.

Решение по созданию общедоступного курортного парка станет одним из самых амбициозных городских проектов. Центром и главным украшением большинства климатических курортов как российских (Кисловодск, Ессентуки), так и зарубежных, является курортный парк. Для Плёса такой парк – долина речки Шохонки. Река огибает город с юго-востока и, благодаря своему географическому положению, связывает старейший район Заречье с жилыми кварталами, расположенными при въезде. По прогулочным маршрутам можно пройти из жилого района в исторический Плёс. Близость курортного парка положительно скажется на качестве архитектурных решений для верхней, менее привлекательной на сегодняшний день, части города.

Долина Шохонки. Спутниковый снимок

Долина Шохонки с восемнадцатого века, возможно и ранее, активно использовалась. На реке стояло не менее четырех водяных мельниц. Водой вращались огромные деревянные колёса, в глубоких омутах водилась рыба, в пойме паслось городское стадо. Три моста и четыре мельничные плотины соединяли берега, что создавало возможность беспрепятственного и удобного прохода к верховьям реки.

Можно перечислить объекты парка:

- место, вдохновившее Левитана на создание картины «Осень. Мельница», здесь в разное время написано несколько этюдов к ней;
- в долине стояли четыре водяных деревянных мельницы;

- противоположные берега Шохонки соединяли некогда три моста;

- на речном мысу располагалась усадьба «дикого барина» (Огуречникова);

- местечко «Ключи» – популярное место прогулок; здесь паслось городское стадо;

- Ивакин ручей;

- ключик, именуемый «Ольгин»;

- гора «Школьная» и гора «Колун»;

- место палеонтологических исследований (фрагменты черепов лабиринтодонтов, получивших название Ангузавр Вайденбаума, были обнаружены в 30-х годах прошлого столетия в пестрых глинах на берегу Шохонки в окрестностях Плёса. Интересно, что первые исследования фрагментов плёских ящеров проводил сам Иван Ефремов – видный советский палеонтолог и знаменитый писатель-фантаст. Его дело сегодня продолжил Игорь Новиков, заведующий Палеонтологическим музеем РАН);

- на Гремячке находится Опорный геологический разрез Микулинского горизонта. Здесь имеется обнажение межледниковых слоев, впервые обнаруженное Г. А. Благовещенским. Это один из немногих разрезов микулинских межледниковых отложений, расположенных восточнее Москвы. Данный разрез заслуживает присвоения статуса памятника природы федерального значения.

В октябре–ноябре 2014 и 2015 года с целью определения местоположения ныне утраченных мельниц и иных объектов в долине Шохонки, была поведена экспедиция в составе: Зыряновой С. А., Панченко Г. В., Полоцкой Е. Н., Лебедевой Л. М., Иванова Д. Ю. По результатам полевых исследований составлена карта-схема долины. Точно определено местоположение первой и второй водяных мельниц (счёт от Волги) в черте города. Место расположения третьей и четвертой мельниц выяснялось на основе полевого обследования обоих берегов речки, изучения исторических свидетельств, работ Левитана и воспоминаний очевидцев.

Одной из главных задач было нахождение места, запечатленного Левитаном в картине «Осень, Мельница», написанной в

1988 году, и на двух этюдах, выполненных в разное время. При этом учитывалось как соответствие природного пейзажа изображенному художником на холсте, так и поиск точки, с которой могла быть написана работа, откуда открывается этот вид. Взгляд художника в работах направлен слегка сверху. Левитан писал с небольшой возвышенности – с пригорка или с середины горы. По всем критериям подходит именно третья от Волги мельница, находившаяся уже за Миловым оврагом, у дальней оконечности города. Для достоверности выводов оценивались очертания речного русла, характер и плавность его поворотов.

И. И. Левитан. Мельница. Закат солнца. 1888 г.

Ещё один признак местности, который должен был привести к мельницам и который мы искали для точного определения места – это старые заброшенные дороги. Были обследованы оба берега реки. Дорога должна подходить к мельнице, по ней подъезжали телеги груженные зерном и возвращались с мешками муки. Так же устраивался проезд по плотине. Расположение основных строений – плотины и здания было выяснено благодаря иконографическим источникам. Так, к «левитановской» мельнице от

Заречья вела дорога по правому берегу. Была и другая дорога, спускавшаяся с горы по левому берегу от усадьбы Фомичева. На крутых участках её поверхность носит следы булыжного мощения.

Близ усадьбы «дикого барина» удалось обнаружить четыре дороги, идущих по обоим берегам реки. Первая проходила по левому берегу от разрушенной течением и временем земляной дамбы в устье Ивакина ручья и далее, по мосту, перекинутому через Шохонку, вела в усадьбу. На противоположном, правом берегу в полгоре высокого откоса (осыпи) прослеживается очертания дороги на высоте берегового выступа, где размещалась усадьба. Дорога шла от усадьбы Ключи в сторону Ивакина ручья. По тому же правому берегу, позади усадьбы «Ключи» вверх по залесенному склону зигзагообразно поднималась третья дорога, выходящая на поле у деревни Церковное.

С юга от усадьбы к речке был организован пологий спуск. На старых фотографиях этот спуск виден. Он ведет к деревянному мосту и расположенному на противоположном берегу бревенчатому строению под двухскатной крышей. Около строения в воде видны высокие сваи, по-видимому, мельничная плотина. От этого строения по береговому мысу и далее по склону вверх дугообразно поднимается ещё одна дорога без признаков мощения. Эти косвенные свидетельства указывают на то, что здесь находилась ещё одна мельница, хотя на плане XVIII века дальняя от Плёса, четвертая мельница, обозначается в устье Ивакина ручья.

В воспоминаниях Леонида Павловича Смирнова мы читаем: «На моей памяти в Плёсе было несколько водяных и ветряных мельниц. Водяные мельницы были на речке Шохонке. Самая дальняя из них принадлежала Огуречникову и находилась около его усадьбы на Ключах. Здесь же был довольно большой мост, через который шла дорога в Церковное. Это место и мост можно видеть на фотографиях. Ниже, на так называемой Кузнечихе (место на Шохонке под теперешним санаторным лесом, у самого конца города) стояла ещё одна мельница. Третья мельница была уже в городе под Панкраткой. Ее фотографическое изображение также дошло до нас. Четвертая мельница была так же в городе

за большим зарецким мостом. В двадцатых годах ее хозяином был некто Щербин. Обслуживали мельницы местные крестьяне» (счет мельниц в данном случае ведется от истоков Шохонки к устью).

Шохонку выше по течению пересекает большая пешеходная тропа к деревне Церковное. Здесь жителями деревни содержится мост и крутая земляная лестница с перилами из жердей. По лестнице можно подняться на крутой отрог с прекрасным видом и заброшенным строением красного кирпича с большими окнами. Проходя по верхним отрогам гор, любуясь прекрасными видами, открывающимися взору с горы Школьной и Колун, направляемся мимо бетонного забора санатория «Плѣс» к будущему входу в большой парк курортного района Плѣса.

Концепция Большого парка предусматривает включение в парковую территорию помимо долины речки Шохонки так же дендрария плѣсского лесничества, оврага речки Гремячка и отрогов волжского берега с «сухим» ручьем до руин фабрики, так называемых «красных стен». Таким образом Большой Курортный парк, с главным входом при въезде в Плѣс, будет распространяться до Волги. Организация дополнительных входов на его территорию с волжской набережной, из Заречья и с горы Левитана позволит разнообразить маршруты, сделать парк доступным для посещения с разных городских территорий, и даст возможность грамотно разместить обслуживающие объекты парковой инфраструктуры.

Перераспределение антропогенной нагрузки с крохотной центральной части Плѣса, где действуют жесткие строительные регламенты на так называемые «внешние» зоны Плѣсского поселения с менее жесткими требованиями к застройке, остается одним из ключевых вопросов перспективного планирования. Главным принципом при формировании концепции будущего развития было и остается строгое соблюдение требований научной обоснованности и исторической достоверности.

Члены экспедиции (слева на право) Лебедева Л. М., Панченко Г. В.,
Зырянова С. А., Иванов Д. Ю., Полоцкая Е. Н.

Виталий (Уткин), игумен

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЧАСТИ ЭКСПОНАТУРЫ ПЛЕССКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Яркая экспозиция Плесского государственного музея-заповедника привлекает к себе большое внимание посетителей. Однако, как считаю, сама его экспонатура еще недостаточно изучена. Полагаю, что в уточнении нуждаются не только методологические принципы построения части экспозиции, но и ее парадигмальные основания.

© Виталий (Уткин), игумен, 2016

Сказанное, в первую очередь, относится к разделам экспозиции, показывающим как бы «язычество» жителей домонгольского Плёса. Их концепция опирается в значительной мере на гипотезы, предложенные в диссертации П. Н. Травкина,¹ и книге, написанной на основе этой диссертации.²

В экспозиции обращают на себя внимание экспонаты, представляющие якобы найденное в Плёсе «святилище Велеса».³

В своей работе «Епископ Феодор и проблема «двоеверия»⁴ я показываю неверность утверждений П. Н. Травкина о политических условиях существования такого святилища в XII–XIII вв. Надеюсь остановиться на этом в специальном сообщении на секции. Не было на самом деле никакого волхва, которого народ, якобы, избрал епископом,⁵ письменные источники этому полностью противоречат.⁶ Христианская вера св. князя Андрея Боголюбского была полностью идентична византийскому православию.⁷

Весьма спорны попытки утверждать, будто бы жители Плёса, а перед этим – Пеньковского городища, были религиозно устремлены к некоему «нижнему миру», «богу преисподней», которого П. Н. Травкин именуется Велесом и Кереметом.⁸

Распространенные в настоящий момент представления о Велесе-Волосе являются неким поздним весьма уязвимым литературно-историческим мифом. В настоящее время ставится под сомнение сама взаимосвязь имен Велес и Волос. Еще В. Й. Мансикка отмечал, что в ряде текстов летописей имена «Волос» и «Власий» являются взаимозаменяемыми, то есть Волос – «простонародная форма для христианского Власий и Влас».⁹ Л. С. Клейн считает, что «скотий бог» Волос – это трансформированный образ св. мученика Власия, покровителя скота в Византии, а не самостоятельное языческое божество.¹⁰ С его точки зрения, культ мученика Власия, мог быть занесен на будущую территорию Руси еще до принятия христианства, в VI–VII веках, когда славянские племена вторглись в Византию, более века там жили, а потом в своей массе отхлынули назад.¹¹ Поэтому он облекся в некую «языческую» форму. Рассказ об идолу Волоса из «Сказания о граде Ярославле», внимательно разбираемый В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым¹² и использованный в диссер-

тации П. Н. Травкиным,¹³ не является местным преданием. Он заимствован автором этого сказания, выпускником киевской духовной школы архиепископом Ростовским Самуилом из текстов польских писателей XVI века, оказавших влияние на Густынскую летопись. При этом имя Перуна просто заменено именем Волос для объяснения происхождения названия ярославской церкви св. Власия.¹⁴ Уже М. Фасмер предполагал связь «Велес» с «велий (великий)» по той же модели, что «белёсый – белый».¹⁵ Ю. В. Подлипчук, в своей работе, вышедшей в издательстве «Наука»¹⁶, пишет, что «велес» в ранних письменных источниках означает не имя божества, а эпитет «большой», «богатырский».¹⁷ Например, соответствующие топонимы он считает происходящими от этого эпитета,¹⁸ словосочетание «велесов внуце» в «Слове о полку Игореве» переводит как «богатырей внук».¹⁹ Текст жития прп. Авраамия Ростовского, на которое опосредованно и через другого автора ссылается П. Н. Травкин,²⁰ является весьма поздним.²¹ Более того, исследователи за последние полтора столетия так и не пришли к единому мнению, когда же жил прп. Авраамий.²² Ю. В. Подлипчук фразу из жития преп. Авраамия «близ страстного идола велеса» переводит как «вблизи идола большого (великого)».²³ То есть Волос может происходить от мученика Власия, а слово «велес» – означать нечто совершенно иное, например, эпитет «большой».

П. Н. Травкин пишет: «Велес принял образ святого Николы в христианстве»,²⁴ и соотносит общественное действие, следы которого он называет «святилищем Велеса», с Никольскими братчинами.²⁵ Попытке обоснования связи Велеса с почитанием святителя Николая посвящены работы Б. А. Успенского (1982 г.)²⁶ и Т. А. Золотовой (1997 г.),²⁷ отсутствующие в списке литературы диссертации П. Н. Травкина.²⁸ Авторы исходили из «теории основного мифа» В. В. Иванова и В. Н. Топорова.²⁹ В настоящее время эта теория подвергнута основательной критике Л. С. Клейном (в том числе, критикуется якобы имеющаяся связь Велеса со змеем).³⁰ Б. А. Успенский предлагает обширный этнографический материал, но так и не приводит доказательств, будто бы существовало некое тайное почитание Велеса под именем

св. Николая Чудотворца, или же в лице св. Николая люди, именующие себя православными христианами, осознанно почитали некое «нижнее божество».

П. Н. Травкин называет плесское Заречье «кварталом Черногобога», «плесской «Велешей»,³¹ приводя в качестве аргумента, что там «сохранилась часовня св. Николая».³² Такой аргумент в свете вышесказанного малоубедителен. Безусловным курьезом является еще один аргумент из книги П. Н. Травкина – будто Петропавловская деревянная церковь к 1917 году оставался «единственным старообрядческим храмом в Плесе».³³ Подобное утверждение звучит и в его диссертации.³⁴ Все любящие историю Плёса знают, что этот храм сгорел в 1903 году и не был старообрядческим со времен раскола XVII века. Курьезна связь, которую П. Н. Травкин пытается установить в диссертации между одним из прозвищ нечистого в английском фольклоре – Old Nick («старая зарубка»³⁵) и именем св. Николая,³⁶ ведь этимологически между ними нет ничего общего. В этом же ряду – его попытка доказать в диссертации почитание Велеса с помощью рыбацкой байки о якобы виденной в 1991 году в Волге четырехметровой змее с «крокодильим хвостом» и «поросычьей мордой» – мол, сохранились в природе реликтовые животные, в образе которых поклонялись Велесу.³⁷

П. Н. Травкин считает слово «керемет» именем, под которым Велес, якобы, был «известен на обширных финских территориях».³⁸ На самом деле, «керемети» в зафиксированных этнографами XIX столетия представлениях приволжских финно-угров, это низшие духи, произошедшие из душ умерших, а вовсе не некий «хозяин преисподней»³⁹. Подробный материал по этому вопросу приведен в моей работе «Найдено ли в Плёсе святилище Велеса?».⁴⁰ Воззрения П. Н. Травкина о связи «Керемета» и Велеса подверг критике в своей диссертации Т. А. Галкин (Владимирский госуниверситет).⁴¹

Но если не «святилище», то, что же? Соглашусь с П. Н. Травкиным, что перед нами следы братчин. Вот только сами братчины на протяжении почти тысячи лет не запрещались и

не отрицались Церковью. Обширный материал по этому вопросу приведен в упомянутой выше моей работе.⁴²

Существуют две парадигмы, через которые можно воспринимать этнографический материал. Одна из них представлена дореволюционной русской «мифологической» школой (например, А. Н. Афанасьев) и ее советскими последователями, включая Б. А. Рыбакова. Они сводили всё к пережиткам язычества, то есть к существованию непрерывной из поколения в поколение преемственности языческих обрядов, символов, по сути, параллельной христианству религии или, как минимум, двоеверия. Другая представлена академиком Императорской академии наук Александром Николаевичем Веселовским. Он описывал процесс самозарождения мифологических сюжетов внутри христианского сознания, а также тесную взаимосвязь русского и европейского фольклора, существующего во вполне христианской среде. Подробнее об этом говорится в моей работе «Епископ Феодор и проблема «двоеверия».⁴³ Например, Б. А. Рыбаков пытается механически установить прямую связь между образами, порожденными самыми разными эпохами, что убедительно критикуется Л. С. Клейном.⁴⁴ Между тем, следует, скорее, говорить о проявлении архетипов коллективного бессознательного, воспроизведении сходных форм в разные эпохи. Это вовсе не означает существования единой преемственности некоей языческой традиции.

В. В. Седов обнаружил следы братчины в новгородском культурном слое середины X в.⁴⁵ Соответственно, как ритуально-общественная форма, братчины возникают в дохристианский период. Однако затем они органично входят в христианскую жизнь. И это практически невозможно рассматривать через привычную многим советским исследователям парадигму «двоеверия». Первое летописное упоминание братчин относится к 1159 году (Полоцк, храм «Святей Богородици старой»)⁴⁶ В XIV–XV в.в. московские митрополиты добивались получения жалованных грамот для своих сел, которыми братчины защищались бы от вторжения на них сторонних людей – всевозможных «служилых людей», светских чиновников.⁴⁷ Братчины выступают здесь как проявления независимости сельских общин именно церковных сёл.

Представитель византийской церковной традиции митрополит Киевский и Московский Киприан в 1391 г. подтвердил права братчин сел Константиновского монастыря, в этих братчинах принимал участие игумен обители.⁴⁸ Братчина обладала своей юрисдикцией, ее выборные лица осуществляли суд за мелкие преступления.⁴⁹ С. М. Соловьев считал, что из братчин выросли известные православные юго-западные братства, активно борющиеся за Православие против униатства и католичества в XVI столетии.⁵⁰ В 1840 г. император Николай I утвердил разработанные Св. Синодом правила, регламентирующие заклание овец во время Великорецкого крестного хода (Вятская губерния).⁵¹ Это была, наверное, наиболее массовая регулярная братчина в русской церковной истории.

В связи с находкой в плеском комплексе братчины костей лося, я в своей работе «Найдено ли в Плесе святилище Велеса?» подробно останавливаюсь на месте, занимаемом оленями и лосями на братчинах, а также на образе оленя в патристике и христианском искусстве.⁵² Находит своё объяснение и горшок с кашей – в свете так называемых «ссыпных братчин»⁵³ и даже специально-го освящения каши в церковных притворах.⁵⁴

Находка в плеском комплексе топора и ключей также получает свое объяснение в христианской семантике запоров, в запирании сил зла, не только в народной культуре, но и в литургии, и в иконографии.⁵⁵

Однако кому же в дохристианские времена приносилась жертва на братчине? Как ни странно, никому. Речь идет о принципиально иных парадигмальных основаниях сути жертвоприношения. В 1971 г. В. Н. Топоров сформулировал главный принцип жертвы – реинтеграция, восстановление мира вопреки хаосу по образу первожертвы.⁵⁶ Однако, еще в 1949 г. эту же мысль высказал М. Элиаде.⁵⁷ В списке литературы диссертации П. Н. Травкина оба автора отсутствуют. Между тем, на мой взгляд, в новом методологическом осмыслении нуждаются, археологические находки, связанные с комплексом закладного жертвоприношения в основании крепостного вала Пеньковского городища (украшения, конь, юноша, жернова ручной мельни-

цы).⁵⁸ Считаю, что в свете представлений о сути жертвоприношения как реинтеграции мира их следует рассматривать не как приношений некоему «нижнему миру»⁵⁹, а как сакральную попытку повторения первоначального творения, обновляющего и восстанавливающего весь космос. Такому пересмотру мешает зависимость от темы Велеса, рассматриваемого в качестве некоего «божества нижнего мира».

Совместная ритуальная еда на братчинах (особенно там, где мы видим быка, лося, оленя) становятся символом непрерывной реинтеграции общины, что вводит этот обряд в литургически осмысленное церковное пространство. Именно поэтому я соотношу братчины с известным чином о панагии.⁶⁰ Безусловно, человеческое жертвоприношение на Пеньковском городище не может рассматриваться в качестве прообраза христианской обрядности. И, тем не менее, оно по своей семантике укладывается в общий принцип, сформулированный М. Элиаде и В. Н. Топоровым. Жаль, что описанный в общих чертах, но научно не изданный П. Н. Травкиным комплекс жертвоприношения на Пеньковском городище не нашел пока полного отражения в экспозиции музея. Это, в том числе, заставило бы по-иному взглянуть не современные претензии так называемых «этнофутуристов», стремящихся выстроить гражданское общество на основе конструирования нового язычества, в том числе – художественными методами.⁶¹ Хотят ли этнофутуристы, в том числе, так называемые «меряне»⁶² возродить в полноте, так сказать, обычаи тех, кого считают своими предками? Этнофутуризму посвящена глава в моей упоминавшейся работе.⁶³

Полагаю, что добротная экспозиция Плёсского музея имеет большой потенциал для своего осмысления. Предлагаю проводить интернет-конференции, посвященные конкретным экспонатам и разделам экспозиции.

¹ Травкин П. Н. Сакральные представления населения малого города Волго-Клязьминского муждурчья XII – начало XIII веков (на примере

г. Плёса). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук (специальность – 07.00.02 – Отечественная история). – Иваново, 2003.

² *Травкин П. Н.* Язычество древнерусской провинции. Малый город. – Иваново, 2008 (в варианте CD-диска).

³ *Травкин П. Н.* Сакральные представления, с. 79–95.

⁴ *Виталий (Уткин)*, игум. Прав ли Павел Травкин? Выпуск первый: Епископ Феодор и проблема «двоеверия». – Иваново-Вознесенск /Плёс, 2015

⁵ *Травкин П. Н.* Сакральные представления, с.159.

⁶ *Виталий (Уткин)*, игум. Ук. соч., с. 6–56.

⁷ Там же, с.с. 48 – 56; 106 – 115.

⁸ *Травкин П. Н.* Ук.соч., с. 77–78.

⁹ *Мансикка В. Й.* Религия восточных славян. – М., 2005, с. 74.

¹⁰ *Клейн Л. С.* Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. – Спб., 2004, с. 60.

¹¹ Там же.

¹² *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. – М., 1974, с. 55 – 56.

¹³ *Травкин П.Н.* Сакральные представления, с. 78.

¹⁴ *Виталий (Уткин)*, игум. Прав ли Павел Травкин? Выпуск второй: Найдено ли в Плесе святилище Велеса? – Иваново-Вознесенск /Плёс, 2015, с. 182 – 190.

¹⁵ *Фасмер М.* Велес; Волос // Этимологический словарь русского языка в 4 т. Т. 1. – М., 1986, с. 287–288, 343.

¹⁶ *Подлипчук Ю. В.* «Слово о полку Игореве». Научный перевод и комментарии. – М., 2004.

¹⁷ Там же, с. 98 – 101.

¹⁸ Там же, с. 100.

¹⁹ Там же, с. 101.

²⁰ *Травкин П. Н.* Сакральные представления, с. 78.

²¹ *Третьякова А.Л.* Авраамий Ростовский //Православная энциклопедия. Том I. – М., 2000, с. 177.

²² Там же, с. 176.

²³ Подлипчук Ю. В. Ук. соч., с. 100.

²⁴ *Травкин П. Н.* Ук.соч., с. 132.

²⁵ Там же, с. 89.

-
- ²⁶ *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая. Мирликийского. Глава III. Никола и Волос (Велес). – М., 1982, с.с. 31 – 117.
- ²⁷ *Золотова Т. А.* Таусеневые песни русских Поволжья: региональное своеобразие и межэтнические связи. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Специальность 10.01.09 – фольклористика. – Йошкар-Ола, 1997, с. 82 – 110.
- ²⁸ *Травкин П. Н.* Сакральные представления, с. 183 – 197.
- ²⁹ *Успенский Б. А.* Ук. соч., с. 31.
- ³⁰ *Клейн Л. С.* Ук. соч., с. 59 – 65.
- ³¹ *Травкин П. Н.* Язычество древнерусской провинции. Малый город. Глава V. Портрет провинциального волхва.
- ³² *Травкин П. Н.* Сакральные представления, с. 147.
- ³³ *Травкин П. Н.* Язычество древнерусской провинции. Малый город. Глава V. Портрет провинциального волхва.
- ³⁴ *Травкин П. Н.* Сакральные представления, с. 139.
- ³⁵ Большой англо-русский словарь. Автор-составитель Н. В. Адамчик – Минск, 1998, с. 643.
- ³⁶ *Травкин П. Н.* Сакральные представления, с. 132.
- ³⁷ Там же. с. 121 – 122.
- ³⁸ Там же, с. 78.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ *Виталий (Уткин)*, игум. Прав ли Павел Травкин? Выпуск второй: Найдено ли в Плесе святилище Велеса?, с. 128 – 163; 191 – 198.
- ⁴¹ *Галкин Т. А.* Погребальный обряд региона Северо-Восточной Руси как отражение межрелигиозных, межэтнических и торговых связей в IX – первой четверти XIII веков (на материале письменных и археологических источников). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Специальность 07.00.02 – Отечественная история. – Владимир, 2012, с. 187.
- ⁴² Там же. с. 30 – 67; 89 – 99.
- ⁴³ *Виталий (Уткин)*, игум. Прав ли Павел Травкин? Выпуск первый: Епископ Феодор и проблема «двоеверия», с. 57 – 61.
- ⁴⁴ *Клейн Л. С.* Воскрешение Перуна, с. 86-87, 105.
- ⁴⁵ *Седов В. В.* К вопросу о жертвоприношениях в Древнем Новгороде//КСИА, выпуск 68. – М., 1957, с. 28 – 30.
- ⁴⁶ Полное собрание русских летописей. Том II. Ипатьевская летопись. – Спб., 1845, с. 83.

-
- ⁴⁷ Обзор грамот: Виталий Уткин), игум. Прав ли Павел Травкин? Выпуск второй: Найдено ли в Плесе святилище Велеса?, с. 44 – 53.
- ⁴⁸ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею Императорской академии наук. Том первый: 1294 – 1598. – Спб., 1836, с. 7.
- ⁴⁹ Псковская судная грамота, составленная на вече в 1467 году – Одесса, 1847; Попов А. Пиры и братчины //Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. Кн. 2.2. – М., 1854, с. 31 – 32; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею Императорской академии наук. Том первый..., с. 122.
- ⁵⁰ *Соловьев С. М.Братчины* //Русская беседа, 1856, т. IV. – М., 1856, с. 108 – 117.
- ⁵¹ *Иосиф (Баженев)*, архим. О крестных ходах вятских //Памятная книжка Вятской губернии на 1870 год. – Вятка, 1870, с. 66 – 67.
- ⁵² *Виталий (Уткин)*, игум. Прав ли Павел Травкин? Выпуск второй: Найдено ли в Плесе святилище Велеса?, с. 76 – 88.
- ⁵³ Там же, с.32.
- ⁵⁴ Из обычаев обонежского народа (Этнографические заметки) //Памятная книжка Олонецкой губернии за 1867 год. – Петрозаводск, 1867, с. 135.
- ⁵⁵ *Виталий (Уткин)*, игум. Прав ли Павел Травкин? Выпуск второй: Найдено ли в Плесе святилище Велеса?, с. 118 – 127.
- ⁵⁶ *Топоров В. Н.* О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового древа» //Труды по знаковым системам.Т.5 – Тарту, 1971, с.46.
- ⁵⁷ Русск.пер.-Элиаде М. Миф о вечном возвращении. – М., 2015, с. 35.
- ⁵⁸ *Травкин П. Н.* Ук.соч., с. 104 – 105.
- ⁵⁹ *Травкин П. Н.* Ук. соч., с. 104 – 105.
- ⁶⁰ *Виталий (Уткин)*, игум. Ук. соч., с. 97 – 98.
- ⁶¹ Там же. с. 208 – 232.
- ⁶² <http://merjamaa.ru/>.
- ⁶³ Там же.

В. А. Аверин, В. Ю. Барышников, Д. В. Самотовинский

РАБОТЫ ИВАНОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В ПЛЁСЕ В 2014 ГОДУ

Археологический сезон 2014 г. в Плесе стал одним из самых насыщенных за последние годы. Первые археологические разведки были начаты в апреле, последние работы осуществлены в сентябре. Наиболее интересные результаты дали исследования на пяти участках (рис. 1). В предлагаемой статье, имеющей информационный характер, даётся краткий обзор результатов выполненных работ.

Рис. 1.

А) Разведочные работы

1) Ул. Спуск Горы Свободы, 5а.

Исследуемый участок расположен на крутом восточном склоне Соборной горы. Работы проводились на свободной от строений площадке – здесь была заложена разведочная траншея, размерами 1х8 м, ориентированная по направлению склоны горы. Отметим, что перепад высот в траншее был значителен и составил 190 см от северо-западного (1-го) квадрата к юго-восточному (8-ому). В траншее обнаружен фрагментарно сохранившийся средневековый культурный слой, залегающий, судя по всему, в переотложенном состоянии (результат делювиальных процессов). В нём обнаружены археологические находки, среди которых отметим фрагмент стеклянного браслета (тёмного гладкого) и фрагмент железного ножа с характерным треугольным сечением лезвия и небольшим уступом при переходе от черешка к лезвию. Кроме того, в траншее собрано относительно небольшое количество черепков тонкостенной керамики: черепки красновато-серого цвета с примесью дресвы и песка, с характерным для Средневековья линейным орнаментом. Таким образом, комплекс находок позволяет датировать слой XII–XIV вв.

2) Ул. Горная Слобода, 3.

Объект расположен на территории бывшей Троицкой слободы, на высоком плато горы Панкратка. Здесь был разбит шурф размерами 3х6 м, ориентированный параллельно сохранившимся на участке строениям – бревенчатому дому и сараю. Большая часть обнаруженных артефактов имеет достаточно поздние датировки. Прежде всего, это небольшая коллекция мелких монет: ½ копейки серебром 1840 г., 2 копейки 1912 г., 2 копейки со стёршейся датой, но по ряду признаков также датируемые дореволюционными годами XX столетия. Здесь же назовём свинцовую пломбу с оттиском Товарищества чайной торговли и складов «Братья К. и С. Поповы» – деятельность Товарищества относится ко 2-ой половине XIX – началу XX в. Этим же периодом можно датировать коллекцию фрагментов печных изразцов: белоглиняные изразцы, покрытые белой эмалью, произведённые гончарно-изразцовым заводом П. Е. Агапова в Кинешме (1884–1917 гг.); красноглиняные изразцы, покрытые белой эмалью с синей росписью (растительный орнамент, завитки), датируемые концом XVIII–XIX вв.; несколько красноглиняных глазурованных израз-

цов имеют полихромную роспись с преобладанием зелёной и жёлтой глазури – они относятся ко 2-ой половине XVIII в. Интерес представляют фрагмент стеклянного браслета (зелёного, ложновитого) и единичные обломки керамики, предварительно отнесённые нами к древнерусскому периоду. Вероятно, они происходят из разрушенного в XVIII–XIX вв. средневекового культурного слоя.

3) Вичугский проезд, 7.

Исследуемый участок расположен на правом берегу р. Шохонка, на западном склоне горы Левитана. Естественный уклон, направленный с востока на запад и на северо-запад, существенно сnivelирован в результате антропогенной деятельности. На момент обследования здесь располагалось одноэтажное деревянное строение на лёгком кирпичном фундаменте. Важно отметить, что на момент начала археологического обследования на участке уже были частично проведены земляные работы, связанные с новым строительством: вырыты котлован, размерами 8х6 м и глубиной до 1,5 м и колодец глубиной 6,3 м.

Исследование стратиграфии в котловане позволило установить наличие признаков объекта культурного (археологического) наследия. Культурный слой, предварительно датируемый XII – XVII вв. (судя по собранным фрагментам керамики), был повреждён почти по всей площади котлована. При этом в восточной (верхней) его части мощность культурных напластований относительно невелика – не превышает 60 см, тогда как в западной (нижней) части котлована мощность культурных напластований существенно возрастает и уходит ниже уровня, затронутого земельными работами, связанными со строительством.

Факт наличия на участке культурного слоя был подтверждён и заложёнными здесь шурфами. Наибольший интерес представляет шурф 3, расположенный в 5 метрах к западу от западной стенки котлована. Изначальный размер шурфа – 1х1 м. После того, как шурф был прокопан на глубину 160 см, в нём проявились признаки погребения: сняты большеберцовая, малоберцовая, пяточная и таранная кости правой ноги, фрагменты большеберцовой и малоберцовой костей левой ноги; прослежены контуры могильной ямы. Для того чтобы исследовать погребение полностью, шурф был расширен до площади 2х2 м. Могильная яма, размерами 160х50 см имела в плане подпрямоугольную форму со скруг-

лёнными углами. Остатки гроба не обнаружены. Захоронение ориентировано по линии юго-запад – северо-восток (с небольшим смещением по часовой стрелке). Скелет лежал вытянуто на спине головой на юго-запад. Череп повернут к северу, руки слегка согнуты в локтях, кисти скрещены в районе нижней части живота. Кости ног расположены параллельно друг другу, залегают в анатомическом порядке. Сохранность костяка удовлетворительная. Никаких артефактов (в том числе нательного креста) в захоронении найдено не было.

Хорошая сохранность скелета дала возможность сделать его антропологический анализ. Медико-криминалистическое исследование выполнено в отделении медицинской криминалистики ОБУЗ «Бюро судебно-медицинской экспертизы Ивановской области» государственным судебно-медицинским экспертом А.В. Возохиным. По итогам экспертизы специалист пришёл к выводу, что выявленные костные останки принадлежат скелету одного человека женского пола, европеоидной расы, ростом около 155-159 см, костный возраст которого составляет около 46 лет с доверительным интервалом в 5 лет. При исследовании костных останков обнаружены признаки прижизненных заболеваний, характерные для II-й стадии деформирующего остеоартроза и остеохондроза позвоночника. Каких-либо повреждений, не связанных с пребыванием останков в месте захоронения, на костях скелета не обнаружено. Часть костного материала была отобрана на радиоуглеродный анализ.

В культурном слое найдено значительное количество керамического материала. Его распределение в шурфе неоднородно. Фрагменты сероглиняной керамики, выявленные на уровне 1-го условного пласта, характеризуются хорошо заглаженным, плотным черепком качественного обжига с небольшим содержанием песка либо мелкой дресвы; керамика не орнаментирована. Примечательно, что на уровне 1-го пласта не выявлено ни одного фрагмента чернолощёной либо морёной, а также поливной керамики Нового времени. Характер сырья, обжига, форма венчиков позволяют датировать данную керамику XV–XVI вв. Фрагменты сероглиняной керамики, выявленные на уровне 2-го – 5-го пластов более грубые: поверхность черепка шероховатая, с небольшими трещинками и пустотами; тесто содержит большое количество средней и крупной дресвы. Большинство черепков имеют линейный орнамент разной степени интенсивности. Керамику

этого типа можно датировать периодом XII–XIV вв. Керамика, выявленная в заполнении могильной ямы, соответствует по своим характеристикам керамике из 2-го – 5-го пластов. Судя по всему, она попала сюда после истлевания крышки гроба из запытки захоронения.

Таким образом, разведки, проведённые ИВАЭ в 2014 г. позволяют нанести несколько новых штрихов на археологическую карту Плёса. Это, во-первых, касается вопроса о характере отложения культурного слоя на склонах плёсских холмов (Соборная гора, гора Левитана). Во-вторых, находки на территории Троицкой слободы не только дополняют информацию об истории Плёса Нового времени, но и ставят вопрос о границах средневекового поселения в верхней части города. Наконец, сотрудниками Ивановской археологической экспедиции был открыт могильник на западном склоне горы Левитана, предварительно датируемый XV–XVI вв. Выявленный могильник располагается на участке, который входил в черту средневекового поселения, что подтверждается археологическим материалом.

Б) Раскопки

1) Ул. Варваринская, 18¹.

Археологическим раскопкам предшествовала шурфовка, позволившая установить факт наличия здесь разновременных культурных слоёв. Перед началом строительства на участке был заложен раскоп площадью 180 кв. м. Результаты раскопок подтвердили активную строительную и хозяйственную деятельность, которая велась на объекте в XVIII–XX вв. Отмечается практически полное отсутствие артефактов, датируемых XIV–XVII вв. Возможно, отложения эпохи Позднего Средневековья и Раннего Нового времени были разрушены за последние три столетия, но, скорее всего, данная территория в указанное время не была заселена.

Под слоем Нового времени выявлен раннесредневековый могильник, который относится к эпохе славянской колонизации

¹ В настоящее время материалы раскопок находятся в стадии обработки. Полная информация о могильнике будет дана в виде серии отдельных публикаций.

Верхнего (Костромского) Поволжья и ассимиляции славянами финно-угорского населения плёсских земель. На сегодняшний день получена серия радиоуглеродных дат, позволяющая говорить о том, что могильник функционировал с конца X до начала XIII вв. В общей сложности исследовано 28 погребений, среди которых есть как взрослые люди обоего пола, так и дети. Все погребённые лежат в сложносоставных дощатых гробах в виде носилок. Ориентировка погребений – по линии запад-восток, с небольшими, вероятно, связанными с сезоном захоронения, отклонениями. Гробовые крышки перекрыты слоями бересты. Антропологические исследования указывают на то, что в могильнике захоронены представители различных расовых типов (североевропейский, средневропейский и даже южноевропейский), что не позволяет говорить об однородном составе населения средневекового Плёса. Большая часть погребений безынвентарная. Исключения составляют три захоронения, в которых найдены височные кольца из медной проволоки с несомкнутыми концами. В засыпке ещё одной могилы найдена финская «коньковая» подвеска. В двух захоронениях в изголовье и в ногах погребённых положены плоские необработанные камни, что, несомненно, является элементом погребального обряда. Открытым остаётся вопрос присутствия в захоронениях (внутри гробов) костей животных, видовой состав которых пока не определён. Судя по расположению могил, центр некрополя находится восточнее исследованного участка – «уходит» под расположенные там постройки XX в.

2) Ул. Никольская, 24.

Как и в случае с участком на ул. Варваринской, раскопкам на ул. Никольской (участок № 24) предшествовала археологическая разведка, подтвердившая факт наличия здесь разновременных культурных слоёв. Первый датируется XII–XIV вв., второй – XIX в. Раскопки дали интересный археологический материал, который подробно характеризуется в отдельной публикации в настоящем сборнике (см. Аверин и др. Об итогах спасательных археологических работ на ул. Никольской в Плёсе в 2014 г.).

В завершении хочется отметить, что проведённые в 2014 г. работы существенно скорректировали существовавшие ранее представления об истории Плёса в эпоху средневековья. Хочется надеяться, что будущие полевые сезоны дадут новые открытия.

Г. В. Панченко

К ИСТОРИИ ВОДЯНЫХ МЕЛЬНИЦ ГОРОДА ПЛЕСА

Источниками для написания этой работы стали планы Плеса, исторические фотографии, документы, воспоминания местных жителей, а также натурные исследования, проведенные в ходе нескольких экспедиций сотрудниками Плеского музея-заповедника С. А. Зыряновой, Е. Н. Полоцкой, Л. В. Левашовой, М. А. Голубевой, Д. Ивановым и автором.

На плане Плеса, составленном на основании межевого плана 1775 года не ранее 29 марта 1779 г. (дата утверждения герба города, который на нем имеется), обозначены четыре водяные мельницы на реке Шохонке: две в пределах селитебной площади и две на выгонных землях (рис.1)¹.

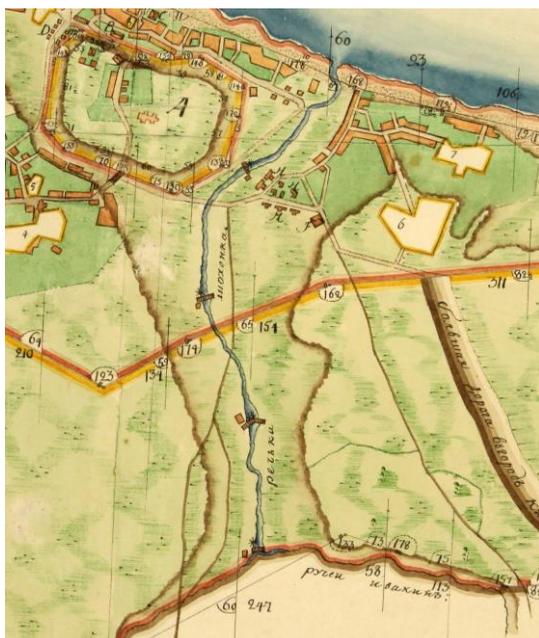

Рис. 1. План Плеса после 1 марта 1779 г.

Сразу оговоримся, что в дальнейшем будем называть мельницы по порядковым номерам, за точку отсчета взята р. Волга.

Здание 1-й мельницы указано на правом берегу Шохонки, все остальные – на левом. 4-я, последняя, мельница обозначена перед устьем Ивакина ручья.

В «Описании города Плеса и его уезда со всеми лежащими в них дачами...», составленном в 1770-х гг. в качестве пояснения к плану Плесского уезда, мы читаем:

«города Плеса градская селитебная земля

...на реке Шохонке состоят две мукомольные мельницы о двух же поставах², которые действие имеют кроме полой воды во все годовое время

выгонная земля владения того города купцов и мещан

...на Шохонке состоят две мукомольные мельницы об одной поставе оные действие имеют во все годовое время кроме полой воды»³.

Благодаря плану 1795 года, известны владельцы мельниц, находившихся на городской территории: 1-я мельница принадлежала Тараканову, 2-я - Токову⁴.

Из журнала магистрата 1789 года мы узнаем, что владельцем одной из мельниц был Иван Степанович Десятков. На ней в тот год произошел несчастный случай. Городничий докладывал, что «был učinён сыск вместе с ратманом Алексеем Бакакиным об оказавшемся на мельнице мещанина Ивана Степанова Десятова мёртвом теле». Это оказался крестьянин села Макарова, помещицы Авдотьи Прокофьевны Хитровой Алексей Иванов, «который на той мельнице точка топор от неосторожности попал в колесо, коим и раздавлен»⁵.

В 1796 году в журнале магистрата появилось сообщение из нижнего земского суда о присылке для допроса мещан Григория и Ивана Степановых Десятковых, которые обвинялись в том, что в 1795 году держали у себя в работе на водяной мельнице для починки беглого рекрута Матвея Иванова⁶. В 1801 году Иван Степанович Десятков отдал купцу Андрею Макаровичу Частухину четверть Тараканихи во владение на 20 лет. За эту сделку он получил 250 руб.⁷ Становится понятно, что Десятовы

стали собственниками 1-й мельницы после Таракановых, а за мельницей закрепилось название «Тараканиха». Журнал магистрата 1831 года сообщает о введении во владение четвертью мельницы, называемой Тараканиха, плёсского купца Гаврилы Частухина, получившего эту долю от плёсского мещанина Дмитрия Десятова⁸.

В 1838 году мещанин Яков Васильев и вдова Татьяна Михайлова Десятовы отдают свою половину мельницы Тараканиха в совместное владение купцам Степану Андреевичу Частухину и Гавриле Семёновичу Частухину за 126 руб. 6 коп. в год. «А до вступления купца Частухина в распоряжение мельницей, обязаны мы Десятовы за свой счёт выстроить новый пятисаженный мельничной анбар на прочном основании, т. е. сваи под него вбивать не ручным порядком, а бабою и поставить оной анбар надлежащим порядком и нашими двумя жерновыми камнями на мох, на выстройку анбара деньги, сколько их потребуется, обязан выдать купец Частухин и выдать должен из сказанной рядной суммы 126 руб. 6 коп.»⁹

1-я мельница запечатлена на фотооткрытке № 28, датированной Л.П. Смирновым 1903-1908 гг. (рис. 2)¹⁰.

Рис. 2. 1-я мельница – Тараканиха. 1903-1908 гг.

В журнале 1797 года содержится сообщение о наложении ареста на имение должника, купца Кузьмы Потепалова, владельца, совместно с Федором Токовым, мельницы¹¹. В «Деле по предложению его превосходительства господина советника и Костромского губернатора Бориса Петровича о присылке к его превосходительству о купцах, также о их капиталах и торгах и о прочем ведомости» от 3 мая 1798 года указано, что Федор Федорович Токов имеет капитала 2050 рублей, привозит товаров на 1780 руб., имеет водяную и ветряную мельницу и торг ведет в Плесе¹².

Речь скорее всего идет о 2-й мельнице, ранее принадлежавшей одному Токову. 18 апреля 1805 года Кузьма, Алексей и Михаил Потепаловы совместно с купцом Фёдором Фёдоровичем Токовым отдают свою мельницу в содержание на 2 года Ивану Михайловичу Балуюеву с оплатой 120 руб. в год¹³.

Журнал магистрата за 1818 год сообщает о продаже Кузьмой и Пётром Потепаловыми водяной мельницы при реке Шохонке купцу Семёну Макаровичу Частухину¹⁴.

В 1821 году на ней случается трагическое происшествие. Как сообщает источник, городской голова Алексей Частухин утонул на Шохонке близ своей мельницы, называемой Токова, упал с переходов в верхний пруд, при этом находился мещанин Михаил Токов. В журнале магистрата записаны показания жены погибшего Катерины Васильевой Частухиной и мещанина Михаила Токова. Вдова сообщила, что по случаю Пасхи они с мужем пошли для вечерней молитвы в молитвенный дом, что за речкой Шохонкой, с ними были родные братья Семён, Иван и двоюродный Степан. После молитвы все пошли на переход к мельнице Тараканиха, а муж – к своей мельнице для осмотра гати, и Михайло Токов пришёл осмотреть мельницу. Частухин чинил от течения воды дыры, потом увидел ещё течь, взял кол и начал затыкать, но промахнулся и упал в самую быструю воду. О чём Токов закричал братьям и жене, переходившим по переходам к мельнице Тараканихе, на расстоянии не более 80 сажен. На крик прибежали родственники и другие люди. 5 часов в тот день искали, но из-за темноты и стремительности воды отыскать не могли, на другой день нашли завязшим ногами в нижней гати¹⁵.

В 1839 году, очевидно, эту же мельницу купец Иван Семёнович Частухин продает купцу В.В. Частухину вместе с каменным солодовенным заводом при речке Шохонке и пустопорожной под сломанным амбаром земель¹⁶. В 1840 году на ней опять случается происшествие. Купец В. В. Частухин объявляет о пропаже отлучившегося неизвестно куда крестьянина д. Головленково господина Свечина Дмитрия Фёдорова, проживавшего у него в услужении на водяной мукомольной мельнице¹⁷. В 1853 году мещанин Михаил Фёдорович Токов берёт в аренду у купчихи Александры Частухиной половину мельницы на реке Шохонке на 6 лет за 120 руб. серебром и половину мельничного амбара¹⁸. Семейное наследственное дело никак не отпускало от себя ратмана городского магистрата.

Вторая мельница запечатлена на фотооткрытке № 73 и на фото С. М. Прокудина-Горского (рис. 3). На них видны плотина и две двускатные деревянные постройки на левом берегу Шохонки. Дорога к мельнице шла по левому берегу реки. На фотооткрытке № 55 мы видим запруду и 2-ю мельницу с другой стороны. Здание мельницы здесь другое – сориентировано коньком крыши не поперек, а вдоль реки (рис. 4). Слева от мельницы видно светлое каменное здание, вероятно, солодовенный завод купцов Частухиных, упоминавшийся в документе 1839 г.

Рис. 3. 2-я мельница – Токова. Фото С.М. Прокудина-Горского (фрагмент). 1910 г.

Журнал 1803 года содержит объявление купца Якова Дмитриевича Шемякина о том, что 23 мая с его мельницы на речке Шохонке, называемой Верхняя Токовая, украдены три кафтана: два серые, один смурой, камзол, двое сапог, шпага с ножнами, всего на 21 руб. 50 коп.²³

В 1833 году купец 2 гильдии Василий Частухин представил «общественный приговор на отдачу в содержание в городе Плёсе берегов, лежащих на речке Шохонке, принадлежащих плёсскому городскому обществу, для устройства мукомольной мельницы за неусмотренность плёскими мещанами Михаилом и Андреяном Токовыми»²⁴. Из журнала за 1834 год становится понятно, что общественная мельница была выстроена. Содержал ее мещанин Владимир Иванчиков, с которого городское общество взыскивало за это деньги²⁵. В 1843 году с него было получено 20 руб.²⁶

Рис. 5. 3-я мельница – Кузнечиха. 1900-е гг.

Третью мельницу можно увидеть на дальнем плане на фотототкрытке «Вид на Ключи» (рис. 5). В начале XX века ее постройки находились на правом берегу Шохонки. Именно эту мельницу, как оказалось, мы видим в целой серии работ И.И. Левитана – «Водяная мельница», «Осень. Мельница.

Этюд», «Осень. Мельница» (рис. 6). По воспоминаниям Л. П. Смирнова, это место называлось «Кузнечиха»²⁷. Вероятно, уже в 1908-1910-х годах 3-я мельница прекратила свое существование, по крайней мере на фотооткрытке № 73, которую по наличию каменного моста через Шохонку можно датировать временем не ранее 1908 года, ни постройку, ни запруды не видно.

В результате натурных исследований было обнаружено несколько насыпей, вероятно, разновременных, которые можно отнести к 3-й мельнице.

*Рис. 6. Левитан И.И. Осень. Мельница. Этюд. 1888 г.
(фонды Плесского музея-заповедника)*

Первое место – выше поворота Шохонки и ниже бугеля горнолыжного спуска. Здесь на обоих берегах Шохонки были обнаружены останцы земляной насыпи плотины, а в склоне левого берега – прорезка дороги, вымощенной булыжником. Прорезка спуска к Шохонке обнаружена также на правом берегу на повороте реки. Дорога и спуск являются продолжением друг друга. Судя по планам конца XVIII в., эта дорога существовала уже тогда (рис. 1). На плане она пересекает в районе поворота Шохонку, раздваивается, проходя по коренному берегу и терра-

се левого берега, и опять сходится перед пересечением Шохонки в районе большого мыса правого берега, где позднее возникла усадьба Огуречникова.

Второе место 3-й по счету мельницы – насыпь на правом берегу ниже поворота реки, на топосъемке – точка 93.2. Рядом, чуть выше ее по течению, прослеживается обваловка берега, сделанная, вероятно, для расширения русла и защиты от воды. В момент существования мельницы на этом месте брод, располагавшийся некогда на повороте, был затоплен, как и все русло Шохонки и прибрежная часть вплоть до впадения Ивакина ручья. Именно это мы видим на фотографии «Вид на Ключи».

Вероятно, мельница, расположенная по течению выше, датируется более ранним временем (Верхняя Токовая) и к моменту постройки другой (Кузнечиха) прекратила свое существование.

Очень мало сведений о четвертой мельнице, располагавшейся ниже места впадения в р. Шохонку Ивакина ручья. Вероятно, к ней относится сведение о том, что в 1824 году Владимир Яковлевич Иванчиков берёт в содержание у города мельницу, стоящую на Шохонке, называемую Курносую²⁸.

Во время экспедиции были обнаружены ее следы – насыпь и две большие ямы на правом берегу. Видимо, к приезду сюда И. И. Левитана эта мельница уже прекратила свое существование.

Ниже 4-ой мельницы прослежена обваловка правого берега. Возможно, это связано с необходимостью увеличения русла Шохонки для лучшего сбора воды для 3-ей мельницы при достаточно близком на XVIII-первую половину XIX в. ее расположении к 4-й.

Прямо напротив бугеля на обоих берегах прослежены насыпные выступы. Можно предположить, что здесь, перед плотиной четвертой мельницы, когда-то мог быть мост.

Если на планах XVIII века 4-я по счету мельница обозначена ниже устья Ивакина ручья, то в начале XX вв. она уже находится в другом месте, на большой петле реки Шохонки, рядом с усадьбой Огурешникова, которому она и принадлежала.

Вне пределов городской земли Шохонка называлась Ключами, так же называлась и сама местность. Истоком Шохонки

считался ключ у д. Касимовки²⁹. Краевед Л. П. Смирнов вспоминал: «Небольшой лес «Ключи», получивший название от этой речки, располагался сразу за Плесом к юго-востоку от дороги Плес-Середа (ныне Плес-Фурманов). Здесь было любимое место воскресных и праздничных гуляний зажиточных плесских горожан. Небольшая дорожка вела через небольшой хвойный лес на высокий берег речки, с которого была видна за речкой поляна. На ней располагалась усадьба (хутор) Огуречникова «дикого барина», как звали его в Плесе. Барином могли назвать его только по привычкам, происхождения он был самого простецкого. В усадьбе был: одноэтажный хозяйский дом, небольшой двухэтажный домик, сдававшийся одно лето под кумысолечебницу, а в другие годы под дачу. Кроме того, были сараи и другие хозяйственные постройки. Некоторые дачники считали, что по местонахождению дача Огуречникова (в ней могла поместиться одна небольшая семья) – лучшая в Плесе»³⁰ (рис. 7).

Л. П. Смирнов оставил описание фотооткрытки № 152: «Здесь сфотографирована дача, расположенная в долине речки «Ключи» в лесу того же названия вблизи г. Плеса, принадлежавшая Константину Федоровичу Огуречникову. В одноэтажном деревянном доме жил он сам со своей семьей. За этим домом, ближе к лесу стоит готовый дачный домик. Левее дома, в котором он сам жил, виден строящийся дачный домик.

В город можно было пройти двумя путями: во-первых, подняться в гору, пройти небольшой елово-сосновый лесок и выйти в поле к окраинам Троицкой слободы, во-вторых идти вниз по течению речки Ключи и пройти таким образом в Плесское Заречье, где речка Ключи меняет название на Шохонку и впадает в Волгу»³¹ (рис. 8). На фото в левом нижнем углу видна крыша мельницы. Ее от усадьбы отделяла дорога. С севера дорога по мосту выходила на террасу левого берега Шохонки, с юга, огибая усадьбу по краю мыса поднималась к полям у д. Церковное.

Рис. 7. Усадьба К.Ф. Огуречникова «Ключи»

Рис. 8. Усадьба К.Ф. Огуречникова «Ключи»

Как показывают фотоматериалы и свидетельствует Л. П. Смирнов, мельница располагалась под высоким обрывистым левым берегом (сейчас это территория парка санатория) на юго-западном углу большого мыса правого берега Шохонки. По крутому склону к плотине от лавочек, стоявших сверху, можно

было спуститься по тропинке, а с соседним, более южным, узким мысом левого берега большой мыс соединял еще один мост, построенный над омутом (рис. 9)³². Как показали натурные исследования, с узкого мыса в гору поднималась проезжая дорога.

Рис. 9. Мельница Огурешникова в местечке Ключи.
Фото С.М. Прокудина-Горского.1910 г.

По воспоминаниям Л. П. Смирнова, «усадьба существовала, примерно, с 1907–8 г. и до конца 20-х годов»³³.

После Великой Октябрьской революции, в марте 1919 года, было определено, что «1) Мельницы и крупорушки, как частновладельческие, так и общественные, разделяются на две категории: во-первых, мельницы и крупорушки потребительские и общегосударственные, во-вторых, все прочие мельницы, имеющие местное значение. 2) Мельницы первой категории

находятся в ведении местного Совнархоза. Из них паровые мельницы с основным капиталом свыше пяти тысяч рублей, принадлежавшие акционерным товариществам национализированы декретом о национализации (с. уст. с. 559), а все остальные мельницы национализируются по особому каждый раз постановлению Совнархоза»³⁴.

Основным источником, в котором содержатся сведения о мельницах в советское время, становятся протоколы плесского горисполкома.

В 1919 году в горисполком поступило заявление от держателя водяной мельницы Щербина на вырубку 18 бревен на Петропавловской горе для устройства кожуха при мельнице, для предохранения колеса от замерзания³⁵. Щербин, по воспоминаниям Л. П. Смирнова, был владельцем 1-й мельницы и оставался им и в 20-х годах³⁶. Из устного рассказа старожилы Заречья Павла Алексеевича Можжухина автору статьи известно, что владелец первой, самой нижней мельницы вынужден был переоборудовать ее в механическую, так как хозяева следующей мельницы (братья Маутины) неоднократно без предупреждения спустили воду и она размывала плотину. Возможно, паровая мельница была выстроена на новом месте, так как на фото, предположительно датированном 1930-ми годами, первой водяной мельницы уже нет.

Мельницы снабжали мукой столовую, но все в том же 1919 году было решено «столовую ликвидировать и выдачу хлеба прекратить, о количестве же полученной муки с мельниц доложить Совету»³⁷.

Тогда же «Маутин Алексей Парфентьевич просит об отводе земли в арендное содержание участка величиною в квадрате 900 сажень, находящейся по речке Шохонке ниже водяной мельницы «Кузнечиха». А также просит срубить деревья для устройства кожуха для водяного колеса³⁸. В этом участке прежде всего мог быть заинтересован владелец 2-й мельницы, т. е. Маутин, скорее всего, был владельцем мельницы, некогда принадлежавшей Токовым.

«Акт обследования торговли в городе Плесе» от 13–17 октября 1925 г. сообщает, что Плесское ЕПО имеет 5 магазинов,

хлебопекарню, пивную, паровую мукомольную мельницу, 3 магазина в городе, 2 в Новом и Пеньках³⁹. То есть во второй половине 20-х годов XX века плесские мельницы находились как в частной, так и в коллективной (кооперативной) собственности. Право частной собственности при этом подвергалось ограничениям. Так, из протокола горисполкома от 21 марта 1928 года мы узнаем о получении заявления гражданина Е. П. Маутина с просьбой о разрешении продажи принадлежащей ему мельницы. Заявитель получил отказ⁴⁰.

В 1929 году в Плесе упоминается уже только одна мельница⁴¹.

Из протокола от 2 апреля 1929 г. мы узнаем, что эта мельница находилась в структуре ЕПО, т. е. речь идет о паровой мельнице. Председатель ЕПО Никитин докладывал, что мельница дает хороший доход⁴². В 1934 году на бюро плесской ячейки компартии рассматривалась неопубликованная заметка в газету «Рабочий край» под названием «В Плесе беспредел» (о чуждом классовом элементе на мельнице, в магазине ВТО и др. организациях). Было принято решение «пред. горсовета Смирнову произвести удаление чуждо классового элемента с мельницы, мельника Дунаева, рабочих Токова и Рябинина»⁴³.

В 1937 году мельница (в единственном числе) упомянута среди других организаций города в связи с проведением предвыборной агитации⁴⁴. В протоколе 1938 года сообщается о том, что работа городской бани «...находится в зависимости от дизеля мельницы, последний часто ломается, а поэтому баня работает с перебоем, ввиду недостачи воды»⁴⁵. Здесь речь идет все о той же механической мельнице. В 1939 году заведующий ею Пышкин отчитался: «Мельница имеет помола 500 т. План выполнен». ⁴⁶ В 1940 году рассматривался вопрос о реконструкции мельницы⁴⁷. В 1941 году ею заведовал Посыпкин⁴⁸. Когда эта мельница прекратила свое существование – неизвестно.

Исследование водяных мельниц еще нельзя считать законченным, полученные данные нуждаются в дальнейшем уточнении (рис. 10).

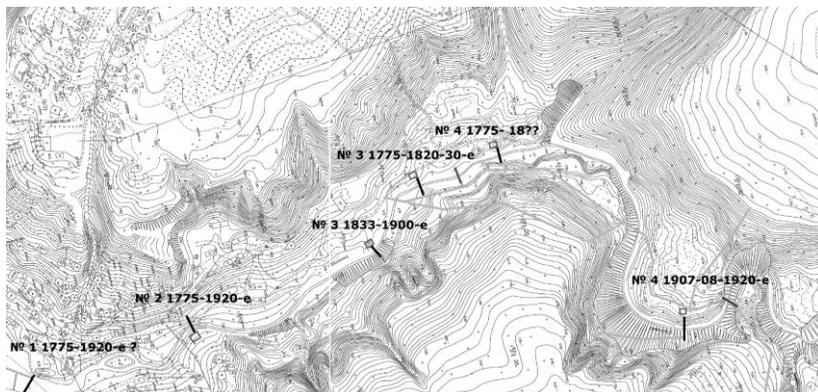

Рис. 10. Схема предполагаемого расположения мельниц в долине Шохонки

¹ РГАДА.Ф. 1356. Оп.1. Ед. 1888.

² Постав (с ударением на втором слоге) – устройство, представляющее собой пару мельничных жерновов, один из которых неподвижен, а другой вращается на нем.

³ Описание города Плеса и его уезда со всеми лежащими в них дачами в чьем они владении какое число мужеска и женска полу душ и сколько мерою земель со внесением экономических примечаний. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ед. 542. Л. 2 об.

⁴ План 1795 г. РГИА.Ф. 1293.Оп.166. Ед.50.

⁵ Журнал городского магистрата. 1789 г. ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 87. Л. 38.

⁶ Журнал городского магистрата 1796 г. ГАИО. Ф. 1018. Оп.1. Д.141. Л. 22.

⁷ Маклерская книга 1801 г. ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 184. Л. 30.

⁸ Журнал 1831г. ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 328. Л. 59.

⁹ Маклерская книга 1838 г. ГАИО. Ф. 1018. Оп.1. Д. 357. Л. 36.

¹⁰ *Смирнов Л. П.* Описание открыток с видами гор. Плеса. Архив Плесского музея-заповедника. Ф. 10. Оп.3. Л. 27.

¹¹ Журнал городского магистрата 1797 г. ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 147. Л. 316.

¹² Дело по предложению его превосходительства господина советника и Костромского губернатора Бориса Петровича о присылке к его превосходительству о купцах, также о их капиталах и торгах и о прочем ведомости. Мая 3 дня 1798 г. ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 159.

-
- ¹³ Журнал 1806 г. ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 203. Л. 236.
- ¹⁴ Журнал 1818 г. ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 247. Л. 183.
- ¹⁵ Журнал 1821 г. ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 271. Л. 111, 140.
- ¹⁶ Журнал 1839 г. Ч.1. ГАИО. Ф.1018. Оп. 1. Д. 363. Л. 284.
- ¹⁷ Журнал 1840 г. ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 369. Л. 264.
- ¹⁸ Книга договоров 1853 г. ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 460. Л. 1.
- ¹⁹ Журналы городского магистрата. 1790 г. ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 95. Л. 28.
- ²⁰ Журнал городского магистрата 1797 г. ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 147. Л. 39.
- ²¹ Маклерская книга 1801 г. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 184. Л. 24.
- ²² Маклерская книга 1803 года. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 193. Л. 1.
- ²³ Журнал 1803 г. ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 192. Л. 111.
- ²⁴ Журнал 1833 г. ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 332. Л. 376.
- ²⁵ Журнал 1834 г. Ч. 2. ГАИО. Ф. 1018. Оп.1. Д. 334. Л. 147.
- ²⁶ Журнал 1843 г. Ч. 3. ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 388. Л. 343.
- ²⁷ Смирнов Л. П. Плес. К истории города. Архив Плесского музея-заповедника. Ф. 10. Оп. 12. Л. 244.
- ²⁸ Маклерская книга 1824 г. ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 283. Л. 29.
- ²⁹ *Смирнов Л. П.* Описание открыток с видами гор. Плеса. Архив Плесского музея-заповедника. Ф. 10. Оп.3. Л. 1.
- ³⁰ *Смирнов Л. П.* Описание открыток с видами гор. Плеса. Архив Плесского музея-заповедника. Ф. 10. Оп.3. Л. 1.
- ³¹ *Смирнов Л. П.* Описание открыток с видами гор. Плеса. Архив Плесского музея-заповедника. Ф. 10. Оп.3. Л. 15.
- ³² *Смирнов Л. П.* Описание открыток с видами гор. Плеса. Архив Плесского музея-заповедника. Ф. 10. Оп.3. Л. 27.
- ³³ *Смирнов Л. П.* Плес. К истории города. Архив Плесского музея-заповедника. Ф. 10. Оп. 12. Л. 248.
- ³⁴ Протоколы заседаний Плесского горисполкома 1919 г. ГАИО. Ф. 972. Оп.1. Д. 46. Л. 108.
- ³⁵ Протоколы заседаний Плесского горисполкома 1919 г. ГАИО. Ф. 972. Оп.1. Д. 46. Л. 231.
- ³⁶ *Смирнов Л. П.* Плес. К истории города. Архив Плесского музея-заповедника. Ф. 10. Оп. 12. Л. 244.
- ³⁷ Протоколы заседаний Плесского горисполкома 1919 г. ГАИО. Ф. 972, Оп.1. Д. 46. Л. 250.
- ³⁸ Протоколы заседаний Плесского горисполкома 1919 г. ГАИО. Ф. 972. Оп.1. Д. 46. Л. 251.

-
- ³⁹ Акт обследования торговли в городе Плесе от 13-17 октября 1925 г. ГАИО. Ф. 6. Оп.1. Д. 537. Л. 196.
- ⁴⁰ Протоколы заседаний Плесского горисполкома. ГАИО. Ф. 980. Оп. 1. Д. 275. Л. 22.
- ⁴¹ Партдокументы 1929-31 гг. ГАИО. Ф. 337. Оп. 1. Д. 40. Л. 15.
- ⁴² Протоколы заседаний Плесского горисполкома. ГАИО. Ф. 980. Оп.1. Д. 276. Л. 27.
- ⁴³ Протоколы бюро Плесской ячейки. ГАИО. Ф. 337. Оп. 1. Д. 291. Л. 47–48.
- ⁴⁴ Протоколы 1937 года. ГАИО. Ф. Р-1510. Оп.1. Д. 4933. Л. 48.
- ⁴⁵ Протоколы 1938 г. ГАИО. Ф. 1510. Оп. 1. Д. 5040. Л. 33.
- ⁴⁶ Протоколы 1939 г. ГАИО. Ф. 1510. Оп. 1. Д. 5197. Л. 38.
- ⁴⁷ Протоколы Плесского горсовета 5 января-28 декабря 1940 г. ГАИО. Ф. Р-1510. Оп. 1. Д. 5263. Л. 47 об.
- ⁴⁸ Протоколы Плесского горисполкома. 14 января-9 сентября 1941 г. ГАИО. Ф. Р-1510. Оп.1. Д. 5420. Л. 23.

**В. А. Аверин, В. Ю. Барышников, А. Д. Барышникова,
Д. В. Самотовинский**

ОБ ИТОГАХ СПАСАТЕЛЬНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ НА УЛ. НИКОЛЬСКОЙ В ПЛЁСЕ В 2014 ГОДУ

В 2014 г. сотрудниками Ивановской археологической экспедиции были проведены спасательные работы в Плесе на ул. Никольской на участке дома № 24. Исследованный участок расположен в Заречье, на территории Рыбной слободы XVII–XVIII вв., на правом берегу р. Шохонка, на её первой надпойменной террасе. Перепад высот здесь довольно значителен – около 6 м от уровня асфальтированной дороги до поймы р. Шохонки.

Археологическое обследование было осуществлено в два этапа. Первоначально здесь были заложены 4 разведочных шурфа для установления мощности и степени сохранности культурных напластований на участке. Два шурфа (№ 1 и 3) оказались пустыми – культурный слой здесь был разрушен застройкой. В двух других шурфах (№ 2 и 4) выявлены культурные напластования периода русского Средневековья.

Следующим этапом стало проведение спасательных раскопок участка с сохранившимся культурным слоем. Раскоп общей площадью 83 кв. м был заложен параллельно улице Никольской и существующему строению № 24. Первоначально был снят дёрн. Далее культурные напластования разбирались условными пластами методом горизонтальной зачистки. Мощность пластов составляла 20 см. Поскольку раскоп располагался на склоне надпойменной террасы, при снятии пластов сохранялся естественный уклон поверхности. В юго-восточных квадратах материк проявился уже после снятия 1-го пласта (рис. 1а). В северо-западных квадратах были полностью исследованы 5 пластов и дополнительно зачищен материк. Общая мощность напластований здесь достигала 130 см (рис. 1б).

© Аверин В. А., Барышников В. Ю., Барышникова А. Д.,
Самотовинский Д. В., 2016

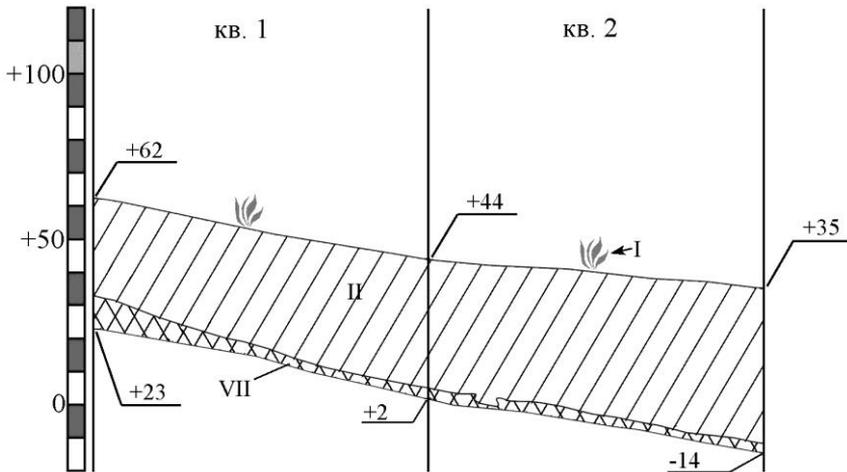

Рис. 1а. Стратиграфия юго-западной стенки раскопа, квадраты 1–6.

Характер напластований вполне отчётливо виден на стратиграфических чертежах. Здесь под дёрном (слой I – до 10 см) идут суглинистые слои – серо-коричневый суглинок с кирпичной крошкой (слой II – до 50 см), затем – чуть более тёмный и однородный коричневый суглинок (слой III), мощность которого в нижних по склону квадратах также достигает 50 см. В слое тёмно-коричневого суглинка (преимущественно, в нижней части) прослежены включения древесного угля (слой IV), красной обожжённой глины (слой Va). Его в свою очередь подстилает серый суглинок с вкраплениями обожжённой глины и довольно обильным содержанием массового археологического материала (керамика, кости животных) – слой VI. Материк представляет собой плотный серовато-рыжий суглинок (слой VII).

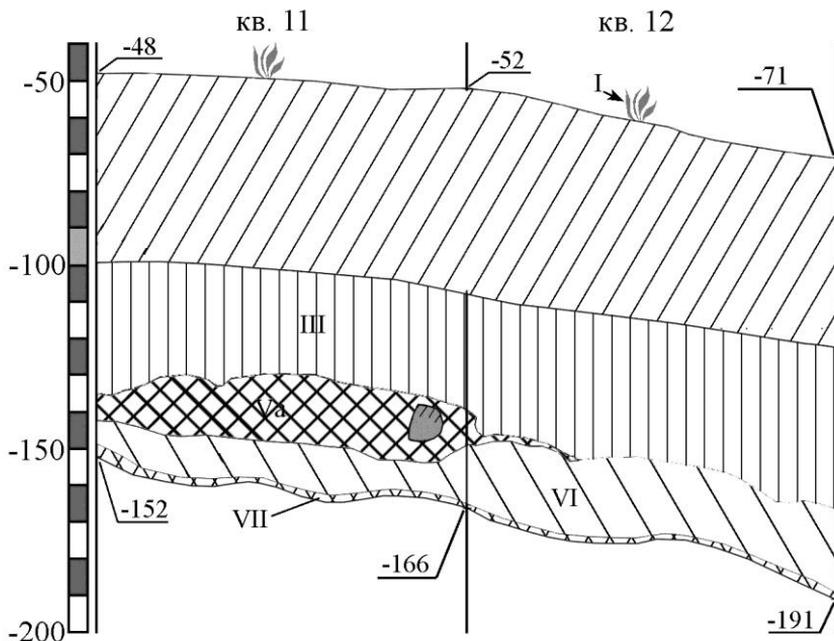

Рис. 1б. Стратиграфия юго-западной стенки раскопа, квадраты 7–12

При характеристике культурных напластований огромное значение играет статистика массовых находок, прежде всего, керамики.

В общей сложности в раскопе найдено 6791 фрагмент керамики, а также 577 фрагментов стекла (осколки бутылок, банок, фрагменты оконного стекла). Собранная керамика подразделена на типы по характеру обжига и обработки поверхности черепка¹. Фарфор/фаянс, поливная керамика, чернолощёная и морёная керамика – эти типы бытовали в разное время в период Новейшего и Нового времени, начиная с XVI–XVII в. Красноглиняная керамика с лощением и белоглиняная керамика могут быть датированы периодом не ранее XIV в.; эти типы могли бытовать вплоть до XV–XVI в., впрочем, заметим, что в составе собранной коллекции количество черепков обоих типов не превышает 1 %. Наконец, это типы красноглиняной и сероглиняной керамики, изготовленные из красножгущихся глин и отличающиеся, прежде всего, качеством обжига. Вся керамика этих типов круговая и

может относиться к домонгольскому периоду плёсской истории. Впрочем, в российской глубинке подобная посуда бытовала вплоть до начала Новейшего времени, чем объясняется абсолютное преобладание сероглиняной керамики над остальными типами. Для керамики этих типов характерны отчётливо заметные примеси песка, мелкой и средней дресвы. Значительная часть фрагментов этих типов орнаментирована (29,57 % фрагментов красноглиняной и 29,70 % фрагментов сероглиняной посуды): из орнаментов самый распространённый линейный, присутствуют также волновой, тычковой, орнамент, нанесённый зубчатым колёсиком, отдельные фрагменты украшены треугольным штампом. На таблице распределения массового материала по пластам отчётливо видно, как на уровне 3-го условного пласта резко

Табл. 1. Распределение типов массового материала по пластам

	Стекло	Фарфор / фаянс	Поливная керамика	Чернолощёная керамика	Морёная керамика	Краснолощёная керамика	Белоглиняная керамика	Красноглиняная керамика	Сероглиняная керамика
Всего	8 % 577 фр- тов	5 % 362 фр- та	12 % 878 фр- тов	12 % 874 фр- та	1 % 89 фр- тов	< 1 % 11 фр- тов	< 1 % 40 фр- тов	12 % 869 фр- тов	50 % 3668 фр- тов
Дёрн	6 %	5 %	34 %	11 %	2 %	0 %	1 %	13 %	28 %
Пласт 1	18 %	10 %	27 %	21 %	3 %	0 %	0 %	1 %	20 %
Пласт 2	16 %	11 %	20 %	21 %	1 %	0 %	0 %	6 %	25 %
Пласт 3	2 %	2 %	4 %	8 %	1 %	0 %	1 %	14 %	68 %
Пласт 4	0 %	0 %	0 %	1 %	0 %	0 %	1 %	17 %	81 %
Пласт 5	0 %	0 %	0 %	0 %	0 %	0 %	0 %	21 %	79 %
Зачистка матери- ка	0 %	0 %	0 %	0 %	0 %	0 %	0 %	23 %	77 %

сокращается количество осколков посуды, относящейся к периодам Нового и Новейшего времени. На уровне 4-го пласта в количестве, сопоставимом с уровнем статистической погрешности, сохраняются лишь чернолощённые и белоглиняные черепки, маркирующие переход от Позднего Средневековья к Раннему Новому времени. На уровне 5-го пласта и итоговой зачистки материка мы встречаем исключительно сероглиняную и красноглиняную керамику. Интересно, что объём красноглиняной посуды, отличающейся более качественным обжигом, неизменно (хотя и не сильно) возрастает с каждым последующим пластом.

Коллекция индивидуальных находок дополняет выводы, полученные из статистического анализа массового материала. При датировке верхних пластов решающее значение играет коллекция мелких медных монет: 2 копейки 1868 г., 1 копейка 1872 г., копейка 1881 г., копейка 1883 г., копейка 1884 г., а также стеклянные сосуды (например, чернильница), фаянсовая помадная баночка (рис. 2.1), фарфоровая головка белого медведя (рис. 2.2), фрагменты красноглиняных печных изразцов с полихромной эмалью.

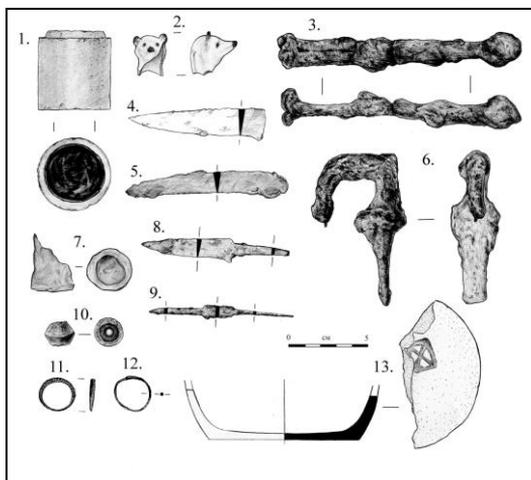

Рис. 2. Некоторые индивидуальные находки, полученные в ходе археологического исследования: 1 – баночка-«помадница»; 2 – головка белого медведя; 3 – клоч; 4, 5, 8 – ножи; 6 – дужка от замка; 7 – втулка железного орудия; 9 – сверло лучковое; 10 – пряслице керамическое; 11 – перстень ложновитой; 12 – височное кольцо; 13 – донце сероглиняного сосуда с клеймом. Рисунки – А. А. Цветкова

Для датировки нижних пластов назовём, прежде всего, фрагменты древнерусских стеклянных браслетов (всего собрано 10 штук), бусы – две стеклянных и одна биконическая бусина из горного хрусталя, мелкие украшения из сплава цветных металлов, например, ложновитой перстень (рис. 2.11) и медное височное кольцо с несомкнутыми концами (рис. 2.12), хозяйственные ножи с характерным для археологии Древней Руси треугольным сечением (рис. 2.4,5,8), лучковое сверло (рис. 2.9), железный ключ (рис. 2.3) и фрагменты замков (рис. 2.6), донца керамических сосудов с клеймами (рис. 2.13), керамические пряслица (причём, одно из пряслиц имеет характерную для шиферных пряслиц биконическую форму; рис. 2.10). Интересна находка втулки железного орудия (в шурфе № 4), которая, судя по глубине залегания и характеру сопутствующего слоя, бесспорно, может быть отнесена к эпохе русского Средневековья (рис. 2.7).

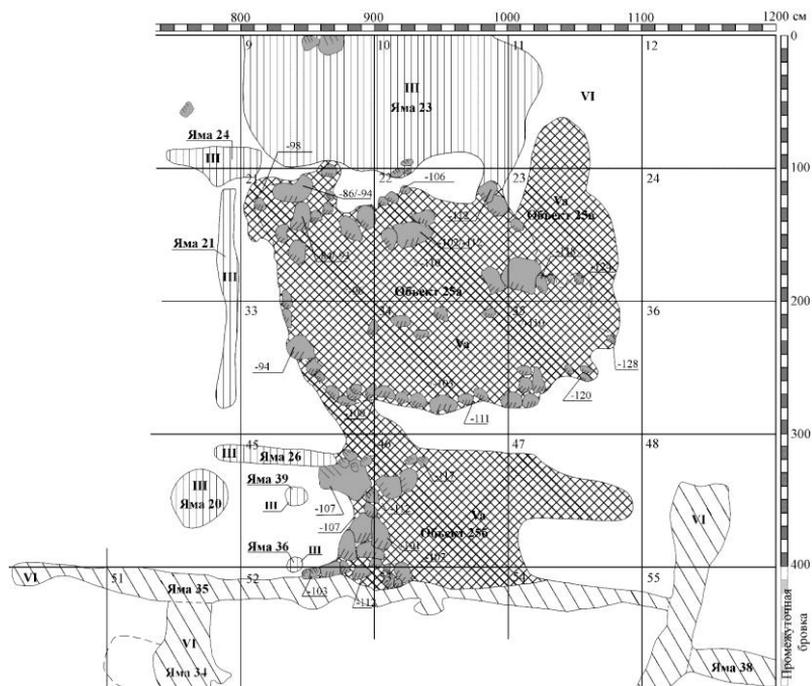

Рис. 3. План раскопа на уровне материка до выборки материковых ям. Фрагмент.

Большой удачей было выявление в раскопе на уровне материка остатков древнерусского жилища². На данном участке в культурном слое органические материалы не сохранились. Тем не менее, о сложном характере жилища можно судить по материковым ямам (рис. 3). Постройка не была опущена в землю. Контуры жилища очерчены канавками, которые ориентированы точно параллельно сетке координат раскопа, а значит и современной топографии Никольской улицы (ямы № 24, 21, 26, 35). Древняя застройка, таким образом, совпадала с застройкой Нового времени вдоль береговой линии Шохонки. Эти канавки остались от слегка заглублённых в землю вертикальных досок / плах, составляющих стены жилища. Размеры внутреннего помещения могут быть приблизительно определены следующим образом: 325 см в ширину (расстояние между боковыми стенами – ямами № 24 и 35) и 520 см в длину (по длине северо-восточной канавки – ямы № 35). Вероятно, жилище имело и внутренние перегородки (ямы № 21 и 26), отделяющие от основного пространства сени и печь-каменку. Печь-каменка, размерами 85x95 см, традиционной прямоугольной формы с полукруглой топкой, сложена из плоских камней на глинобитном основании. Перед печью, возможно, находился небольшой навес: по крайней мере, перед топкой прослежены две симметричные столбовые ямы с вертикальными стенками и плоским дном (ямы № 36 и 39). Пол в жилище глинобитный и, вероятно, укреплённый по периметру плоскими камнями. Обнаружение небольшой пластинки слюды в площади постройки (объект № 25б) говорит об устройстве окон. Вероятно, с постройкой конструктивно связана и яма № 23, примыкающая к ней с юго-запада: заполнение ямы сильно оторфовано, насыщено древесным углём и керамикой.

Таким образом, характер распределения напластований показывает, что на обследованном участке культурные слои откладывались в два этапа. Первый этап приходится на XII-XIV вв. В какой-то момент данный участок Плёса приходит в запустение. Причины этого явления остаются не ясными. Есть соблазн связать его с монгольским нашествием, однако археологических данных для этого нет: в раскопе полностью отсутствует комплекс вооружения (как оборонительного, так и наступательного), не

выявлено следов пожара. Кроме того, вещей, которые можно датировать исключительно домонгольским периодом, в ходе исследования также не найдено. Вероятно, период запустения начинается с середины XIV в. (принимая эту дату, как наиболее позднее время бытования стеклянных браслетов). Второй период отложения культурного слоя – середина – 2-я половина XIX в. К этому же времени относится и оформление улицы Никольской в её нынешнем виде.

В завершение приведём данные статистического анализа остеологических материалов. В общей сложности в раскопе было собрано 1095 костей животных. Видовое распределение остеологического материала отражено в таблице 2³. Из закономерностей, характеризующих изменения в составе остеологического материала по пластам, отметим следующие. На уровне 1-го пласта кости различных видов представлены более или менее соразмерными долями (максимальная у крупного рогатого скота – 21 %, минимальная у свиньи – 9 %; впрочем, костей лошади здесь не обнаружены вовсе).

Табл. 2. Распределение остеологического материала по пластам.

	Крупный рогатый скот	Мелкий рогатый скот	Свинья	Лошадь	Собака	Отброс	Неопознанные / иные
Всего	41 % 450 фр- тов	9 % 95 фр- тов	4 % 43 фр-та	8 % 83 фр- та	7 % 78 фр- тов	21 % 235 фр-тов	10 % 111 фр- тов
Пласт 1	21 %	21 %	9 %	0 %	13 %	25 %	11 %
Пласт 2	37 %	8 %	2 %	5 %	15 %	24 %	9 %
Пласт 3	43 %	11 %	5 %	8 %	5 %	21 %	7 %
Пласт 4	42 %	0 %	4 %	18 %	2 %	18 %	16 %
Пласт 5	67 %	4 %	4 %	0 %	1 %	14 %	10 %

Далее, по мере углубления раскопа, стабильно возрастала доля костей крупного рогатого скота – до 67 % на уровне 5-го пласта. Доли костей других животных сокращались. Процент костей мелкого рогатого скота уменьшается постепенно и доходит до 0 – 4 % на уровне 4-го и 5-го пластов. Количество костей свиньи резко падает уже на уровне 2-го пласта (до 2 %) и сохраняется на уровне 4 – 5 % на нижележащих пластах. Количество костей собаки относительно стабильно в верхних двух пластах – 13-15 %, затем – резко и стабильно уменьшается – 5 %, 2 %, 1 %. Исключение представляют кости лошади, доля которых наоборот возрастает и достигает 18 % на уровне 4-го условного пласта (чистого «средневекового», если судить по составу керамического материала). Однако в пятом пласте и при зачистке материка кости лошади вновь не встречены. Выявленные закономерности предоставляют интересный материал для характеристики животноводства в Плесе в эпоху Средневековья и его изменения при переходе к Новому времени.

¹ Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XII-XVIII вв. М., 1968. С. 7, 12, 28, 43, 44.

² см.: Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. Л., 1975. С. 125-131.

³ Определение остеологического материала производили специалисты кафедры морфологии, физиологии и ветеринарно-санитарной экспертизы ФГБОУ ВО «Ивановская государственная сельскохозяйственная академия им. акад. Д. К. Беляева».

Л. В. Левашова

ГРАФФИТИ ПЕНЬКОВСКОГО ГОРОДИЩА (ИЗ ФОНДОВ ПЛЕССКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА)

Пеньковское городище находится на правом берегу р. Волги в 12 км ниже г. Плеса. Оно было основано в IV–III вв. до н. э. племенами дьяковской культуры. Преемниками дьяковцев стало финно-угорское племя меря, которое обитало там до XII–XIII вв. По легенде укрепленное поселение было разрушено татаро-монголами.

Пеньковское городище (городище Городок) было обнаружено Ф. Д. Нефёдовым, проводившим в его окрестностях в конце XIX в. курганные раскопки. Раскапывалось экспедицией под руководством П. Н. Травкина в 1989–1997 гг. В ходе археологических раскопок на территории Пеньковского городища на некоторых находках были обнаружены надписи и рисунки-граффити.

Самое большое количество граффити в коллекциях Плесского музея-заповедника – 15 – именно с Пеньковского городища. Преобладают знаки рунического характера на обломках керамики и на обломках костяных изделий.

Все предметы с граффити можно разделить на 3 группы:

I. Предметы с рисунками:

1. Обломок костяной рукоятки – Пен.-97 № 1262 – (гл. 117 см, кв. 359; 5,4x2,3x1,1 см).

4 параллельные линии вокруг основания рукоятки, над ними – схематические изображения большого и малого ростков (рис. 1. 1). По трактовке П. Н. Травкина, четыре поперечные линии изображают «лестницу в небо»¹.

2. Обломок орнаментированного ткацкого грузика – Пен.-94 № 66 – (гл. 53 см, кв. 178 (дьяковский слой); d - 6,2, толщина – 0,7 см).

Фрагмент рисунка, напоминающего дом с двускатной крышей (рис. 1. 2).

3. Кость с граффити – Пен.-94 № 69 – (гл. 64 см, кв. 178 (дьяковский слой); 13,5x4,3 см).

Рисунки, напоминающие изображение рыбы и солнце (рис. 1. 3).

4. Обломок пряслица (предположительно, обломок ткацкого грузика) – Пен.-92 № 1272 – (гл. 34 см (яма), кв. 81; h-1,1 см).

Схематическое изображение коня или оленя (рис. 1. 4).

II. Предметы со знаками рунического характера, которые можно связать с древнебулгарской письменностью VI–X вв. некоторое время существовавшей параллельно с кириллицей²:

1. Обломок кости с солярным знаком – Пен.-93 № 2852 – (гл. 6 см, кв. 139, под дерном) (рис. 2. 1).

2. Обломок керамики с граффити – Пен.-97 № 1308 – (гл. 220–240 см, кв. 366; 5,0x6,5x0,6 см) (рис. 2. 2) .

3. Фрагмент берестяного изделия с граффити – Пен.- 97 № 1283 – (гл. 136 см, кв. 363; 18,0x12,6x0,6 см) (рис. 2. 3).

Рис.1. Предметы с рисунками

III. Предметы со знаками, несущими сложную письменную смысловую нагрузку:

1. Рунический знак на обломке лепной керамики – Пен.-93 № 2842 – (гл. 0-20 см, кв. 121, т. ст. - 0,5 см).

Знак ᚦ имеет два варианта значений: а) скандинавская руна «турисаз» (th)³, б) славянская руна со значение «Дажьбог» – добро, дар, плодородие (Д)⁴ (рис. 3. 1).

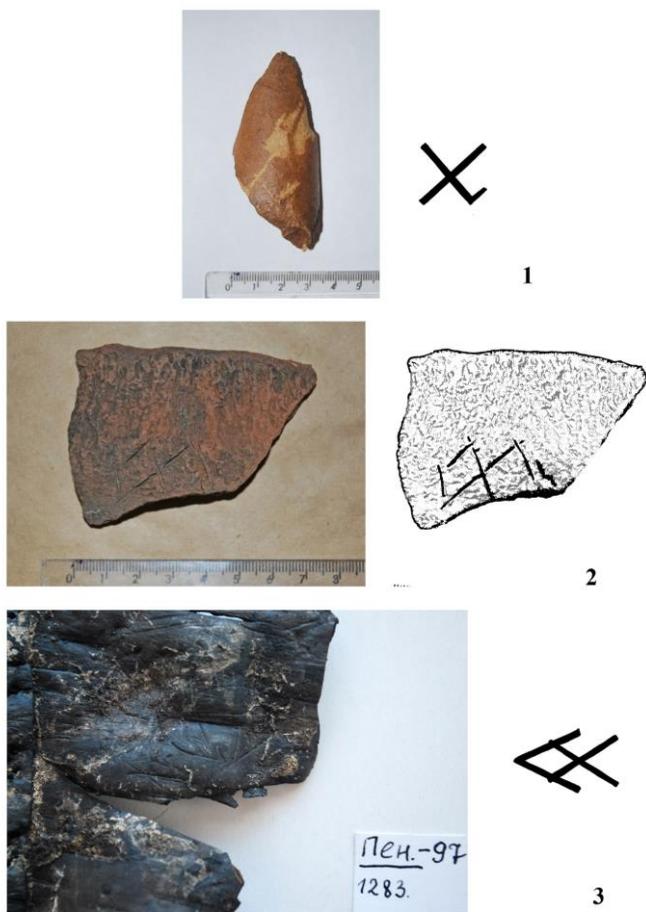

Рис. 2. Предметы со знаками рунического характера

2. Обломок пряслица с граффити – Пен.-96 № 602 – (гл. 17 см, кв. 350; 2,7x1,7x0,5 см).

Изображение неполное. Знаки могут быть как орнаментальные, так и рунические (рис. 3. 2). Описание пряслица с похожим изображением дано Е.А. Мельниковой (пряслице из с. Лепесовка Белгородского района Хмельницкой обл., черняховская культура III–IV вв.). Линии трактуются как рунические знаки⁵.

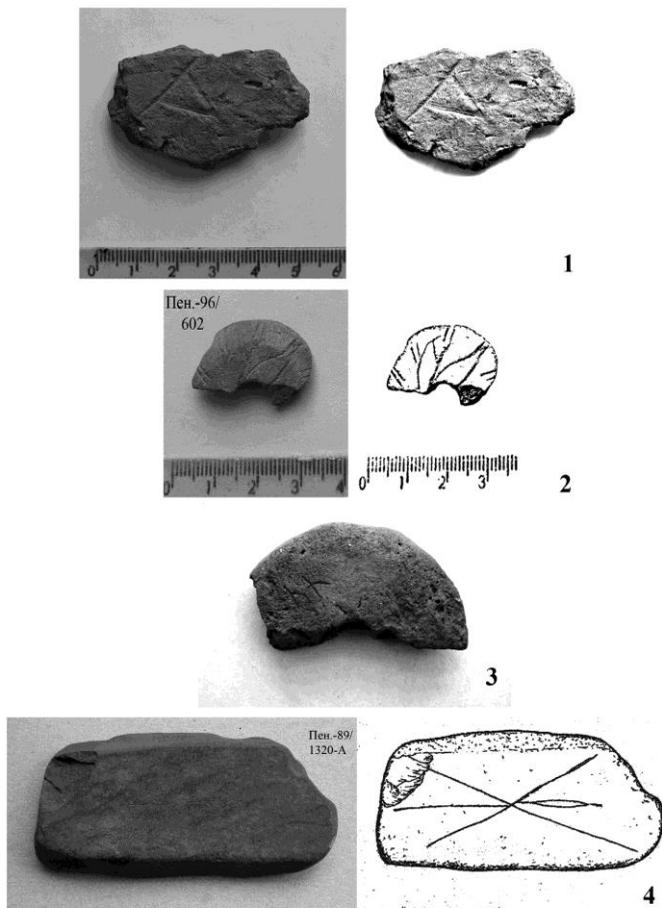

Рис. 3. 1–4. Предметы со знаками, несущими сложную письменную смысловую нагрузку

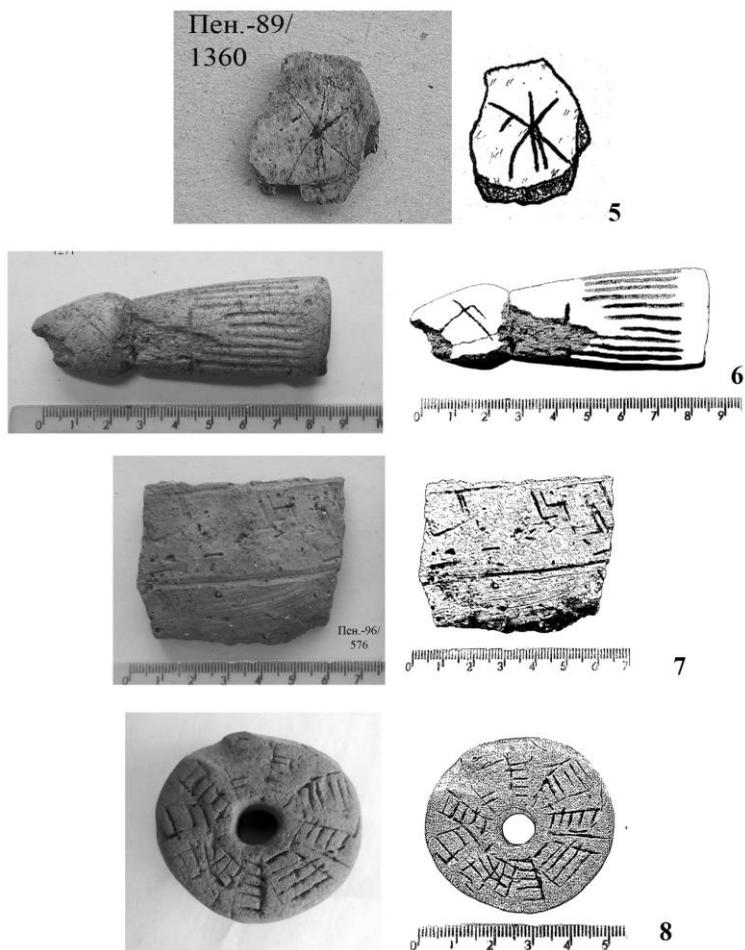

Рис. 3. 5–8. Предметы со знаками, несущими сложную письменную смысловую нагрузку

3. Обломок пряслица с граффити – Пен.-96 № 623 – (гл. 21 см, кв. 329а; 4,7х2,1х1 см) (рис. 3. 3).

Граффити \underline{h} \underline{t} можно отнести к докириллическим знакам. Знак \underline{h} - «у», \underline{t} - «л» (по силлабарии Г. Гриневича^б).

Эти знаки могут быть так же знаками древнебулгарской письменности и тамговыми знаками древних болгар, обозначающими принадлежность к какому-либо роду.

4–5. Камень и кость с Ж-образным знаком – Пен.-89 № 1320-А; Пен.-89 № 1360 – (гл. 0–20 см, кв. 13, 10x5 см; кв. 19 (яма), 1,6x2,3 см) (рис. 3. 4, 5).

Существует несколько вариантов трактовки этого знака: а) символ мирового дерева, б) славянская руна «Ж» – рок⁷, в) символ древнерусской богини Живы⁸,

г) младшая скандинавская руна «Ж» (h)⁹.

6. Фаллическая рукоятка ножа с солярным символом и вертикально прочерченными линиями – Пен.-97 № 1271 – (гл. 112 см, кв. 363; 8,6x2,8x1,3 см) (рис. 3. 6).

По мнению П. Н. Травкина, «рукоятки был придан антропоморфный (и одновременно фаллический) облик. Но орнамент также выдавал символику мирового древа, или, точнее, столпа. Изображения ветвей отсутствовали (что в целом не оригинально), однако под горизонтальным пояском бахромой шли вертикальные линии (корни?) – как в нижней части многих шаманских костюмов. Верхняя часть (голова) была помечена солярным знаком»¹⁰.

Можно предположить, что линии на рукоятке ножа могут быть шифрованными рунами, которые употреблялись в I–XIII вв. В линейной записи использовались прямые и вертикальные линии, изображаемые рядом. Единичная черточка – начальная, длинные руны означают атт (ряд), короткие – нужную руны¹¹.

Символ креста с одним загнутым концом можно трактовать как солярный символ, так и как знак древнебулгарской письменности или как знак славянской докириллической азбуки с условно-фонетическим значением «п-»¹².

7. Обломок лепной керамики с линейным орнаментом с очень четким граффити – Пен.-96 № 576 – (гл. 10 см, кв. 320; 6x5x0,8 см).

Граффити можно отнести к докириллической письменности. По силлабарии Г. Гриневича надпись можно прочитать как «вода»¹³ (рис. 3. 7).

8. Пряслице с лучами в виде лестниц – Пен.-97 № 1270 – (гл. 118 см, кв. 363; 4,6x1,4 см) (рис. 3. 8).

Аналогов данным знакам не найдено.

В полевых описях Пеньковского городища есть ещё 11 предметов, которые записаны как предметы с граффити, но граффити на них нет.

Письменные знаки Пеньковского городища приведены в сравнительной таблице (рис.4).

знаки	Булгары VII-X в.	Орхоно-Енисейские руны VIII-X в.	Скандинавские руны до XII в.	Славянские руны	Славянские докириллические слоговые знаки
△			△ (th) “турисаз” священная борьба)	△ Дажьдбог	
×					× (“п-”)
					(“д-”)
└	└ (“~и”)	└ (“~и”)	└ (“L” “лагуз” (форма воды)		└ (“г-”)
⋈		⋈ ⇒			
×	×	×	× (“g” “гебо” (дар)		× (“зо”)
└	└				└ (“в-”) └ (“д-”)
└	└		└ (“i” “исэ” (“средото- чие воли”)	└ исток	└ (“с-”) └ (“и-”)
⋈	⋈		⋈ (“h” - младший футарх	⋈ рок (знак богини Живы)	⋈ (“-за”)
└				└ (“y”) уд	└ (“-ло”)
⋈	⋈	⋈			
×	×				

Рис. 4. Сравнительная таблица письменных знаков

Культурный слой Пеньковского городища исследован на площади 1432 кв.м. Ориентировочно оно функционировало с IV в. до н. э. по XII в. н.э.¹⁴ Граффити находились во всех пластах на глубине от 6 см до 3-х метров. Большинство изображе-

ний можно трактовать как буквенные знаки, которые использовались с VII до XII в. Это знаки древнебулгарской письменности, славянской докириллической письменности и, возможно, скандинавские руны. Кроме того, были найдены два целых костяных писала аналогичных новгородским костяным писалам X–XIII вв.¹⁵ (рис. 5).

5. Писала с Пеньковского городища

Рис.

¹ Травкин П. Н. Язычество древнерусской провинции. Малый город. Иваново. 2007. Л. 40.

² Добрев П. Надписи и алфавит протобулгар. София. 1995.

³ <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D1%83%D0%BD%D1%8B>

-
- ⁴ *Платов А., Таранов Н.* Руны славян и глаголица. Москва. Вече. 2010.
- ⁵ *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. М., 2001. Л. 8.
- ⁶ *Гриневич Г. С.* Праславянская письменность. Результаты дешифровки. М., 1993.
- ⁷ <http://supercook.ru/slav/slov-mif-10.html>
- ⁸ *Тюняев А. А.* *Праязык.* Опыт реконструкции. Ч. 1. Т. 1 (2). М., 2010. Л. 34.
- ⁹ *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. М., 2001. Л. 8.
- ¹⁰ *Травкин П. Н.* Язычество древнерусской провинции. Малый город. Иваново, 2007. Л. 40.
- ¹¹ *Проخورов М.* Талисманы и обереги//
<http://www.universalinternetlibrary.ru/book/48663/ogl.shtml>
- ¹² *Гриневич Г. С.* Праславянская письменность. Результаты дешифровки. М., 1993.
- ¹³ *Гриневич Г. С.* Праславянская письменность. Результаты дешифровки. М., 1993.
- ¹⁴ *Травкин П. Н.* Отчет о раскопках Пеньковского городища и Плесского раннесредневекового посада в Приволжском районе Ивановской области в 1997 году. Архив Плесского музея-заповедника. Ф. 27. Оп. 27.
- ¹⁵ *Овчинникова Б. Б.* Писала-стилосы древнего Новгорода X–XV вв. (свод исторического источника) // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Проблемы истории России. Вып. 3. Екатеринбург. 2000. Л. 45–105.

И. А. Стародубцева

ПЛЕС В ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Верхнее Поволжье с середины XIX в. привлекает геологов, занимающихся проблемами стратиграфии и палеонтологии триаса, юры и нижнего мела Европейской России. Проводимые и в настоящее время здесь экспедиционные работы позволяют получить исследователям новый научный материал. Этот регион небезынтересен и историкам геологии. Здесь разрабатывались первые зональные стратиграфические схемы юры, именно в Верхнем Поволжье впервые на территории Центральной России были найдены остатки темноспондильных амфибий, что позволило доказать развитие в этом регионе триасовых отложений.

Обращаясь к истории геологических исследований, проведенных в Верхнем Поволжье в XIX в., мы видим, что естествоиспытатели того времени не обошли своим вниманием и геологические разрезы в г. Плес. Впервые естественные обнажения горных пород у этого города упоминаются в статье французского естествоиспытателя Э. Робера «Геологические наблюдения в России в 1839 году». Статья написана по результатам путешествия по Европейской России, во время которого Э. Робер обследовал территорию между Санкт-Петербургом, Архангельском, Нижним Новгородом и Москвой. Робер сообщил (1841, с. 16–17), что собрал у Плеса «огромное количество белемнитов, несколько обломков аммонитов», а у Кинешмы, на правом берегу Волги ему удалось «встретить Оксфордскую глину. Формация эта <...> находится равным образом к северо-западу и северо-востоку от Архангельска, характеризуется известковатою и несколько песчанистою глиною черноватого цвета. В этой глине заключается несметное множество белемнитов, как-то: *B. Subsulcatus*, *Compressus* и *B Unisulcatus* (оба эти последние вида здесь более обыкновенны); также множество иногда совершенно сохранившихся Аммонитов, а именно, *A. bicristatus*; равным образом пурпурная устрица (*Gryphaea dilatata*). Можно было бы, говоря без преувеличения, наполнить целую барку белемнитами, лежащими на берегу этой

© Стародубцева И. А., 2016

реки [Волги – И.С.], и даже, можно сказать, что воды ее беспрестанно вымывают их из почвы, не имеющей надлежащей крепости». Таким образом, благодаря Э. Роберу появились первые сведения о развитых в Плесе юрских отложениях.

В 1840 г. в Плесе побывали участники двух экспедиций. Одна была организованная по поручению правительства и ставила целью изучение промышленности и естественных ресурсов России. В состав этой экспедиции входили – руководитель директор департамента мануфактур и торговли барон А. К. Мейендорфа, немецкий естествоиспытатель И.–Г. Блазиус и российский геолог А. А. Кейзерлинг. В том же году в России по приглашению Николая I начала геологические исследования международная экспедиция под руководством английского геолога Р. И. Мурчисона, вместе с которым работал французский палеонтолог Э. Вернейль. Обе экспедиции работали и вместе, и порознь. Встретившись в Костроме, участники обеих экспедиций спустились по Волге до Юрьевца, изучили разрезы у д. Красные Пожни, у гг. Плеса, Кинешмы и Юрьевца, наблюдая везде юрские отложения, залегающие на красных глинах, отнесенных ими к пермской системе (Мурчисон и др., 1849).

Летом 1878 г. К. О. Милашевич по поручению Императорского Санкт-Петербургского Минералогического общества провел геологические исследования юго-западной части Костромской губернии в пределах 71-го листа Общей геологической 10-верстной карты России. В то время этот район практически не был изучен в геологическом отношении и представлял собой, по словам С. Н. Никитина, «terra incognita» для геологов (Никитин, 1885). К. О. Милашевичем были исследованы берега рек Волга и Кострома, в том числе и окрестности Плеса, входившего тогда в состав Костромской губернии. Именно Милашевич привел наиболее полное описание геологического разреза у Плеса. Он писал, что Плес «пересекается несколькими глубокими оврагами, идущими перпендикулярно направлению Волги; в одном из них находящемся на западном конце города и идущем вдоль тракта на Нерехту, обнажены довольно явственно юрские породы» (Милашевич, 1881, с. 20). Здесь К. О. Милашевич наблюдал черную глину с обломками «множества» аммонитов и белемнитов, среди

которых наиболее многочисленными были *Amaltheus alternans* [= *Amoeboceras alternans*] и *Belemnites pandermanus* – формы, характерные для оксфордского яруса верхней юры. Под черными глинами залежали глины пестрые с глыбами оолитового известняка с аммонитами рода *Perisphinctes* и белемнитами. Нижние части разреза были задернованы. Во втором овраге, расположенном параллельно первому, ископаемой фауны Милашевич не обнаружил. Самое лучшее обнажение находилось в то время «на восточном конце города, под собором вдоль дороги, идущей по берегу Шохонки» (там же, с. 21). Здесь сверху вниз обнажались темно-серые, мощностью до 4 м, глины с остатками аммонитов *Amaltheus alternans* [= *Amoeboceras alternans*], белемнитов *Belemnites pandermanus* и *B. volgensis*, двустворчатых моллюсков родов *Macrodon*, *Nucula*, *Nuculana*, а также лопатоногих моллюсков *Dentalium subanceps*. Ниже по разрезу Милашевич наблюдал пеструю глину с включениями сростков оолитового песчаника с несколько иным составом ископаемых. Из этого слоя им были определены аммониты *Perisphinctes Mantelli*, белемниты *Belemnites pandermanus*, двустворчатые моллюски *Gryphaea dilatata* и морские лилии *Acrochordocrinus insignis*. Оба слоя К. О. Милашевич справедливо отнес к разным подъярусам оксфордского яруса верхней юры. Нижележащий слой, сложенный темно-серой глиной, содержал следующие окаменелости – белемниты *Belemnites volgensis*, аммониты – *Amaltheus tscheffkini* [= *Rondiceras tscheffkini*], брюхоногие моллюски (гастроподы) – *Ampulina semistriata*, *Acteonina pumila*, двустворчатые моллюски – *Gouldia brevis*. Эти ископаемые характерны для келловейского яруса средней юры. К. О. Милашевич наблюдал, что «еще ниже у самого берега ручья, как продолжение того же разреза, обнажаются триасовые породы красного цвета с тонкими прослоями зеленой глины. Такие же обнажения триасовых пород по берегам этого ручья идут с перерывами от мостика, находящегося недалеко от впадения его в Волгу, вверх до третьей мельницы; они находятся попеременно то на одном то на другом берегу его» (там же, с. 22). Таким образом, в разрезах, развитых в черте Плесо, К. О. Милашевич впервые констатировал присутствие триасовых отложений (Милашевич, 1880, с. 21–22).

К. О. Милашевич не оставил без внимания и четвертичные ледниковые отложения (дилювиальная формация по терминологии того времени). Он писал: «Дилювиальная формация под Плесом имеет значительную мощность; из нее по преимуществу состоят те довольно значительные горы, которые высятся позади главной части города и которым он обязан своим живописным положением» (там же, с. 22). К. О. Милашевич отметил, что под красной «дилювиальной» глиной (мореной – прим. авт.) залегают темно-желтые и серые пески с валунами значительной мощности ...по спуску, который идет выше упомянутый Нерехтинский тракт, эти пески представляются крупнозернистыми, серыми, слоистыми; вверху они содержат мелкие валуны, книзу совершенно исчезающие» (там же).

Отметим, что в геологических исследованиях Костромской губернии К. О. Милашевичу содействовал местный краевед, помещик Нерехтского уезда, чиновник особых поручений при начальнике Костромской губернии Геннадий Михайлович Девочкин (1833–1883).

К сожалению, работу по изучению геологии Костромской губернии К. О. Милашевич по состоянию здоровья довести до конца не смог. Эти исследования были завершены С. Н. Никитиным, который также изучил разрезы в Плесе. Он писал, что «Город Плес расположен по крутому склону чрезвычайно высокого правого берега Волги, живописно господствующего над городом своими высотами, изрезанными глубокими перпендикулярными оврагами и заросшими лесом» (Никитин, 1885, с. 11). Так же, как и К. О. Милашевич, он справедливо считал, что высоты эти сложены ледниковыми образованиями – глиной и песками с валунами и прослоями галечника. Обнаружив в оврагах глинисто-известковые сростки с аммонитами *Perisphinctes virgatus* [= *Virgatites virgatus*] и двустворчатыми моллюсками *Aucella* [ныне род *Buchia*], С. Н. Никитин предположил существование здесь самого верхнего яруса юрской системы – волжского. Исследования С. Н. Никитина подтвердили правильность наблюдений и выводов К. О. Милашевича. С. Н. Никитин отметил, что самое лучшее обнажение «под собором» в долине р. Шохонки, детально описанное К. О. Милашевичем, к моменту его исследований «было

уже совершенно закрыто осыпью и заросло» (Никитин, 1885, с. 12).

Таким образом, к концу XIX в. было установлено, что в геологическом строении правого берега Волги в окрестностях Плеса принимают участие четвертичные ледниковые, юрские и триасовые отложения.

Краткие биографические сведения об исследователях, изучавших геологию в Плесе в XIX веке:

БЛАЗУИС ИОГАНН ГЕНРИХ (1809–1870) – немецкий естествоиспытатель, с 1836 г. и до конца жизни – профессор колледжа Каролиnum в Брауншвейге. В 1840 г. заложил Ботанический сад Брауншвейга. Вместе с А. А. Кейзерлингом путешествовал с научными целями в Альпах и Карпатах и по Европейской России.

ВЕРНЕЙЛЬ Эдуард (E. de Verneuil) (1805–1873) – французский палеонтолог, президент Французского геологического общества (Société géologique de France). Работы в области палеонтологии и стратиграфии палеозоя. Действительный член Императорского Московского общества испытателей природы.

КЕЙЗЕРЛИНГ АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ (1815–1891) – российский геолог. В 1840–41 гг. принимал участие в экспедициях А. Мейендорфа и Р. Мурчисона по изучению геологии Европейской России, в 1843 г. предпринял экспедицию в бассейн Печоры. За геолого-географические исследования Тиманского и Печорского краев был удостоен Демидовской премии Императорской Санкт-Петербургской АН. Занимался также систематикой растений. Действительный член Императорского Московского общества испытателей природы с 1840 г., почетный – с 1888 г. Почетный член Императорской Санкт-Петербургской АН (1887 г.).

МЕЙЕНДОРФ АЛЕКСАНДР КАЗИМИРОВИЧ (1798–1865) – действительный тайный советник, член совета Министерства финансов, геолог. В 1841 г. А. К. Мейендорф был назначен членом Совета министра финансов. Принимал деятельное участие в основании Кавказского общества сельского хозяйства.

МИЛАШЕВИЧ КОНСТАНТИН ОСИПОВИЧ (1842–1915) – российский геолог и палеонтолог, хранитель Минералогического и Палеонтологического кабинетов при кафедре геогнозии и палеонтологии Императорского Московского университета, в ко-

тором преподавал палеонтологию, геологию, микроскопию. Впоследствии был директором реальных училищ в Мелитополе, и Севастополе. С 1869 г. – член Императорского Санкт-Петербургского минералогического общества, с 1872 г. – Императорского Московского общества испытателей природы.

МУРЧИСОН (MURCHISON) РОДЕРИК ИМПЕЙ (1792–1871) – английский геолог; учился в Королевском военном колледже, служил в пехотном, а затем в драгунском полку. В 1815 г. вышел в отставку, увлекся естественными науками. С 1826 по 1869 гг. – член совета Лондонского геологического общества. В 1835 г. выделил силурийскую систему, в 1839 (совместно с А. Седжвиком) – девонскую систему, в 1841 г. – пермскую систему. С 1855 г. – директор геологической службы Великобритании. Избирался президентом Королевского географического общества. С 1845 г. член Императорской Санкт-Петербургской Академии наук.

НИКИТИН СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ (1851–1909) – российский геолог, палеонтолог, гидрогеолог. С 1882 г. – старший геолог Геологического комитета. В 1894 г. был награжден Константиновской медалью Русского географического общества за физико-географические и геологические исследования Зауральских степей и Усть-Урта до пределов Хивы. С 1880 г. действительный член Санкт-Петербургского минералогического общества. В 1902 г. избран членом-корреспондентом Санкт-Петербургской Академии наук. В 1907 г. назначен председателем Гидрогеологического комитета.

РОБЕР ЭЖЕН (Robert, Луи-Эжен) (1806–1879) – французский врач и натуралист.

Список литературы

Милашевич К. О. Геологические исследования, произведенные летом 1878 г. в юго-западной части Костромской губернии // Материалы для геологии России. Т. X. 1881. С. 133–198.

Мурчисон Р.И., Вернейль Э., Кейзерлинг А.А. Геологическое описание Европейской России и хребта Уральского. Часть I. СПб: в типографии И. Глазунова и К^о. 1849. 1182 с.

Никитин С. Н. Общая геологическая карта России. Лист 71 // Труды Геол. ком. 1885. Т. 2. № 1. 218 с.

Роберт Э. Геологические наблюдения в России в 1839 году // Горный журнал. 1841. Ч. 3. Кн. 7. С. 1–30.

В. А. Беляев

К ВОПРОСУ ОБ УТРАТЕ ИСТОРИЗМА ПЛЕССКОГО ПЕЙЗАЖА

На предыдущих конференциях: «Левитановские чтения» 2011г (1. с. 7–12 «Плесский пейзаж и Левитан») и XIII Плесские чтения 2012 г (2.с 102–105) «К вопросу об охране объемно-пространственной структуры исторического Плеса») затрагивалась проблематика сохранения исторического пейзажа Плёса.

И опять приходится возвращаться к этой теме, поскольку за прошедшие 3–4 года проблема очень обострилась.

Город теперь имеет статус исторического – это значит, что само возникновение, этапы развития и достижения его важны и интересны.

В сравнении с другими городами, основное назначение исторических городов - быть экспозиционными, т. е. быть городами-музеями.

Все пространство исторического города – это музейное пространство.

У Плёса историческое пространство по значению – масштабно, несмотря на его территориально малые размеры, и на редкость многогранно, а именно:

1. Исторический аспект – участник становления Российского государства.

2. Градостроительный. Талантом градостроителей облик города стал памятником градостроительного искусства (гармонично вписан в сложный береговой рельеф, эффектно слился с ним)

3. Художественный – достигнутая здесь гармония природы и человека послужила творческим импульсом для написания гениальных картин художником И. Левитаном.

Художественно-лирические образы Волги и Плёса явили Левитана основоположником русского лирического пейзажа, а город стал известен в цивилизованном мире.

Гармоничность пространства природной среды и пространства человеческой жизни в ней стала притягательной силой для людей самых разных профессиональных устремлений.

Из чего складывается эта притягательная сила?

Все пространство города – это приспособление и обживание человеком природного феномена для достижения разных целей: оборонно-таможенных, торгово-купеческих, лечебно-оздоровительных, туристически-познавательных и теперь еще курортных.

Феномен Плеса представлен природным и человеческим факторами.

Природный: мощный горный рельеф – высокие берега с глубокими оврагами.

Крутой уклон береговых откосов указывает на глубокое русло прямого участка полноводной реки.

Расстояние между берегами оптимально для визуального прочтения их.

Протяженный (20 км) волжский плес расширяет пространство обзора и усиливает ощущение обширности неба. Этому активно способствует и живое зеркало воды.

В совокупности они создают ощущение мощи великой реки.

Человеческий фактор проявлялся в здравомыслии, был продиктован разумным расходом сил и экономным расходом местных ресурсов.

Историческая часть города – это продукт ручной работы. Тепло умелых рук чувствуется и в изготовлении кирпичей, и в кирпичной кладке, и в работах по дереву.

Строить было трудно:
горный здесь рельеф –
Сил всех напряженье,
а в душе напев.

Благоразумие видно и в прокладке дорог, улиц, во всевозможных постройках и в инженерной подготовке территории под строительство.

Всё это составляет суть исторического городского пространства.

Пространство под открытым небом – пейзажное – основное экспозиционное пространство города.

Экспозиции, развернутые внутри помещений – камерный экспозиции, дополняющие конкретикой масштабные пейзажные.

Проявленное здравомыслие предков закреплено в виде всевозможных построек на роскошном величественном природном пейзаже. Их заряд активности – это ресурс нормального, достойного развития города.

Этому же призвано служить и принятое в начале 80-х годов прошлого века Правительством РСФСР постановление об учреждении Плесского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

Этим постановлением вся территория и всё пространство города объявлялись заповедными.

Этот факт должным образом давно необходимо информационно закрепить на въездах в город (основном, объездном и на причалах).

Академик Д. С. Лихачев выделял исторический Плёс как одну из опорных точек национальной культуры. По ним, сравнивая с днем сегодняшним, можно определить в целом вектор культурного движения страны. В этой связи Лихачев очень активно выступал за сохранение историзма Плёса.

Сегодня остро встала проблема не только сохранения, но в большей степени восстановления историзма городского пространства, т. е. возвращения исторической территории исторического пространства.

Надо устранять засоренность, ворвавшуюся в последние годы, разросшуюся как паразитирующий борщевик, диссонирующую с историзмом застройки.

Сложившуюся десятилетиями и столетиями застройку сложного рельефа можно уподобить сложившемуся за то же время сообществу разнотравья, которое столь же уязвимо под напором агрессора борщевика и ему подобных.

Провести полную паспортизацию всего исторического и культурного наследия исторического пейзажа, чтобы законом защитить его права в городе.

Соответственно остро растет востребованность заповедования Плёса как пример сохранения здравомыслия.

Заповедный историзм городского пространства пробуждает творческое начало в человеке. Это притягивает всех организаторов и участников всевозможных форумов: пленэров, конференций, фестивалей и т.п. мероприятий.

Плѣс – опорная точка нашей культуры – это историческая точка на историческом пространстве страны, окрашенная патиной времени.

Сейчас это многоликий и содержательный образ искажен многочисленными новостройками, возводимыми по другим технологиям с привлечением мощной техники.

Например, не сохраняется исторический ландшафт (конкретно рельеф) в районе Вичугского проезда.

Вичугский проезд – это изначально военное сооружение – путь сообщения деревянной крепости Плѣс с одним из ее опорных сторожевых пунктов – Порошино.

Он паспортизован как объект охраны?

Есть ли описание его и режим содержания?

Или он значится в Плѣсе просто как одна из улиц?

Включен ли проезд в зону охраняемого ландшафта?

Допустимы ли подсыпки и выборки грунта в таких объемах, которые визуальнo искажают облик военного сооружения?

Кто-нибудь отслеживает эти изменения?

Как-нибудь проектируются это вторжение в рельеф?

Визуально по факту о сохранности исторического пейзажа в этом месте невозможно говорить.

Это далеко не единственный факт такого пренебрежения к историческому пространству на исторической территории города.

Дачники хотят иметь комфорт. Однако это не всегда возможно без ущерба для исторического пространства.

Реализация их желаний влечет за собой искажение вплоть до утраты историзма.

Меняется целевое предназначение построек, историческое пространство вытесняется курортно-дачным.

Перечень утрат исторического пространства на исторической территории стремительно растет.

Какова же дальнейшая судьба исторического пейзажа Плѣса?

В. А. Беляев

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ И ВОЗМОЖНОМ ВОССТАНОВЛЕНИИ УТРАЧЕННЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ ЛЕВИТАНОВСКОГО МЕМОРИАЛА

Художественные изобразительные произведения (картины) реалистической направленности имеют, как правило, подоснову – натуру – реальный предметный мир.

Созерцание натуры может в мозгу художника родить образ. Для воплощения образа в материале художник, в соответствии с замыслом, волен относиться к натуре избирательно. Он может вносить в своё картинное пространство изображения только тех предметов (или их частей), которые работают на образ. То же касается и освещения. Это приводит к тому, что часто трудно, а порой почти невозможно визуально соотнести изображение с используемой художником натурой, т. е. идентифицировать их. Это сложно осуществить и в тех случаях, когда картина сочиняется по пленэрным этюдам или же только по впечатлениям от натуры, т. е. опосредованно.

Однако, когда воплощённый образ представляет высокую художественную ценность, возникает необходимость найти ответ на конкретные вопросы. Что побудило автора к рождению образа (какая конкретика места – натура или же совокупность их)? Какими средствами это было достигнуто? И как это достижение основательно изучить с тем, чтобы сохранить (закрепить) как опору для последующих продвижений?

Технология сохранения самого шедевра, например, исполненного традиционными материалами, давно отработана.

Вопрос сохранения выявленной (идентифицированной) натуры решается юридически. натура, побудившая художника к написанию шедевра искусства, повышается в статусе до памятника культуры и берётся под защиту соответствующего закона.

Вопрос о том, какими средствами был достигнут автором уровень шедевра, - задача искусствоведов. Им для полноценного

анализа творчества автора, кроме его шедевра, нужна и конкретика идентифицированной с картиной природы. Природа в этих случаях часто и самоценна высокой эстетичностью и содержательностью. Таким образом, мы приходим к тому, что очень важно идентифицировать природу и изображение.

Итак, рассмотрим вопрос, как можно осуществить идентификацию изображения и использованной природы. Прежде всего надо произвести фотофиксацию картины и предполагаемой природы.

Когда изображение (фотофиксация его) малоотличимо от фотофиксации природы, вопрос идентификации решается простым сопоставлением (способом наложения) качественных фотоизображений картины и природы, приведенных к одному масштабу.

В иных случаях, когда природой послужило множество разных мест или предметов из разных мест, процесс сопоставления более сложный. Это касается соответственно и особенностей их освещения. В таких случаях производить идентификацию изображения и природы можно методом фотореконструкции.

Суть метода в том, что фотоизображение картины реконструируется (т. е. собирается определённым образом) из своеобразной мозаики, т. е. из фотоизображений отдельных мест, видов, предметов, послуживших природой и отснятых в соответствующем ракурсе. И плановое (по планам в картине) их размещение на фотокопии картины соответствующего масштаба.

Реконструируется и освещение, применённое в картине, по фотофрагментам природы, отснятым при схожем освещении (в колористическом соответствии планов и фона).

Таким образом, из фотофрагментов природы «собирается» пространство, изображённое в картине. Для этого активно используются возможности компьютерной графики.

Применительно к плёсскому мемориалу Левитана:

Выявление его топографии возможно по двум упомянутым выше сценариям.

Первый – относительно простой. Он применим к таким картинам как: «Вечер. Золотой плёс», «Плёс после дождя» и др. Запечатлённый в них художественный образ Плёса узнаваем, легко идентифицируется с реальным (натурным) видом исторической части с определённой позиции. Конечно, за прошедшие

сто с лишним лет изменения природы неизбежны. (Подъём уровня Волги, спрямление линии откоса и подсыпка набережной, изменение растительного покрова и др.) Компьютерная графика по снимкам, сделанным в разное время, поможет учесть изменения.

С другой стороны, художественный образ лишь «отталкивается» от природы, а вовсе не предполагает визуальной стопроцентной достоверности. Это усложняет идентификацию, но не отменяет её.

По второму «сценарию» можно идентифицировать такие картины, в которых изображены виды, предметы из пространственно разных мест и с большей долей художественного вымысла. Например, «Вечерний звон», «Тихая обитель», «Над вечным покоем» и др.

Поэтому более сложному сценарию идентификации подход принципиально не меняется, та же реконструкция фотоизображения картины из фотофрагментов (предметы, планы, фон, колористически согласованные соответствующим освещением).

Идентифицированные с изображёнными в картине предметы, фрагменты их и сам натуральный пейзаж становятся объектами культуры, паспортизируются и берутся под охрану. Только в этом случае можно настаивать на сохранении этих объектов, учёте их в генплане и в ПДП (с соответствующими ограничениями в использовании).

Метод реконструкции (но уже материальный) применим и к самой природе в тех случаях, когда утраченные части её поддаются восстановлению. Оно оправдано как восстановлением фрагмента исторического пейзажа, так и достижением большей визуальности созданного в картине художественного образа. Здесь опять может помочь компьютерная графика.

Подводя итог сказанному выше, надо ещё раз подчеркнуть настоятельную необходимость работы музея-заповедника по выявлению Левитановского мемориала.

Плещский Левитановский мемориал это:

с юридической точки зрения – паспортизированные объекты природы, вошедшие в каталог его творческих работ плещского периода;

с искусствоведческой – натурный объект для углубленного изучения творческого метода художника;

с музейной – оригинальный экспозиционный материал;

с заповедной – сохранение, а там, где это возможно и оправдано,- восстановление антропогенного пейзажа.

Эта большая ценность Плеса и пока она не выявлена, она не сохраняется, искажается и утрачивается.

Д. Л. Орлов

90 ЛЕТ НАЗАД: ПЛЕС В 1925 г. В МАТЕРИАЛАХ ГАЗЕТЫ «РАБОЧИЙ КРАЙ»

Периодическая печать является одним из источников по истории повседневной жизни различных населенных пунктов, выделяясь, прежде всего оперативностью публикации новостных материалов.

Главной газетой, созданной в 1918 году Иваново-Вознесенской губернии, стал «Рабочий край» – орган Иваново-Вознесенского губернского и городского Советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов, губернского комитета РКП (б) и Губпрофсовета. Кроме освещения различных сторон международной политики, внутренней жизни Советского государства, газета затрагивала различные аспекты жизнедеятельности губернии. В 1925 году тираж газеты достигал 20.000 экземпляров¹.

Обращение в данном сообщении к 1925 году неслучайно. В этом году Плес приобрел статус города, являясь центром волости, входящей в состав Середского уезда. И в этом же году рекламно-издательская контора «Реклампроvincia» при газете «Рабочий край» издала «первый полутом художественного альбома «Красный Манчестер» тиражом 2.000 экземпляров. «Представляя на страницах альбома историю края ткачей, его революционное

© Орлов Д. Л., 2016.

прошлое, быт рабочих и участие Красной губернии в гражданской войне, издательство главное внимание уделяет экономическому лику края, животворящим его силам: фабрикам, заводам и советским организациям»². Издание подводило итог достижениям губернии в различных отраслях социально-экономической жизни. (К 1925 году Иваново-Вознесенская губерния состояла из 7 уездов: Иваново-Вознесенского, Кинешемского, Шуйского, Макарьевского, Юрьевецкого, Середского и Тейковского).

В альбоме «Красный Манчестер» Плес представлен двумя фотографиями домов отдыха, репродукциями картин И. И. Левитана и небольшой статьей И. И. Власова, в которой кратко рассматривалось отражение «...нашего приволжского курорта, городка Плеса, живописно расположенного на красивом нагорном берегу Волги» в творчестве различных художников, и прежде всего И. И. Левитана.

Повседневная жизнь же жизнь Плеса этого периода нашла свое отражение в немногочисленных публикациях газеты «Рабочий край». Так как эти публикации немногочисленны и тематика их ограничена, стоит обратиться к материалам статистики.

В книге «Город Шуя и Шуйский уезд. Географическое, историческое и экономическое описание» изданной в Шуе в 1930 году Шуйской окружной плановой комиссией приводятся статистические данные и описания Плеса этого периода, которые помогают дополнить картину плесской жизни, кратко освещаемой в публикациях газеты.

В г. Плесе в это время проживало 2088 человек (892 мужчины и 1196 женщин). В разделе «Хозяйство г. Плеса» сообщается о том, городская черта Плеса пока еще не утверждена. Для развития города городских земель достаточно. Протяженность городских улиц и проездов составляет 10,457 км, а замощено из них 7,26 км. Тротуаров никаких нет. Бульвары имеются и площадь их равна 18, 682 кв. км. Скверов и общественных садов нет... Купален нет. Общественная уборная имеется одна... Уличного освещения нет, водопровода также нет, а есть 15 обыкновенных колодцев... Имеется 9 мостов, 1 каменный...³

За весь 1925 год Плес упоминается всего в 5 новостных материалах и заметках «Рабочего края». 3 июня 1925 года в рубрике

«Ивановский день» была опубликована небольшая заметка «Телефон – в деревни»⁴. В ней сообщалось, что в ближайшее время начнутся работы по постройке телефонной сети: Палех – Мыт – Ландех – Пестяки (Шуйского уезда) и Серeda – Яковлевское – Плес (Середского уезда). Народный комиссариат почт и телеграфов СССР⁵ ассигновал на это дело 15.000 рублей. Народным комиссариатом земледелия⁶ разрешено древесину отпускать бесплатно⁷.

Но основной темой публикаций о Плесе была организация отдыха рабочих текстильной отрасли.

13 мая 1921 года был подписан Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «О домах отдыха», который регламентировал организацию и снабжение домов отдыха, а также условия и порядок приема в них. Дома отдыха организовывались Губернскими Советами Профессиональных Союзов в целях предоставления рабочим и служащим возможности восстановить свои силы и энергию в течение получаемого ими ежегодного очередного отпуска в наиболее благоприятных и здоровых условиях. Для организации домов отдыха должны были использоваться загородные дачи, бывшие помещичьи усадьбы, монастыри.

В дома отдыха принимались в первую очередь рабочие и служащие особо вредных производств и профессий.

В альбоме «Красный Манчестер» приводились данные о том, «...что касается домов отдыха, то в текущем году количество увеличено до 9-ти, через них предположительно пропустит до 4 тысяч человек... В самой губернии имеется 11 санаторий с 345 местами, которые заполняются исключительно трудовым элементом⁸».

10 июня 1925 года в рубрике «По нашему краю» за подписью «Прогинов» была напечатана заметка «Плесский дом отдыха», в которой рассказывалось об организации работы домов отдыха в Плесе. «...Неподалеку раскинулся городок Плес. А поотдаль стоят несколько красивых домов, тех домов-дач, в которых когда-то жила буржуазия. Теперь под этими домами высоко выются красные флаги.

Дом отдыха губернского союза текстильщиков. Здесь отдыхают текстильщики со всей губернии – 90 % рабочих от станка

и 10 % служащих. Работают 3 дома. К июню предполагается закончить ремонт и открыть еще 7 домов. Они будут пропускать не менее 500 человек в месяц. Намечен план для ведения дальнейшей культурной работы. Будут устраиваться экскурсии, путешествия. На днях выйдет № 1 стенгазеты, над выпуском которой работают исключительно отдыхающие.

Заметка заканчивалась критическим замечанием: «Надо вот только наладить своевременную доставку газет»⁹.

12 июня 1925 года в рубрике «Профсоюзы заботятся о здоровье рабочих» появилась новая заметка за подписью Прогонова – «Городок отдыхающего текстильщика». «Действующих домов отдыха в Плесе в настоящее время три, обслуживают они 220 человек в месяц. Каждый рабочий за две недели отдыха прибавляет в весе от 4-х до 7-ми фунтов¹⁰. Питание – лучше желать нельзя. Согласно Декрету СНК РСФСР «О домах отдыха» снабжение находящихся в домах отдыха продовольствием производилось местными продорганами согласно специальных норм, которые устанавливала Комиссия по рабочему снабжению, но не ниже пайка санаторий). Культурная работа налажена хорошо: масса развлечений, катание на лодках, экскурсии, хорошая библиотека.

В шести верстах от Плеса, в имении Порошино, куплен дом бывшего министра Фон-Плеве, и заарендована дача известного артиста Шаляпина. Обе дачи окружены громадным парком и фруктовыми садами. Ремонтируется дом для инвалидов-текстильщиков. В дальнейшем губернский союз текстильщиков предполагает купить в Плесе все лучшие дома и создать городок отдыхающего текстильщика. Некоторые дома уже к 15 июня будут открыты. Отдыхать в них будут до 900 человек в месяц.

Ведется подготовка по установке радио-аппарата с громкоговорителями. Предполагается открыть плавучий дом отдыха – пароход на 800 человек, который будет курсировать по Волге. Вся работа идет под наблюдением председателя губотдела союза текстильщиков товарища Назимова¹¹, который сказал – во что бы то ни стало, а это мы в жизнь проведем».

14 октября 1925 года в рубрике «По телефону из уездов (от наших корреспондентов)» было опубликовано сообщение под заголовком «Среда. Ярмарка в Плесе». 14 октября в Плесе откры-

лась ярмарка. Она имеет значение, как конная и по сбыту кустарных изделий¹².

11 декабря 1925 года в рубрике «Рабочая жизнь» была напечатана заметка «Темные дела гр. Федотова» за подписью «Ивашка»¹³. «С самого начала работ на постройке Плесского санатория служит пьяница – уполномоченный Госстроя¹⁴ А. И. Федотов. До сих пор рабочие не в силах скинуть это зло со своей шеи. Не одна партия не проработала с уполномоченным более 2–3 месяцев. Почти при каждом расчете возникал скандал, так как у Федотова постоянно не доставало части денег. В последний раз не хватило 400 рублей. Пришлось уполномоченному ехать домой добывать их. А за это время почти вся партия, работавшая с ним, разъехалась по домам и только некоторая часть рабочих (которых Федотов поил «горькой» целую ночь) осталась доканчивать начатые работы. Несколько месяцев Федотов брал провизию для своих рабочих в ЕПО¹⁵, но так как весь расчет там налицо, то он (чтобы лучше словить рыбку в мутной воде) стал забирать все продукты у лавочника Агафонова.

Вот уже несколько месяцев, как рабочие ходатайствуют о вступлении в члены профсоюза, но до сих пор не могут добиться. Федотов же в этом отношении палец о палец не стукнул. Вообще много грешков водится за этим «гусем». Никакого доверия со стороны рабочих к Федотову нет».

14 мая 1925 года в «Рабочем крае» была опубликована заметка «Не скоро расхлебаешь»¹⁶, «героем» которой стал бывший владелец усадьбы в окрестностях Плеса в Утешном Александрович Сергеевич Щулепников.

Его сын – Сергей Александрович Щулепников в 1918–1920 гг. возглавлял внешкольный подотдел Плесского наробраза; в его ведении находились: театр, библиотека, социалистический клуб, организация музея и другая культурно-просветительная работа¹⁷. В заметке в «Рабочем крае» затрагивалась хозяйственная сторона деятельности отца С.А. Щулепникова – Александра Сергеевича Щулепникова.

До революции 1917 года владельцы имения находились в хороших отношениях с населением окружающих деревень, помогая крестьянам советами, семенным зерном, племенным молод-

няком, в голодные годы - хлебом. После революции имение было национализировано, а в Утешном создана коммуна, в которую вошли местные крестьяне и прислуга имения. Председателем коммуны был выбран А.С. Щулепников. В публикации газеты, подписанной псевдонимом «Уполномоченный» обстановка вокруг сельскохозяйственных угодий вокруг Утешного выглядела критической.

«В Плесской волости, Середского уезда, раньше существовала усадьба Утешное, помещика Щулепникова. Во время революции помещик подбил к соседним мужичкам:

– Защитите, мол, меня. Я с вами пойду рука об руку.

Мужики по неосознанности действительно защитили, давая подписи в пользу Щулепникова, что, мол, он человек трудящийся. Таким образом, этот тип остался благоденствовать в своем гнезде. Впоследствии в имении образовалась коммуна, а затем совхоз. Помещик же Щулепников был то председателем, то помощником заведующего.

Так он жил до 1924 года, когда его, наконец, убрали из имения. Но дела, которые он натворил, приходится и сейчас расхлебывать.

В дореволюционное время Щулепников сдавал сенокосы крестьянам деревень Кочергино и Мальцево. Первые арендовали покос Утешное, вторые – Хмельницы. Но со временем революции покосом стали пользоваться, не платя и не работая на помещика. Питая большую злобу на трудящихся и на советскую власть, пользуясь правами председателя коммуны, Щулепников сумел излить свое зло. В 1919 году пригласил землемера Солодовникова из Середского уезда, обмерил и отрезал покос Утешное под выгон скота. Заминал и травил скотом приблизительно восемьсот пудов хорошего доброкачественного сена. Так продолжается и по сей день Кочергино и Мальцево имеют один участок – Хмельницы.

В настоящее время Хмельницы исключены из гослесфонда и о праве пользования этим участком спорят эти две деревни. Дело доходило до драки и суда. Необходимо положить конец враж-

де между деревнями Кочергино и Мальцево, дав одной из них хотя бы часть покоса Утешное, исключив его из земель совхоза.

¹ Красный Манчестер, Иваново-Вознесенск. 1925 г. С. 234.

² Красный Манчестер, Иваново-Вознесенск. 1925 г. С. 3.

³ Город Шуя и Шуйский уезд. Шуя. 1930 г. С. 82.

⁴ Рабочий край, 3 июня 1925 г.

⁵ Существовал с 1923 по 1932 гг.

⁶ Народный комиссариат земледелия РСФСР, существовал с 1917 по 1929 гг.

⁷ Рабочий край, 3 июня 1925 г.

⁸ Красный Манчестер, Иваново-Вознесенск. 1925 г. С. 127.

⁹ Рабочий край, 10 июня 1925 г.

¹⁰ От 1,6 до 2,8 кг.

¹¹ Председатель губернского союза текстильщиков А. А. Назимов.

¹² Рабочий край, 14 октября 1925 г.

¹³ Рабочий край, 11 декабря 1925 г.

¹⁴ Всероссийская государственная строительная контора (создана в 1923 г.).

¹⁵ Лавка-магазин Единого потребительского общества.

¹⁶ Рабочий край, 14 мая 1925 г.

¹⁷ *Закаменная Е. Н.* Плес театральный. Плесский вестник, 25–31 мая 2012 г. С. 8.

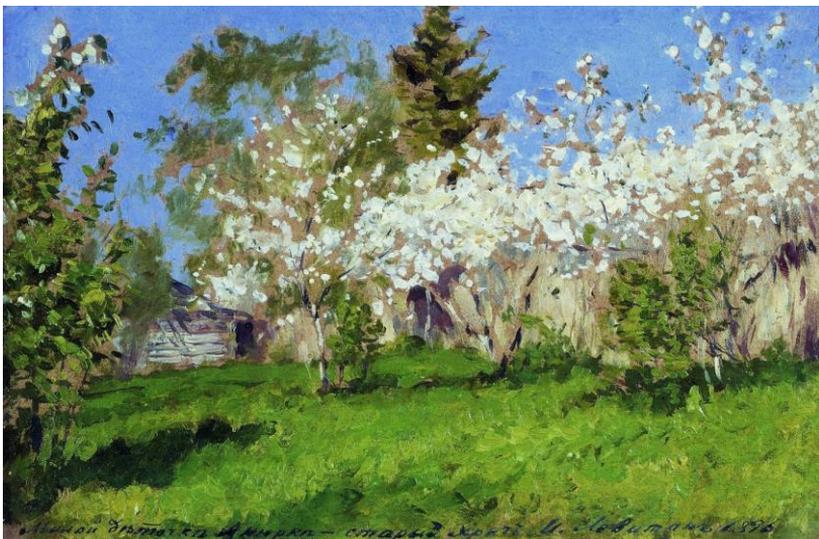
В. П. Данилова

**ПОДАРОК И. И. ЛЕВИТАНА
«МИЛОЙ ДЕТОЧКЕ АНЮРКЕ»**

В книге С. А. Пророковой «Левитан» рассказывается о подарке маленькой девочке: «В декабре 1896 года дочке Трояновских исполнилось десять лет. Отец зашел к Левитану в мастерскую, просил его непременно быть на торжестве. Художник захотел подарить девочке какой-нибудь этюд. Долго рассматривал холсты.

– Это все слишком мрачное для подарка такой юной особе, – сокрушался художник. Но один холст показался ему достаточно радостным. Это был пейзаж с цветущими яблонями. Автор сделал на нем такую надпись: «Милой деточке Анюрке старый хрыч И. Левитан. 1896». Подарку были в доме очень рады, особенно сама именинница. Она уже начинала рисовать, и художник похваливал ее детские рисунки. Потом она стала художницей, училась у Серова в Училище живописи».¹

А. А. Федоров-Давыдов в книге «Левитан. Жизнь и творчество» пишет о том, что «понравился Левитану мотив цветущих деревьев еще во время его первой поездки на юг».² В то время Исаак Ильич пытался передать обаяние нежного цветения, «облачную» дымку розового цвета веточек и кустов. К 1896 году у художника развивается лирическое понимание природы и новая живописная манера. «Теперь во всеоружии своего живописного мастерства он с той же поэтичностью образа, но уже гораздо вещественнее и материальнее передает это благоухающее весеннее цветение в ряде работ «Цветущие яблони». Мы знаем о пяти, из которых три, к счастью, дошли до нас в оригиналах».³

И. И. Левитан. Цветущие яблони. 1896, этюд, бумага на картоне, масло, 18 x 25 см, частное собрание

В Плещском музее-заповеднике ведется каталог работ художника. Картин и этюдов И. И. Левитана с названием «Цветущие яблони» в нем шесть, включая тот, который имеет дарственную надпись. Картина "Цветущие яблони" - один из вариантов этой темы имеется в музее И. И. Левитана.⁴ Она была передана Плещскому музею-заповеднику из фондов Государственного Русского музея. Задачей моего исследования стала история жизни этой девочки – Анны Ивановны Трояновской и, конечно, ее родителей.

Родилась А. И. Трояновская в Москве 20 ноября 1885 года, единственный ребенок в семье. Отец – Иван Иванович Трояновский (1855–1928) был терапевтом и хирургом Московской городской рабочей больницы, ботаником, общественным деятелем, коллекционером живописи, другом художников и артистов. Мать – Анна Петровна Трояновская (Обнинская) (1862–1920) – занималась домом. О своих родителях Анна Ивановна напишет в шуточной форме в январе 1941 года в альбоме Сергея Николаевича Дурылина (1886–1954) – археолога, этнографа, писателя, историка литературы, искусствоведа: «А. П. Трояновская, хотя и

училась петь в консерватории, пела редко. Она любила аккомпанировать и за доктора Трояновского вышла, главным образом потому, что он пел тенором. Вот это пение, очень громкое и не всегда верное, рояль сопровождал в течение более чем 30 лет. Музыка была, главным образом, русских авторов. Частью она помещалась рядом с роялем на полках, частью приносилась из магазина Мейкова на Кузнецком, где семейство Трояновских было абонировано. Кроме полки с нотами, рояль окружали картины в порядке следующей эволюции: сначала Киселев, Волков, Дубовской; потом Поленов, Нестеров, Левитан. Этот последний чаще других сидел у рояля рядом с Анной Петровной и слушал музыку. Был один романс Грига, «Как солнца луч», бесконечно печальный, который Ивану Ивановичу приходилось повторять для него по 3 раза подряд».⁵

Иван Иванович Трояновский был широко известен в среде московской творческой интеллигенции как страстный любитель искусства, собиратель картин выдающихся русских художников. В 1880-х годах доктор приобрел свою первую картину, точнее, этюд к картине В. Д. Поленова "Больная" – может быть из-за того, что его взволновала столь верная и глубокая передача такого знакомого ему сюжета. Эта картина положила начало великолепной коллекции, которую он собирал на протяжении всей жизни. Впоследствии врачебная практика сблизила Ивана Ивановича и с другими видными деятелями нашей культуры: А. П. Чеховым, Ф. И. Шаляпиным, И. Э. Грабарем, Н. К. Метнером, С. В. Рахманиновым - этот перечень можно продолжать еще долго. Он был лечащим врачом и близким другом В. А. Серова и И. И. Левитана. У обоих в самом расцвете сил стала развиваться тяжелая болезнь сердца. Со многими из них Трояновские дружили семьями, и их скромная московская квартира часто бывала местом встреч служителей искусства. Современники отзывались об Иване Ивановиче и Анне Петровне как об очень гостеприимных и радушных людях, в доме которых всегда ощущался какой-то особенный уют. Сначала они жили в домике на стрелке между Большой и Малой Молчановкой, затем снимали квартиру в Скатертном переулке на Арбате. В начале века в коллекции И. И. Трояновского насчитывалось более двухсот произведений русской живописи и графики, в том числе работы В. Серова, И. Репина, И. Левитана,

М. Врубеля, К. Коровина, И. Грабаря и многих менее известных, но ярких и оригинальных художников. Пополнение коллекции требовало немалых затрат, но иногда близкие и знакомые Ивана Ивановича просто дарили ему свои работы.

Кроме московской квартиры семья Трояновских имела в Калужской губернии усадьбу «Бугры». Она была построена на землях имения Белкино для дочери П. Н. Обнинского – Анны Петровны. Усадьба больше напоминала роскошную загородную дачу. Земли включали в себя обширные участки леса и лугов в холмистой местности. Большой бревенчатый дом, одноэтажный с мезонином был поставлен на вершине холма среди соснового леса. Вот там Трояновский страстно предавался другому увлечению – садоводству. Проживая в Буграх, Иван Иванович охотно занимался лечением крестьян из окрестных деревень. Больницы в ближайшей округе не было, а необходимость в медицинской помощи ощущалась очень остро. При этом врач никогда не брал никакой платы. Крестьяне относились к доброму доктору с огромным уважением и охотно шли на прием в усадьбу. Нередко ему приходилось ехать на дом к тяжелым больным, случались и сложные операции.

В этой необыкновенной среде росла у Трояновских дочь, названная в честь матери Анной. Анюрка росла очень бойким и даровитым ребенком, она обладала блестящими способностями и в рисовании, и в музыке. В юности она училась в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, в классе у великого В. Серова (в качестве вольнослушательницы). Затем отправилась в Париж, совершенствовать свое мастерство у самого Матисса. Накануне Первой мировой войны она серьезно занималась пением в Милане, собираясь стать оперной певицей, и добилась заметных успехов, но вскоре бросила эту затею. Анна не могла сконцентрироваться на каком-то определенном занятии и тем более не желала ограничивать себя рамками одной профессии, предпочитая менять вид деятельности в зависимости от настроения и желания. Всю жизнь она отличалась экстравагантностью, была очень импульсивной. Не случайно ее любимым произведением искусства, по воспоминаниям ее ученика В. Почиталова, стала Ника Самофракийская. Эта безудержная порывистость (при символическом отсутствии сдерживающего начала) была харак-

терна для Анны с юных лет и с годами только усиливалась. Поэтому законченного образования она так и не получила.

После революции в Москве происходит уплотнение жилья. Так поступают с квартирой Трояновских, но усадьба Бугры избежала национализации и была тихим убежищем для семьи и многих друзей Трояновских. Туда в начале лета 1919 года Анна Ивановна Трояновская пригласила пожить Николая Карловича Метнера с женой Анной Михайловной. Выдающемуся композитору и пианисту фактически некуда было деваться, поскольку квартиру в Москве у него отняли. Пребывание в Буграх затянулось почти на два года.

В начале 1920 года умерла А. П. Трояновская. Летом этого же года Анна Ивановна переехала на постоянное проживание в Бугры и к ней стали приезжать гости из Москвы. Особенно часто бывала ее подруга, художница Наталья Сапожникова, и любимый ученик Н. Метнера по консерватории П. Васильев. Изредка навещался Иван Иванович, связанный своей врачебной деятельностью в столице. А.И. Трояновская преподавала живопись в колонии «Бодрая жизнь», водила ребят на этюды по окрестностям, а с самыми способными учениками, в числе которых был будущий художник Василий Почиталов, занималась и в Буграх.

28 ноября 1928 года Иван Иванович умер в своем доме в Буграх. Похоронен он у церкви Бориса и Глеба, с южной стороны. В узорчатой ограде на могиле лежит большая плита черного мрамора с простой надписью: «Доктор Иван Иванович Трояновский. 1855–1928».

Бывшую усадьбу Бугры, которая теперь считалась дачей, унаследовала Анна Ивановна Трояновская. Но денег не хватало, все труднее становилось одной содержать семейное гнездо. За муж она, слишком своенравная и вольнолюбивая, выходить так и не стала. Постепенно пришлось распродать всю коллекцию картин отца, при этом наиболее ценные полотна Анна Ивановна безвозмездно передала в Третьяковскую галерею. В 1932 году она продает Бугры своему давнему знакомому П. П. Кончаловскому. За собой Анна Ивановна оставила маленький флигель с верандой в глубине сада. Здесь она по-прежнему проводила лето и даже принимала своих друзей из Москвы, в том числе видного художника Р. Р. Фалька, бывшего члена «Бубново-

го валета», и молодого композитора Ю. С. Бирюкова. Юрий Бирюков и купил у нее этот флигель в 1946 году. Затем квартиру Трояновских в Скатертном переулке превратили в типичную коммуналку, и у Анны Ивановны осталась лишь одна комната, прежде служившая ее отцу приемным кабинетом. Она спала теперь на той же узкой кушетке, где доктор Трояновский осматривал своих пациентов. Анна Ивановна не стала поступать на постоянную службу. По инициативе С. Т. Шацкого, возглавлявшего в то время Московскую консерваторию, она начала давать студенткам частные уроки и даже издала учебное пособие «100 вокальных упражнений».⁶ В ней был развит не только дар певицы, но и большой талант художника – графика. Уже после войны Трояновская была принята в Союз художников СССР, что давало возможность участия в выставках и получения заказов от государства.

«Анна Ивановна Трояновская – моя большая приятельница, у которой я провел много часов моей жизни, я у нее занимался, я у нее пробовал писать пастелью... Истинная москвичка, приятельница дома Шаляпиных, Станиславских»⁷ - эти строчки принадлежат выдающемуся пианисту XX века Святославу Теофиловичу Рихтеру. «Анна Ивановна жила на первом этаже старого дома близ Никитских ворот. Она жила в той же квартире, где и родилась в 1885 году. До революции вся квартира в одиннадцать комнат принадлежала её отцу, доктору Трояновскому. Теперь же здесь теснились одиннадцать семей».⁸

А. И. Трояновская будет опекать С. Т. Рихтера. Осенью 1941 года, после ареста и отправки в Свердловск как этнического немца учителя Рихтера Генриха Нейгауза (самого Рихтера, тоже как этнического немца, спасла от ареста случайность), Рихтер стал жить у родственников Нейгауза, а занимался на рояле в коммунальной квартире Анны Трояновской. Анна Ивановна дружила с Метнером. Уезжая навсегда из России, он оставил ей свой рояль. Именно на этом рояле более тридцати лет по десять-двенадцать часов подряд занимался Рихтер: вначале - потому, что был попросту бездомен, позже – потому, что в высшей степени дорожил не только дружбой Анны Ивановны, но и ее мнением о его игре. Это был дом, где он чувствовал себя защищенным от любых вторжений.

Своим покровительством Рихтеру А. И. Трояновская, которая была старше его на 30 лет, вызывала множество насмешек, как в начале знакомства с ним, так и в конце своей жизни. А. Кончаловский, ребёнком видевший Анну Ивановну в Буграх, спустя несколько десятилетий вспоминал о ней: «У Городецкого жил молодой Рихтер, высокий, рыжий, загорелый. С ним часто приходила его сумасшедшая поклонница, боготворившая его, создававшая ему атмосферу творчества, – Анна Ивановна, дочь художника Трояновского, у которого дед и купил дом в Буграх. У неё были длинные юбки до пола, какие носили до революции. Дядя Миша, подмаргивая, говорил, что это затем, чтобы скрыть хвост, подзревая её в чертовщине».⁹

Анна Ивановна Трояновская умерла в возрасте 92 лет. До самой смерти она преподавала музыку, вокальное пение. Ученики отмечали, что Анна Ивановна была строга, непреклонна, требовательна, своенравна, и общаться с ней было непросто. Но она всех поражала необыкновенной энергией, ясностью ума и глубокими знаниями. Дружбой с ней дорожили многие известные люди: музыканты, поэты, художники. Живописные и графические работы А. И. Трояновской хранятся в музеях России.

¹Пророкова С. П. Левитан. 2010 год, гл. 3, с. 7 (Исаак Левитан isaak-levitan.ru).

²Фёдоров-Давыдов А. А. Левитан. М. «Искусство» 1966 г., с. 219.

³Фёдоров-Давыдов А. А. Левитан. М. «Искусство» 1966 г., с. 220.

⁴Картина «Цветущие яблони», середина 1890-х. холст, масло. 36 x 48. Плесский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

⁵РГАЛИ, Ф.2980. Оп.2. Ед.хр. 276.

⁶Трояновская А. И. «100 вокальных упражнений», М., 1934.

⁷Терехов Д. Рихтер и его время. Записки художника. Неоконченная биография. М., Согласие, 2002. с. 408.

⁸Терехов Д. Рихтер и его время. Записки художника. Неоконченная биография. М., Согласие, 2002. с. 409.

⁹«Обнинск: история города и края с давнейших времен до наших дней», Калининград, 2002, с. 94–95.

О. В. Чурюканова

МЕДНОЛИТЫЕ ИКОНЫ НА ГОРЕ ЛЕВИТАНА В ПЛЕСЕ

На двух деревянных крестах, находящихся около деревянной церкви Воскресения Христова на горе Левитана можно увидеть две маленькие иконы. Одна уже достаточно известна местным жителям, некоторые почитают ее, как чудотворную – это икона св. Николая Чудотворца. Она расположена на деревянном невысоком кресте сразу направо от входа на церковную территорию.

Вторая икона, вызвавшая интерес, – это икона с изображением священномученика Антипия (Антипы). В одном из антикварных магазинов России удалось найти икону, идентичную плесской: *«Медный сплав, литье, эмаль. Вторая половина XIX века. 12 000 рублей».*

Икона с деревянного креста на горе Левитана в г. Плесе.

© Чурюканова О. В., 2016

Подобная икона есть и в собрании Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева (Москва).

На выставке «Не корысти ради...», проходившей в корпусе Бонуа Русского музея (декабрь 2011 – март 2012), на которой были представлены коллекции Михаила Боткина – художника, академика исторической живописи, искусствоведа, коллекционера, также можно было увидеть подобную медную икону святого Антипия.

Антикварные лавки, в которых можно встретить сходные иконы, позиционируют их, как старообрядческие. Изделия меднолитной пластики на самом деле были широко распространены среди старообрядцев. В народной среде иконки и образки с изображением священномученика Антипы, епископа Пергамского пользовались особой популярностью: священномученик Антипа Пергамский – святой, которому молились об исцелении, в частности от зубных болезней, или при душевных заболеваниях. Образ святого призван отличать истинное от ложного, поддерживать в вере. Святой Антипа Пергамский был учеником святого апостола Иоанна Богослова, поэтому особо почитаем в Церкви. Места, тесно связанные с именем св. Антипия расположены достаточно далеко от Плеса: в 15 километрах от города Антрацит по дороге в Луганск находится «Антипьевская балка» с источником св. Антипия, там с 1991 года возобновилась давняя традиция молебного паломничества на источник священномученика. Каждый год в Преполовление туда приходят сотни верующих и священство из Ровеньков, Ребриково, Ясеновского. Соборно совершается молебное пение и освящается вода.

Церковь сщмч. Антипы еп. Пергамского расположена недалеко от Кремля, в 400 метрах на юго-запад от Боровицкой башни, в одной из древнейших населенных частей Москвы – Занеглименьи. По легенде, в ней Иван Грозный венчался со своей очередной женой. Первый русский царь чтит этого святого, и среди его родовых моленных святынь был зуб св. «Онтия Великого», окованный серебром. В начале XX века в приходе Антипьевской церкви жил Валентин Серов, русский живописец и график. 24 апреля 2005 года в день памяти сщмч. Антипы еп. Пергамского, совпавший с празднованием Входа Господня в Иерусалим, в храме была совершена первая, после 76-ти летнего перерыва, Божественная Литургия.

Священномученик Антипий – ученик Иоанна Богослова, своей святой жизнью и неустанной проповедью веры во Христа он отвлек от идолослужения многих жителей Пергама, чем возбудил против себя языческих жрецов. Те потребовали от него прекратить проповедь в истинного Бога и принести жертву идолам. Святитель спокойно, но твердо ответил, что не станет служить богам-бесам, которые бегут от него, смертного человека, что он поклоняется и будет служить Всемогущему Богу, Творцу всяческих, Единому Богу, в Троице славимому. На замечание жрецов, что их боги существуют давно, а Христос появился недавно и был распят как злодей, священномученик ответил, что языческие боги созданы руками людей и все сказания о них исполнены мерзости, а Христос есть предвечный Сын Божий, во времени воплотившийся от Пречистой Девы для спасения рода человеческого. Разгневанные жрецы повлекли св. Антипу в храм Артемиды и бросили его в раскаленного медного вола, куда обычно бросали жертвы идолам. Священномученик молился Богу, прося принять его душу и укрепить веру христиан. Ночью христиане забрали не тронутое огнем тело священномученика Антипы и с честью похоронили в Пергаме. Гробница священномученика стала источником чудес и исцелений от различных болезней.

Молитва священномученику Антипию:

«О, преславный священномучениче Антипо, скорый помощниче христианом в болезнех! Верую от вся души и помышления, яко дадеся тебе от Господа дар болящия исцеляти, недугующия врачевати и расслабленныя укрепляти. Сего ради к тебе, яко благодатному врачу болезней, аз немощный прибегаю и твой досточтимый образ с благоговением лобызая, молюся: твоим предстательством у Царя Небеснаго испроси мне, болящему, исцеление от удручающия мя зубныя болезни. Аще бо и недостоин есмь тебе, благостнейшаго отца и приснаго заступника моего, просити, но ты, быв подражатель человеколюбия Божия, сотвори мя достойна твоего заступления чрез мое обращение от злых дел к благому житию, уврачуй обильно дарованною тебе благодатию язвы и струпы души и тела моего, даруй ми здравие и спасение, и во всем благое поспешение, да тако тихое и безмолвное житие пожив во всяком благочестии и чистоте, сподоблюся со всеми святыми славити все-святое имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь».

Нет сомнения в том, что иконы, которые можно увидеть на территории Воскресенской церкви в Плесе, заслуживают внимания, и хочется надеяться, что эти две иконы не постигнет участь третьей, которую варварски сняли с креста, оставив зияющую пустоту со следами клея. Необходимы особые меры по охране историко-культурного комплекса на территории горы Левитана.

Е. Н. Закаменная

СУДЬБА ДОМА ЧАСТУХИНЫХ–ФИЛОСОФОВЫХ И ЕГО ХОЗЯЕВА

Судьба одного из самых замечательных зданий города Плёса интересна и по-своему драматична. Дом, известный как дом Частухиных-Философовых, заканчивал собой западную оконечность плёсской набережной, что вместе с домом Грошевых-Подгорных с восточной стороны придавало ей симметрию и монументальную завершенность. Дом этот в 1796 году был построен льнопромышленниками купцами Андреем и Иваном Ермолиными.¹ Ермолины построили целый усадебный комплекс: на территории располагался ещё деревянный на каменном фундаменте флигель, деревянные же фабричные корпуса и старообрядческая молельня. Ермолины были ревностными поборниками старой веры.

Строители этого дома Иван и Андрей Ермолины не имели наследников по мужской линии. Иван не был женат, а у Андрея были только дочери. Поэтому все надежды на достойное продолжение дела возлагались на зятя Василия Васильевича Частухина.

По описанию города 1787 года в Плесе почти половину Калашной улицы занимали Частухины². Василий Андреевич Частухин числится как плёсский мещанин. Однако семейная легенда гласит, что это семейство Частухиных проявились в Плесе потому, что вынуждено было скрываться по причине религиозных преследований во времена реформ патриарха Никона и принадлежало

© Закаменная Е. Н., 2016

к русской знати. В семье до 1917 года хранились старинные церковные книги.

Впервые в поле зрения в качестве купеческого семейства Василий Андреевич Частухин с братом Дмитрием и сыном Василием попал в 1789 году, они объявил капитал в 1050 руб., что по тому времени позволило ему записаться в 3 гильдию.³

В 1817 году следующее поколение Частухиных, снова братья Василий и Дмитрий, вновь заявили о себе как о купцах 3 гильдии. К этому времени Василий Васильевич стал зятем владельца полотняной фабрики Андрея Яковлевича Ермолина, у него уже был сын Геннадий. Вскоре, на 1822 год Василий Васильевич объявляет отдельный от брата капитал уже по 2 гильдии.⁴ Его тесть отошёл от дел по старости и передал зятю свою фабрику в большой надежде на деловые качества зятя и последующее процветание фабрики. В завещании Ермолин оговаривает неременное условие, «чтобы она фабрика затем без согласия жены и сына не могла употреблена быть в продажу».⁵ Василий Васильевич оправдал надежды тестя, расширил производство, с 1822 года Василий Васильевич - полновластный хозяин самой крупной в Плесе полотняной фабрики. Он ведёт и хлебную торговлю в больших объёмах, имеет кирпичный завод. В 1825 году В. В. Частухин построил двухэтажные каменные лавки при гостином дворе на площадиб. Нынешний ресторан «Дача». С 1828 года Частухин берёт в содержание рейнский погреб⁷, и его наследники держат его до 70 х годов XIX века. В 1833 году купец 2 гильдии Василий Васильевич Частухин представил «общественный приговор на отдачу в содержание в городе Плесе берегов, лежащих на речке Шохонке, принадлежащих плёсскому городскому обществу, для устройства мукомольной мельницы.⁸ Видно, что В. В. Частухин владеет многими «промыслами» в Плесе и дела ведёт весьма успешно.

В 1824 году Василий Васильевич Частухин был избран городским головой⁹, а в 1833 году – повторно.¹⁰ В 1838 году он принимал художников Чернецовых, путешествовавших по Волге. О нём и его фабрике братья Чернецовы писали в своих путевых заметках.¹¹ Василий Васильевич Частухин участвовал и в первой промышленной выставке 1838 года. Подробнее о нём можно прочитать в книге «Плès. Страницы истории».¹²

В 1843 году в семье Частухиных произошло знаменательное событие, Геннадий Васильевич Частухин был вызван в Ко-

стромское губернское правление для ознакомления с Указом. Это был Указ Костромского губернского правления от 23 марта 1843 за № 2984 «О возведении здешнего 2 гильдии купца Василия Частухина с семейством в Потомственное Почётное гражданство и о выдаче ему на оное грамоты».¹³ Василий Васильевич Частухин стал первым из достойных плёских граждан, удостоенных этого звания, но свидетельство получить не успел, он умер в конце 1842 года. Свидетельство получил его сын Геннадий Васильевич, тоже ставший Почётным Потомственным Гражданином, так же, как его жена и дети. Геннадий Васильевич Частухин ненадолго пережил своего отца, он умер в 1848 году, оставив беременную жену и малолетнего сына Николая. Большое и разноплановое дело некоторое время успешно продолжала вдова Геннадия Васильевича Анна Андреевна. Она вела дела через управляющего плёского 3 гильдии купца Александра Фёдоровича Серикова, бывшего серпуховского купца, выдав ему доверенность «на управление всем её имением через приказчиков по торговле хлебом, фруктами, рейнским погребом и по фабричному товару».¹⁴ Со временем ей становится обременительно держать многочисленные дома, и она расстаётся с одним из домов. По решению сиротского суда, т.к. после смерти мужа её имущество и имущество её малолетних детей находится под опекой, она продаёт дом. Это каменный двухэтажный дом «в 5 квартале по Нижней набережной Воскресенской улице, оценен в 700 руб. серебром»¹⁵. Впоследствии владельцем этого дома стал купец Маклашин. Здание известно, как музыкальная школа.

У Геннадия Васильевича было несколько детей. Наследник, родившийся в 1840 году,¹⁶ очевидно, умер ребёнком: в прошении о возведении в Почётное гражданство Василий Васильевич Частухин 8 октября 1842 года называет себя вдовцом, а в семье своей имеет сына Геннадия Васильевича, его жену Александру Андреевну и внучку Елизавету Геннадиевну.¹⁷ Судьба Елизаветы пока не известна. Другой сын Николай родился уже после смерти деда в 1844 году и умер от чахотки в 1872 году, в возрасте 28 лет.¹⁸ В метрической книге Троицкой церкви за 1863 год он упоминается как восприемник родившегося у мещанина Алексея Ивановича Шемякина сына Вардата и именуется как «Потомственный Почётный гражданин купец 1 гильдии Николай Геннадиевич Часту-

хин».¹⁹ Таким образом, в 60-е годы XIX века дела Частухиных обстояли очень хорошо.

Уже после смерти отца Геннадия Васильевича в 1949 году родилась Лариса Геннадьевна, которая в итоге и стала наследницей имущества Частухиных. Лариса юной девушкой была выдана замуж за дворянина Сергея Николаевича Философова. Постепенно, по вероятности после смерти Николая Частухина, семья начала сворачивать дела в Плёсе, как впрочем, и большинство купеческих семей, поскольку строительство железной дороги Москва–Кинешма серьёзно подорвало дела плёсских купцов. Из документов Плёсской городской думы конца XIX века можно понять, что двухэтажные лавки госпожи Философовой и земля с дом были переданы плёсскому городскому обществу.²⁰ Земля частично продана Г. К. Горбунову и купеческой вдове Е. В. Иванчиковой, другую часть город сдал в аренду «мещанину Михаилу Фёдоровичу Петрову под фабричное заведение».²¹

Этот дом ещё в начале XX века представлял собой величественное сооружение. О нём писал известный исследователь провинциальной архитектуры Г. К. Лукомский в своих работах: «Старинные особняки Плёса», «История вандализма в России».²² «В городе Плёсе на Волге приходят в окончательное разрушение заброшенные – прекрасные своею архитектурою и таинственным выражением несколько суровых и грузных масс, - купеческие особняки с заржавевшими решётками, покачнувшимися воротами и маленькими окнами, построенные в конце XVIII века (Дом Грошева) и в начале XIX (дом Частухина), еще недавно населённые героями романов Печерского».

А наш земляк писатель Н. П. Смирнов в 1920 году бродил по пустующему с выбитыми стёклами дому и мечтал о том, что здесь можно было бы организовать музей И. И. Левитана для увековечивания его памяти: «Для этой цели можно было бы использовать (отремонтировав) дом, в котором жил Левитан. Дом этот очень красив. Выстроен он в «Екатерининском стиле», украшен виньетками, заставками и резьбой. Полуразрушен».²³ Очевидно, в 1920 году дядя писателя, который ходил с художником на охоту, точнее знал, где в последнее лето останавливался Левитан.

Но ни старые, ни новые власти ничего не предприняли для сохранения великолепного дома. Более того, в период выборной

компании 1928 года в наказы избирателей записывается о «получении средств для ремонта зимнего театра путем ликвидации дома Философовых».²⁴ А 24 октября 1929 года принимается постановление местных властей о ликвидации этого дома.²⁵ История вандализма в России, к сожалению, началась не вчера и имеет продолжение в наши дни. Сегодняшние вторжения в панораму Плёса со стороны Волги в виде пляжей с их не характерным для малого исторического города обликом серьезно искажают привычный вид на город с Волги. И уже не разрушением, а «созиданием» следующие власти продолжили всё тот же вандализм.

¹ ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 196. Л. 161.

² ГАИО. Описание города Плёса 1787 г. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 73.

³ ГАИО. Роспись купцов по гильдиям на 1789 г. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 92.

⁴ ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 271. Л. 367. Журнал 1821 г.

⁵ Там же. Л. 365.

⁶ ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 286. Л. 11, Л. 22. Журнал 1825 г. Ч. 2.

⁷ ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 304. Л. 593. Журнал 1827 г.

⁸ ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 332. Л. 376. Журнал 1833 г.

⁹ ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 282. Л. 62. Журнал 1824 г.

¹⁰ ГАИО. Ф. 1018. оп. 1. Д. 332. Л. 5

¹¹ *Чернецовы Г. и Н.* Путешествие по Волге. М.: Мысль, 1970. С. 43.

¹² *Закаменная Е.Н.* Плес. Страницы истории. 2012. С. 303.

¹³ ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 386. Л. 186. Журнал 1843 г.

¹⁴ ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 448. Л. 4. Книга доверенностей 1852 г.

¹⁵ ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 443. Л. 302. Журнал 1852 г.

¹⁶ ГАИО. Ф. 1018. Оп. 1. Д. 370. Л. 264. Журнал 1840 г. 2 ч.

¹⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Ед. хр. 5281.

¹⁸ ГАИО. Ф. 1158. Оп. 8. Д. 34. Метрическая книга Троицкой церкви.

¹⁹ Там же.

²⁰ ГАИО. Ф. 241. Оп. 1. Д. 2. Л. 76–77. Журналы Плёсской городской думы. 1893 г.

²¹ ГАИО. Ф. 241. Оп. 1. Д. 4. Л. 75. То же 1898 г.

²² *Г.К. Лукомский* «Памятники старинной архитектуры в типах художественного строительства». Петербург. «Шиповник», 1916 г. ч. I. Русская провинция. С. 54. *Г.К. Лукомский.* История вандализма в России. Ж. «Живописное обозрение». № 1912 г.

²³ *Смирнов Ник.* Художник (Очерк)// Рабочий край. 1921 № 116. 29 марта.

²⁴ГАИО. Ф. Р- 980. Оп. 1. Д. 305. Л. 18.

²⁵ГАИО. Ф. Р-980. Оп. 1. Д. 276. Л. 3.

Е. Н. Закаменная, Т. Г. Философова

ИЗ ИСТОРИИ РОДА ФИЛОСОФОВЫХ

Род потомственных дворян Философовых дал немало замечательных людей, известных в нашей стране с давних времён. Согласно архивным документам предок их «Марк Философов к благоверному князю Владимиру Киевскому выехал из македонских пределов, муж честен, воинского чина и изученый (наученный) Богословским наукам».¹ Самые известные в XIX веке Философовы - братья Алексей (1800–1874) и Николай (1804–1854) Илларионовичи, прославленные русские генералы. Александр Александрович Философов (1819–1880) - губернатор Олонецкой губернии. Владимир Дмитриевич Философов (1820–1894) - первый Главный военный прокурор русской армии. Философов Дмитрий Владимирович (1872–1940) – один из организаторов журнала «Мир искусства», художественный критик, публицист.

В Плесе эта фамилия появилась в связи с тем, что наследница дома Частухиных Лариса Геннадьевна вышла замуж за потомственного дворянина Сергея Николаевича Философова. Костромская ветвь Философовых тоже принадлежит к этому древнему роду. Сергей Николаевич Философов – продолжатель старшейветви этого рода.² Философовы с давних времен имели земли в Кинешемском, Солигаличском и других уездах Костромской губернии, дома в Костроме.³ Они записаны в VI части «Родословной книги российского дворянства». Известно владение дяди Сергея Аркадия Васильевича Философова в Кинешемском уезде, усадьба Мысы на противоположном берегу Волги, он владел деревнями Платково и Починки.⁴ Двоюродный брат Василий Аркадьевич Философов основал в этих местах химическое предприятие.⁵

Дед Сергея Василий Львович Философов был участником Кинешемского ополчения 1812 года, пожертвовал на его организацию значительную сумму. Отец Николай Васильевич служил по статской части. Сергей Николаевич родился в 1840

году. После окончания гимназии он начал службу в Палате Гражданского суда канцелярским чиновником,⁶ «Указом Правительствующего Сенат по Департаменту Герольдии от 16 ноября 1859 года произведен...в коллежские регистраторы».⁷ Однако карьера чиновника его не привлекала, и с благословения родителей он был «уволен со службы для поступления в число учеников Императорской Академии Художеств 1861 года марта 8»⁸. Там он занимался по классу портретной живописи.

Начало 60-х годов было беспокойным в Петербурге. И молодой человек был замечен как участник студенческих выступлений. «Философов Сергей - ученик Академии Художеств. За участие в петербургских студенческих волнениях 1861 г. заключен 12 окт. т. г. в Петропавловскую крепость, из которой 17 окт. переведен в Кронштадт».⁹ Пришлось прибегнуть к помощи уважаемого в Петербурге родственника, генерала Алексея Илларионовича Философова.¹⁰ Отец Сергея в письме к нему просит похлопотать за сына, который «не мог сделать что-нибудь противное правительства...».¹¹

Молодой вольнодумец смог продолжить образование и имел очень неплохие успехи. Из аттестата Философова Сергея Николаевича: «По Указу его Императорского Величества, дан сей аттестат ... в том, что происходит он из дворян, ... вероисповедания православного, имеет ордена Св. Владимира и серебряную медаль за хорошие познания в живописи...».¹² В деле ученика академии Сергея Философова сохранилось заявление с просьбой разрешить покинуть стены учебного заведения «по семейным обстоятельствам»¹³. Семейными обстоятельствами были, очевидно, намерения жениться. В апреле 1864 году он покидает стены Академии, получив звание «свободный художник» поскольку на экзамене получает 2 серебряную медаль за рисунок с натуры и за живописные этюды¹⁴.

Есть упоминания о Сергее Николаевиче Философове и в «Сборнике материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств...». В частности, читаем: «По просьбам об удостоверении званий художника (под № 1196) ученика Сергея Философова по 2 серебряной медали, полученной за рисунок и, так как он при вступлении представил аттестат из

гимназии... Определено: удостоить... Философова звания свободный художник, предложив выставлять свои работы в годичное собрание».¹⁵

Здесь же среди учеников Академии, отмеченных вместе с Сергеем серебряными медалями, значатся Алексей Харламов, Митрофан Верещагин, а также Карл Альтман и, Павел Брюллов.¹⁶

Такой капитальный труд, как Юбилейный сборник «История Императорской Петербургской Академии художеств», изданный в 1914 году содержит так же сведения о Сергее Николаевиче: «Ученик Академии Художеств с 1861 г. В 1863 г. – 2 серебряная медаль. В 1864 г. удостоен звания свободного художника живописи портретной; в 1899 г. дано свидетельство на право преподавания рисования в средних учебных заведениях».¹⁷

Другой документ говорит о том, что молодой художник отправился в путешествие в волжские города для «художественных занятий» по направлению Академии художеств в апреле 1864 г.».¹⁸ «Художественные занятия» молодой художник проводил в основном в Костромской губернии. Предположительно в это время он и присмотрел себе невесту, купеческую дочь из семейства Частухиных. По воспоминаниям Лариса Геннадиевна была хорошо образована, знала языки, играла на фортепиано, писала стихи, рисовала, а выйдя замуж, грамотно вела хозяйство. У Философовых был дом в Костроме и земли, лично принадлежавшие Сергею Николаевичу, в частности усадьба в селе Селино близ Солигалича.¹⁹ В 1898 году в Солигаличе на общественные средства был построен храм Николая Чудотворца. Сергей Николаевич Философов преподнёс в дар храму 6 икон, написанных им на полотне. Солигаличский музей хранит документ об этом. К сожалению, этот храм разрушен, как и многие другие в нашей стране.²⁰ В 1920 году Н. П. Смирнов в очерке «Художник» отмечает такие детали в разрушающемся бывшем плесском доме Философовых: «старинные изразцы, потемневшие изодранные портреты на стенах».²¹ Это могли быть портреты, написанные С. Н. Философовым.

Брак Сергея Николаевича и Ларисы Геннадьевны был счастливым. Супруги прожили в согласии до кончины Сергея

Николаевича в 1913 году. Они вырастили семерых детей, четверых сыновей и трёх дочерей. Лариса Геннадиевна пережила супруга почти на четверть века и скончалась в 1936 году в Москве, где последние годы жила с младшей дочерью Марией.²² Все дети относились к матери до ее последних дней с большим почтением и считали мудрой женщиной.

Все дети Сергея Николаевича и Ларисы Геннадиевны получили хорошее образование, закончили классические гимназии, затем продолжили обучение в учебных заведениях в России и за границей. Старший сын Александр получил образование в Ново-Александрийском институте сельского хозяйства и лесоводства (недалеко от Варшавы), Средний сын Геннадий²³, названный в честь деда, окончил Московское Училище живописи, ваяния и зодчества, работал архитектором, увлекался изучением и реставрацией старинных архитектурных памятников. Два других сына Петр и Михаил стали видными учёными в области химии.

Семейные воспоминания подтверждают некоторые найденные свидетельства жизни сыновей Ларисы Геннадиевны и Сергея Николаевича. Так формулярные списки свидетельствуют о судьбе Геннадия²⁴ и Петра²⁵ Философовых в период до 1914 года.

Статья А. Калинина в «Вестнике Нижегородского университета», написанная на основе архивных исследований, рассказывает о жизни Петра Сергеевича Философова в сложный для страны период. Петр Сергеевич стал вторым ректором Нижегородского государственного университета в 1919 году. Автор статьи отмечает немалые достоинства этого человека, его организаторские способности, высокий профессионализм и порядочность. П. С. Философов окончил Санкт-Петербургский технологический институт, стажировался в странах Европы, работал на Ломоносовском фарфоровом заводе. Одновременно преподавал в Центральном училище технического рисования барона А. Штиглица²⁶ и в «Технологическом Институте. С 1912 по 1917 год был редактором «Технологической Энциклопедии», автором статей в энциклопедии Брокгауза и Эфрона, опубликовал ряд учебников, научных трудов в зарубежных и российских изданиях. Вместе с известнейшими специалистами того времени

он работал над планом ГОЭЛРО. Петра Сергеевича приглашали в качестве эксперта и консультанта при строительстве в особо сложных условиях мостов и гидросооружений. Потом он работал сначала в ВХУТЕМАСе, а затем в Высшем техническом училище им. Баумана, где заведовал лабораторией. Пётр Сергеевич похоронен на Немецком кладбище в Москве. Его супруга и трое детей погибли во время гражданской войны.²⁷ Петр Сергеевич «всегда оставался представителем уникальной российской интеллигенции конца XIX – начала XX века – высококвалифицированным ученым безупречной научной честности, широкой образованности»²⁸.

Геннадий Сергеевич родился в 1878 году. Как и другие дети Философовых, он учился в классической гимназии, затем в Московском училище, живописи, ваяния и зодчества. Отслужив два года на военной службе с 1 января 1907 года по 1 января 1909 года, он уходит в запас и работает по Гражданскому ведомству канцелярским служащим Губернского правления, затем назначается на должность инженера строительного отделения. В 1913 году Геннадий Сергеевич произведен в чин коллежского регистратора, а в 1914 году – губернского секретаря. Уже в начале службы в Костроме в Строительном отделе, в должности младшего инженера²⁹ Геннадий Сергеевич Философов стал членом Костромской губернской архивной комиссии.³⁰ Это общественная деятельность была связана с историей и охраной памятников истории и архитектуры. В семье хранится послужной список, из которого известно, что Геннадий Сергеевич был членом Союза архитекторов, членом Общества по охране памятников. До Великой Отечественной войны он сделал много фотографий и обмеров церквей Костромской, Ивановской, Ярославской областей, которые еще не были разрушены. Сделал большой альбом и накануне Отечественной войны, передал его в государственную комиссию, доказывая необходимость консервации и сохранения этих храмов как исторических памятников. Началась война, и судьба этого документа неизвестна. После войны он попытался провести эту работу заново, но возраст не позволил ее закончить³¹

Старшая дочь Сергея Николаевича и Ларисы Геннадиевны Татьяна была замужем за надворным советником Готовцевым, после революции жила в Костромской губернии, где учительствовала. С ней первоначально и жила Лариса Геннадиевна. Средняя дочь Елизавета была врачом.³²

Связи и знакомства этих людей с известнейшими людьми России – это уже другая не менее интересная тема, требующая особого внимания и изучения. Для нас как краеведов важно то, что одна из ветвей известного древнего рода Философовых имеет и плёссские корни. Лариса Геннадьевна (плесская материнская линия) вырастила поколение достойнейших граждан нашей страны.

¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 587. Л. 33.

² РГИА. Ф. 1343. оп. 31. д. 1065–1067.

³ Алфавитный список дворян, владеющих в Костромской губернии населёнными имениями. С. 185.

⁴ *Касаткина С. В.* Усадьбы Заволжья. Москва ООО «Издательство «ПЛАНЕТА». 2012 г. С. 10.

⁵ Там же.

⁶ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 15. Л. 4.

⁷ *Философова Т. Г.* Философовы в XVIII–XIX веках. В сб. Материалов третьих Философовских чтений – Псков: АНО «ЛЮГОС», 2008 – С. 13–20.

⁸ Там же.

⁹ Деятели революционного движения в России: биобиблиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма: [В 5 т.]. – М.: Изд-во Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев. 1927–1934.

¹⁰ *Философова Т. Г.* Философовы в XVIII–XIX веках. В сб. Материалов третьих Философовских чтений – Псков: АНО «ЛЮГОС», 2008 – С. 13–20.

¹¹ РГИА. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 833. Л. 1-2.

¹² Там же.

¹³ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 15. Л. 2.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии Художеств за сто лет ея существования изданной под редакцией П. Петрова с его примечаниями – СПб.: В типографии

Коммиссионера Императорской Академии Художеств Гогенфельдена и Ко – 1865. С. 445.

¹⁶ Там же. С. 440.

¹⁷ *Кондаков С. Н.* Юбилейный справочник Императорской Академии художеств 1764–1914. Ч. II. Изд. 1914.

¹⁸ *Философова Т. Г.* Философы в XVIII–XIX веках. - В сб. Материалов третьих Философовских чтений – Псков: АНО «ЛОГОС», 2008 – С. 13–20.

¹⁹ Сведения получены от зав. Солигаличским краеведческим музеем им. Невельского Солдатковской Т. В.

²⁰ Сведения получены от зав. Солигаличским краеведческим музеем им. Невельского Солдатковской Т. В.

²¹ *Смирнов Ник.* Художник (Очерк) // Рабочий край. 1921 № 116. 29 марта.

²² Данные семейного Архива.

²³ *Философова Т. Г.* За скупыми строками формулярных списков – В сб. статей вторых Философовских чтений – Псков: Изд-во ИП Брянцев, 2006 – С. 43–50.

²⁴ РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 869 Л. 25–28.

²⁵ РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 869. Л. 65–68.

²⁶ РГИА. Ф. 790. оп. 1. Д. 273.

²⁷ *Философова Т. Г.* Несколько слов о Философовых – Сб. статей первых Философовских чтений – Псков: Изд-во Областного центра народного творчества, 2005 – С. 26–41.

²⁸ *Калинин А.* Петр Сергеевич Философов – Нижегородский университет. Газета ННГУ им. Н.И. Лобачевского № 2 (2017), февраль 2004. С. 21.

²⁹ Памятная книжка Костромской губернии 1910 г. С. 26.

³⁰ Там же. С. 59.

³¹ *Философова Т. Г.* За скупыми строками формулярных списков – В сб. статей Вторых Философовских чтений – Псков: Изд-во И. П. Брянцев, 2006 – С. 43–50.

³² *Философова Т. Г.* Философы в XVIII–XIX веках. - В сб. Материалы третьих Философовских чтений – Псков: АНО «ЛОГОС», 2008 – С. 13–20.

Л. Ю. Минеева

ГРИБЫ ИЗ КРАСНОЙ КНИГИ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДА ПЛЕС И В ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХ

Город Плес является жемчужиной Ивановской области в силу целого комплекса природных, исторических, социальных причин. Плесский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник достаточно плодотворно ведет работу по исследованию местной флоры и фауны. Наименее изученной остается микобиота города Плес и его окрестностей.

В рамках исследования разнообразия грибов в Ивановской области нами в разные годы изучались отдельные группы микобиоты (шляпочные макромицеты, дереворазрушающие трутовые грибы, разнообразные паразиты растений) на территории Приволжского района в целом, и в Плесе в частности. Однако эти исследования не были регулярными. Наиболее целенаправленный и стабильный характер выявления видового разнообразия грибов на территории города Плес и его окрестностей приобрело в ходе участия в программе ведения Красной книги Ивановской области, которая успешно реализуется в последние годы в регионе.

В результате сбора и анализа информации о распространении редких видов грибов на территории города Плес и в его окрестностях, обобщения материалов имеющихся научных публикаций был составлен список видов грибов, включенных в Красную книгу Ивановской области. Ниже приводится данный систематический перечень редких видов грибов, известных на территории Плесского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

ГРИБЫ – *MYCOTA (FUNGI)*

БАЗИДИАЛЬНЫЕ ГРИБЫ – *BASIDIOMYCETES*

ПОРЯДОК ВЕСЕЛКОВЫЕ – *PHALLALES*

© Минеева Л. Ю., 2016

Семейство Веселковые – *Phallaceae*

1. Веселка обыкновенная – *Phallus impudicus* L.Ex Pers.

2. Мутинус собачий – *Mutinus caninus* Hunds.: Pers.

ПОРЯДОК РУССУЛОВЫЕ (СЫРОЕЖКОВЫЕ) –
RUSSULALES

Семейство Герициевые – *Hericiaceae*

3. Ежовик коралловидный – *Hericium coralloides* (Fr.) Pers.

Приведем некоторые значимые данные и характеристики грибов из Красной книги Ивановской области на территории города Плес и в его окрестностях.

1. Веселка обыкновенная – *Phallus impudicus* L.

Статус. Категория редкости – 3.

В Ивановской области вид также был выявлен в Гаврилово-Посадском, Ивановском, Ильинском, Кинешемском, Лежневском, Палехском, Савинском, Тейковском, Фурмановском и Южском районах.

Численность веселки обыкновенной невелика и подвержена годичным колебаниям.

Фото 1. Веселка обыкновенная – *Phallus impudicus* L.
Зрелые плодовые тела

2. Мутинус собачий – *Mutinus caninus* (Hunds:Pers.) Fr.
Статус. Категория редкости – 4.

В Ивановской области был отмечен также в Вичугском, Гаврилово-Посадском, Ивановском, Ильинском, Кинешемском, Лежневском, Лухском, Палехском, Родниковском, Савинском, Тейковском, Фурмановском и Южском районах.

Необходимо в дальнейшем наблюдать за динамикой развития популяций данного вида в связи с возможностью возобновления грибов в следующие годы.

Фото 2. Мутинус собачий – *Mutinus caninus* (Hunds.) Fr.

3. Ежовик коралловидный – *Hericium coralloides* (Fr.) Pers.
Статус. Категория редкости – 3.

В Ивановской области вид известен также из Ивановского, Вичугского, Кинешемского, Лежневского, Пестяковского, Савинского, Тейковского, Фурмановского, Шуйского и Южского районов.

Необходимо отметить, что ранее известные экземпляры ежовика коралловидного в отдельных местонахождениях оказы-

ваются утраченными в связи с тем, что мертвое дерево, на котором они обитали, полностью сгнило.

Фото 3. Ежовик коралловидный – *Hericium coralloides* (Fr.) Pers.

Обнаруженные виды грибов из Красной книги Ивановской области на территории города Плес и в его окрестностях требуют дальнейшего изучения, описания динамики их численности. Кроме того, велика вероятность выявления новых редких видов микобиоты.

Список литературы

1. Красная книга Ивановской области. Т. 2: Растения и грибы / под ред. В.А. Исаева. Иваново: ИПК «ПресСто», 2010. 192 с.
2. Красная книга Российской Федерации (растения и грибы) / Министерство природных ресурсов и экологии РФ; Федеральная служба по надзору в сфере природопользования; РАН; Российское ботаническое общество; МГУ

им. М. В. Ломоносова; Гл. редкол.: Ю. П. Трутнев и др.; Сост. Р. В. Камелин и др. – М., 2008. 855 с.

3. *Минеева Л. Ю.* Редкие грибы в Красной книге Ивановской области. Вестник Ивановского университета. Выпуск 2, 2009. С. 7–10

4. *Минеева Л. Ю., Силаева Т. Б.* О редких видах грибов Ивановской области / Экологические чтения. Иваново, 1991. С. 17–20.

5. Редкие животные и грибы: материалы по ведению Красной книги Ивановской области / под ред. В. А. Исаева. Иваново: ПресСто, 2012. 132 с.

6. Редкие растения и грибы: материалы по ведению Красной книги Ивановской области / Е. А. Борисова, М. П. Шилов, М. А. Голубева, А. И. Сорокин, Л. Ю. Минеева; под ред. Е. А. Борисовой. Иваново: ПресСто, 2013. 124 с.

7. *Шилов М. П., Минеева Л. Ю., Шилова Т. Н.* Растения Красной книги в Ивановской области // Экология человека и природы: Мат. II Всероссийской научн. конф. Иваново, 2000. С. 58–61.

А. И. Сорокин

НАХОДКИ РЕДКИХ И ОХРАНЯЕМЫХ В ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ ВИДОВ ЗЕЛЕННЫХ МХОВ НА ТЕРРИТОРИИ ПЛЕССКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА И ЕГО ЗОН ОХРАНЫ

Территория Плесского музея-заповедника его зоны охраны богаты редкими видами растений и животных, не является исключением и такая малоизученная группа растений, как зеленые мхи, или *Bryophyta*. Здесь обнаружено 130 вида из 196 видов зеленых мхов, известных в настоящее время для флоры Ивановской области, в том числе 27 видов сегодня приведены только для этой территории. Из 17 видов зеленых мхов, включенных в областную Красную книгу, здесь произрастает 12 видов, из них 4 вида обнаружены только здесь. Ниже приводятся

© Сорокин А. И., 2016

обнаруженные здесь охраняемые виды (выделено жирным шрифтом), а также виды, достоверно известные в Ивановской области только с этой территории. В скобках приводятся отсылки к литературе и (или) акронимам гербариев, где хранятся соответствующие материалы (МНА – Гербарий Главного ботанического сада им. Н. В. Цицина; PLES- Гербарий Плесского музея-заповедника).

Семейство *Ablystegiaceae* – Амблистегиевые.

Campylidium sommerfeltii (Mур.) Ochyra – Кампилидиум Соммерфельта. Вид обнаружен лишь однажды на мелкозем на камне на перекате в ручье Гремячка в окрестностях Плеса (МНА, PLES).

Hygroamblystegium varium (Hedw.) Moenk. – Гигроамблистегиум разнообразный. Вид встречается на влажной почве, на мелкозем на сырых камнях в долине р. Шохонки и в оврагах в окрестностях Плеса (МНА, PLES).

Palustriella decipiens (De Not.) Ochyra – Палюстриелла обманчивая. Очень редкий вид, известный в области только из ельников ниже г. Плеса, где произрастает по берегам ручьев и сырым местам (Сорокин, 2014). В Европейской России известно всего несколько местонахождений. В целом в России отмечается сокращение численности этого вида (Игнатов, Игнатова, 2004).

Tomentypnum nitens (Hedw.) Loeske – Томентипнум блестящий. В области известен только из Приволжского (Поверстное болото) и Фурмановского (Уткинское болото) районов (Мещеряков, 1929; МНА, PLES). Редкий вид минеротрофных болот Редок не только в области, но и на большей части Европейской России (Игнатов, Игнатова, 2004). Вероятный реликт эпохи оледенения, поскольку нередок в тундрах.

Семейство *Anomodontaceae* – Аномодоновые.

Anomodon longifolius (Brid.) Hartm. – Аномодон длиннолистный. В области известен только из долины Волги, в Приволжском и Вичугском районах. Предпочитает старовозрастные деревья широколиственных пород. Был обнаружен на вязах, клене, осине. Встречается редко, но при этом образует мощные куртины на коре. Поднимается на высоту до 1,8 м над

землей. Чаще в основании ствола. Очень декоративен (Сорокин, 2014).

Семейство *Brachytheciaceae* – Брахиитециевые.

***Sciuro-hypnum populeum* (Hedw.) Ignatov et Huttunen – Сциуро-гипнум тополевый.** Довольно редкий в средней части европейской России вид. Обнаружен в области только в Плесе. Растет на валунах, довольно часто на подпорных стенках и булыжных спусках (Коротков, 1994; Сорокин, 2014).

Семейство *Bryaceae* – Бриевые.

***Bryum capillare* Hedw.** – Бриум волосконосный. Широко распространенный вид, обнаружен в Плесе дважды (PLES).

***B. elegans* Nees ex Brid.** – Б. изящный (Сорокин, 2014). Также широко распространенный вид, то, что в области он, как и предыдущий вид обнаружены пока только в окрестностях Плеса может объясняться слабой изученностью региональной бриофлоры.

***B. pallescens* Schleich. ex Schwaegr.** – Б. бледноватый. Редкий не только для Ивановской области, но и для Европейской России вид известный еще из Пермской и Архангельской областей (Игнатов, Игнатова, 2003). Был обнаружен только однажды в городе Плесе на ул. Ленина, на шиферной крыше старого деревянного дома на южном скате, в тени берез. Вид, вероятно, является заносом, о чем свидетельствует необычное местообитание, в котором он был обнаружен. В настоящее время этот дом снесен (Сорокин, 2014).

Семейство *Vuxbaumiaceae* – Буксбаумиевые.

***Vuxbaumia aphilla* Hedw.** – Буксбаумия безлистная. Известен в области только в окрестностях Плеса. Один из самых древних видов зеленых мхов. Растет на почве. Предпочитает приствольные круги березы, реже сосны на пересеченных участках рельефа в условиях высокой освещенности (Сорокин, 2013, 2014).

Семейство *Calliergonaceae* – Каллиергоновые.

***Calliergon megalophyllum* Mikut.** – Каллиергон крупнолистный. Редкий не только в Ивановской области, но и в Европейской России вид. Встречается исключительно в водоемах с

устоявшимися климаксными ценозами. В окрестностях Плеса известен из одного водоема в районе д. Выголово (Сорокин, 2015).

Семейство *Dicranaceae* – Дикрановые.

Dicranella heteromalla (Hedw.) Schimp. – Дикранелла разнонаправленная. Вид был встречен дважды на склонах в ельниках в западной части Плеса (МНА, PLES).

Семейство *Entodontaceae* – Энтодоновые.

Platygyrium repens (Brid.) V.S.G. – Платигириум ползучий. Эпифит широколиственных лесов, севернее встречается sporadически (Игнатов, Игнатова, 2004). Обнаружен один раз на коре березы с верхней стороны наклоненного ствола в смешанном лесу на кромке коренного берега долины р. Шохонки (МНА, PLES)

Семейство *Fissidentaceae* – Фиссидентовые.

Fissidens adianthoides Hedw. – **Фиссиденс адиантовидный**. Облигатный кальцефил. В связи с редкостью подходящих местообитаний встречается в области достаточно редко. Известен из Приволжского и Фурмановского районов. В Приволжском районе обнаружен на Поверстном болоте, в ключистом ельнике по склону коренного берега Волги ниже г. Плеса и на небольшом минеротрофном болотце в долине р. Аргишны (Коротков, 1994; Сорокин, 2014). В Фурмановском районе вид также был обнаружен на минеротрофном болоте – болото Исаевское (PLES).

F. exiguus Sull – Ф. ничтожный. Обнаружен в двух местонахождениях: в «Сухом овраге», находящемся восточнее города Плеса, на супесчаной почве в ельнике по склону оврага (Сорокин, 2015) и на территории коллективных садов в южной части города на суглинистой дорожке (PLES). Вид редкий, в Европейской России известен по единичным находкам в лесных областях (Игнатов, Игнатова, 2003).

F. exilis Hedw. – Ф. тонкий. Вид обнаружен только один раз по откосу ручья в вязовнике хвощевом в Вичугском районе (Сорокин, 2015). Это вид широколиственных и хвойно-широколиственных лесов (Игнатов, Игнатова, 2003).

F. taxifolius Hedw. – Ф тиссолистный. Встречается в Плесе и окрестностях достаточно часто по оврагам, в долине р. Шохонки, по склонам коренного берега, местами, под пологом вы-

сокотравья образует на почве сплошной покров. (Коротков, 1993, МНА, PLES).

Семейство *Funariaceae* – Фунариевые.

Physcomitrium pyriforme (Hedw.) Hampe – Фискомитриум грушевидный. Вид обнаружен на территории Плеса дважды – на глинистом обнажении в долине р. Шохонки и на почве в цветнике на ул. Ярославской (МНА, PLES).

Семейство *Grimmiaceae* – Гриммиевые.

Schistidium apocarpum (Hedw.) B.S.G. – Схистидиум скрытоплодный. Впервые обнаружен в Плесе на гранитных валунах в подпорной стенке (Коротков, 1994). Облигатный эпилит. Исторически редкий для Средней России вид, более характерный для предгорий и мест выхода горных пород. Вероятно, занесен на территорию области в период оледенения вместе с обломками горных пород. Очень редко обнаруживается на валунах, преимущественно кислых пород (Игнатов, Игнатова, 2003) В настоящее время вид широко распространяется в антропогенных местообитаниях: на асфальтированных и бетонных поверхностях (МНА, PLES).

S. dupretii (Ther.) W. A. Weber – С. Дюпре. Вид является облигатным эпилитом и в горных районах Европы и Северной Америки нередок. Но для Европейской России это редкий вид, кроме указанного местонахождения известный еще только из Пермской и Тверской областей (Игнатов, Игнатова, 2003). Обнаружен был лишь однажды на бетонных конструкциях канала Волга-Уводь. Вероятно, имеет заносное происхождение (Сорокин, 2015).

S. submuticum Broth. ex Blom – С. почтитупоконечный. Вид в природе приурочен к карбонатным породам. В Плесе и окрестностях обнаружен на разнообразных бетонных поверхностях, т.е. исключительно в антропогенных местообитаниях. Очевидно вид в области также является адвентивным (Сорокин, 2014).

Семейство *Hypnaceae* – Гипновые.

Hypnum cupressiforme Hedw. – Гипнум кипарисовидный. Для большинства областей средней части Европейской России это сравнительно редкий вид (Игнатов, Игнатова, 2004). В окрестностях Плеса вид найден в одном местонахождении – по

берегу р. Волга в районе Кедровой рощи, где образует плотные куртины на обнаженном грунте (Сорокин, 2014).

Семейство *Leskeaceae* – Лескеевые.

Leskea polycarpa Hedw. – Лескея многоплодная. Вид широко распространен в европейской России, к северу встречается реже, главным образом по долинам рек (Игнатов, Игнатова 2004) В Плесе и окрестностях встречен трижды – на коре осины и тополя, на омоховевшей шиферной крыше (МНА, PLES).

Семейство *Mniaceae* – Мниевые.

Mnium lycopodioides Schwaegr. – Мниум плауновидный. Это редкий для Европейской России вид, спорадически встречающийся на Урале и известный по единичным находкам в северных областях таежной зоны (Игнатов, Игнатова, 2003). В Плесе был обнаружен на почве на крутом тенистом склоне коренного берега Волги в районе Преображенской церкви (Сорокин, 2015).

Семейство *Neckeraceae* – Некеровые.

***Homalia trichomanoides* (Hedw.) B.S.G. – Гомалия трихомановидная.** Редкий в области вид, кроме окрестностей Плеса известен из Тейковского (Коротков, 1994) Фурмановского районов (PLES). В окрестностях Плеса обнаружен в лиственных лесах по склону коренного берега Волги и в лесах на плакоре, примыкающих к кромке берега (PLES). Обитает на коре старовозрастных лиственных деревьев.

***Neckera pennata* Hedw. – Неккера перистая.** Редкий в области вид, кроме окрестностей Плеса известен из двух местонахождений в Фурмановском районе (PLES). В окрестностях Плеса обнаружен в лиственных лесах по склону коренного берега Волги и в нескольких местообитаниях в старовозрастных малонарушенных лесах (Коротков, 1993, PLES). Обитает на коре старовозрастных осин, очень редко на других лиственных деревьях.

Семейство *Plagiotheciaceae* – Плагиотециевые.

Plagiothecium curvifolium Schlieph. ex Limpr. – Плагиотециум криволистный. Обнаруживается сравнительно редко, чаще в основании стволов берез, растущих на склонах (Сорокин, 2014). Этот вид более характерен для западных областей лес-

ной зоны Европейской России (Игнатов, Игнатова, 2004), вероятно в Ивановской он находится возле границы ареала.

Семейство *Polytrichaceae* – Политриховые.

Atrichum flavisetum Mitt. – Атрихум желтоножковый. Редкий в средней части Европейской России вид, известный по единичным находкам (Игнатов, Игнатова, 2003), в окрестностях Плеса дважды обнаружен в глубоких оврагах в небольшом количестве (Сорокин, 2015).

Pogonatum urnigerum (Hedw.) P. Beauv. – Погонатум урно-видный. Вид встречен на залесенных крутых обрывистых склонах оврагов и коренного берега Волги как в Плесе, так и в окрестностях, преимущественно на обнаженном грунте (МНА, PLES).

Polytrichum piliferum Hedw. – Политрихум волосоносный. Вид обнаружен в тех же местообитаниях, что и предыдущий вид, но также и на плакоре по опушкам и рединам (МНА, PLES).

Семейство *Pottiaceae* – Поттиевые.

Didymodon fallax (Hedw.) Zander – Дидимодон обманчивый. Характерный для почвенных обнажений вид, в окрестностях Плеса в массе встречается в некоторых антропогенных ценозах (Сорокин, 2014).

Семейство *Pseudoleskeellaceae* – Псевдолескееловые.

Pseudoleskeella rupestris (Berggr.) Hedenaes et Soederstroem – Псевдолескеела скальная. В соответствии с видовым названием приурочена к скальным выходам, в средней части Европейской России известна только из Пермской области (Игнатов, Игнатова, 2003). В Плесе обнаружена на сырой бетонной плите на ул. Варваринской (Урицкого). Вероятно, это занос, повторить находку при неоднократном целенаправленном поиске в последующие годы не удалось (Сорокин, 2014).

Семейство *Pylaisiaceae* – Пилезиевые.

Pylaisia selwynii Kindb. – Пилезия Селвина. Вид известен только из лесной зоны Европейской России. Растет практически только на коре осины (Игнатов, Игнатова, 2004). Редко встречается в смешанных лесах в окрестностях Плеса (Коротков, 1993; МНА, PLES).

Семейство *Scorpidiaceae* – Скорпидиевые.

***Limprichtia cossonii* (Schimp.) Anderson – Лимприхтия Коссона.** В центральных областях европейской части России вид встречается очень редко, причем в большинстве известных местонахождений в настоящее время уже исчез в результате осушения болот (Игнатов, Игнатова, 2004). В области вид известен всего из трех местонахождений: в Лежневском, Приволжском (Поверстное болото) и Фурмановском (Уткинское болото) районах. В последних двух вид произрастает на минеротрофных болотах. В Лежневском районе вид обнаружен на сплаvine вокруг озера (Мещеряков, 1929, Сорокин, 2014; МНА, PLES).

Семейство *Thuidiaceae* – Туидиевые.

***Helodium blandowii* (Web. et Mohr.) Warnst. – Гелодиум Бландова.** В области известен только из Приволжского (Поверстное болото) и Фурмановского (Уткинское болото) районов (Мещеряков, 1929; МНА, PLES). Указание на находку в Тейковском районе (Коротков, 1993) представляется очень сомнительным ввиду совершенно нетипичного местообитания («Дубовая роща. На дубе») Это редкий вид, чаще всего приуроченный к минеротрофным болотам. Вид редок не только в области, но и на большей части Европейской России (Игнатов, Игнатова, 2004). Вероятный реликт эпохи оледенения, поскольку нередок в тундрах.

Список литературы

1. *Игнатов М. С., Игнатова Е. А.* Флора мхов средней части европейской России. Том 1. Москва: Товарищество научных изданий КМК. 2003 г.
2. *Игнатов М. С., Игнатова Е. А.* Флора мхов средней части европейской России. Том 2. Москва: Товарищество научных изданий КМК. 2004 г.
3. *Коротков Ю. В.* Материалы к флоре зеленых мхов Ивановской области // Плесский сборник. Вып. 1. Плес. 1993, с. 266–268.
4. *Коротков Ю. В.* О находках новых для Ивановской области видов листостебельных мхов // Материалы научной конференции V Плесские чтения. Плес. 1994, с. 41–43.
5. *Мещеряков Д. П.* Геологический очерк болота Уткинской болотной опытной станции // Известия Иваново-Вознесенского

Политехнического института, т. XIV, Иваново-Вознесенск, типогр. "Красный Октябрь". 1929. С. 135–150, Приложения.

6. *Сорокин А. И.* Редкий вид мха - *Vuxbaumia arphilla* в г. Плесе и его окрестностях // Краеведческие записки. Вып. XIV. Иваново. 2013. С. 196–200.

7. *Сорокин А. И.* Новые и редкие виды мхов в Ивановской области // Бюллетень московского общества испытателей природы. Отд. биологический. Т. 119. Вып. 1. Москва. 2014, с. 82–84.

Сорокин А.И. Дополнения к флоре мхов Ивановской области // Бюллетень московского общества испытателей природы. Отд. биологический. Т. 120. Вып. 3. Москва. 2015, с.72–74.

М. А. Голубева, А. И. Сорокин

ДОПОЛНЕНИЯ К ФЛОРИСТИЧЕСКИМ НАХОДКАМ НА ТЕРРИТОРИИ ПЛЕССКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА И ЕГО ЗОН ОХРАНЫ

На XIII Плесских чтениях мы сообщали известные на 2012 год данные о распространении редких видов растений, включенных в Красную книгу Ивановской области (2010), на территории Плесского музея-заповедника и его зон охраны. Это касалось 22 видов растений, относящихся к отделам Папоротникообразные, Плаунообразные, Голосеменные и классу Однодольные отдела Покрытосеменные. В настоящем сообщении мы дополняем ранее изложенную информацию сведениями о новых местонахождениях и находках новых видов (в тексте цифры в квадратных скобках соответствуют номерам местонахождений на схеме – см. Рис.1), сделанных в 2013–2015 годах, отмечаем вопросы численности и состояния популяций. Указываем общее количество известных местонахождений и частоту встречаемости вида на территории Плесского музея-заповедника и его зон охраны (22395 га). Образцы, подтверждающие находки, хранятся в Гербарии Плесского музея-заповедника (PLES). Приняты следующие сокращения в названии районов: Вич. – Вичугский, Зав. – Заволжский, Прив. – Приволжский.

© Голубева М. А., Сорокин А. И., 2016

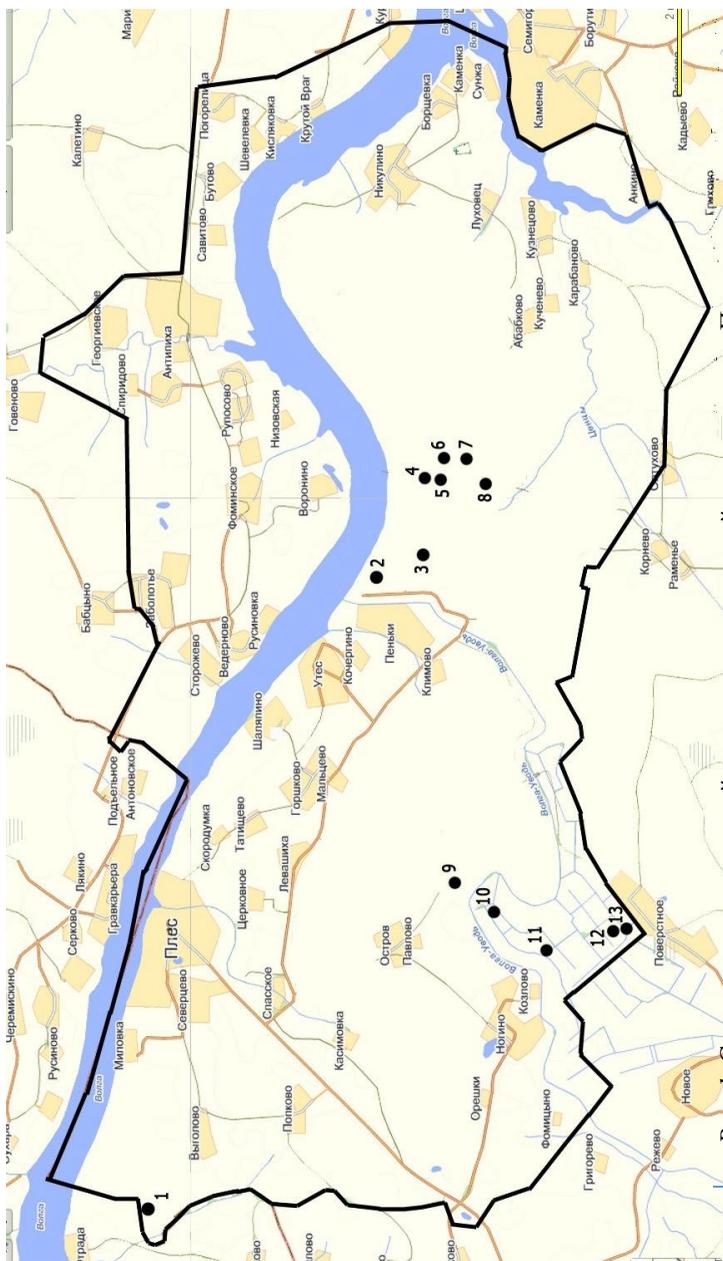

Рис. 1. Схема местонахождений редких видов растений на территории Плесского музей-заповедника и его зон охраны

Гроздовник многораздельный – *Botrichium multifidum* (S. G. Gmel.) Rupr., семейство Ужовниковые (*Ophioglossaceae*), категория редкости – 3. Вид обнаружен в 2015 году в Приволжском р-не: 57°24'24" с.ш., 41°40'2" в.д. [5], в 3,2 км юго-восточнее д. Пеньки, среди мелколесья из ив (пепельной, чернеющей, пятитычинковой), ольхи серой и молодых ели и сосны, по обочине дороги (ранее из бетонных блоков, сейчас грунтовой), на легкой суглинистой почве (25.08.2015, А. Сорокин, М. Голубева, Д. Иванов – PLES). Встречена 1 спороносящая особь. Первая находка вида на территории музея-заповедника и в Приволжском районе.

Всего известно 1 местонахождение (Прив.), вид встречается очень редко.

Баранец обыкновенный – *Huperzia selago* (L.) Bernh. ex Schrank. et Mart., семейство Плауновые (*Lycopodiaceae*), категория редкости – 3. Обнаружено 3 новых местонахождения вида в Приволжском районе: 1) 57°24'20" с.ш., 41°32'10" в.д. [9], в 3,5 км севернее пос. Поверстное, в елово-березовом лесу с единичной сосной и елью во 2-ом ярусе щитовниково-разнотравно-зеленомоховом, одна рыхлая группа 2x2 м (20.09.2014, Д. Голубев, М. Голубева – PLES); 2) 57°23'9" с. ш., 41°30'49" в.д. [10] и 57°22'56" с. ш., 41°30'18" в. д. [11], в 1,6 км севернее и северо-западнее пос. Поверстное, на Поверстном болоте, на широкой суховатой перемычке между карьерами, в березниках тростниково-грушанковом и в почти мертвопокровном (проективное покрытие травостоя 6%) с крушиной и редкими сеянцами ели и сосны (9.09.2014, М. Голубева, А. Сорокин, Д. Иванов – PLES), здесь баранец растет очень плотными ровными группами, до 40 см в диаметре, большинство побегов спороносит; 3) 57°24'20" с.ш., 41°40'32" в.д. [6]; 57°24'10" с.ш., 41°40'37" в.д. [7], в 3,8 км юго-восточнее д. Пеньки, на северо-западной и юго-западной окраине верхового болота, в ельнике с подлеском из рябины, крушины, жимолости лесной, с сильно разреженным травяным покровом (общее проективное покрытие – 30 %), 1 плотная группа, 60x50 см (25.08.2015, М. Голубева, А. Сорокин, Д. Иванов – PLES) и в еловом лесу с единичным участием сосны и бе-

резы, плотная группа, 1x0,6 м (наблюдение, фото, 25.08.2015). Наиболее крупные популяции вида отмечены на разработанных участках минеротрофного болота Поверстное и в лесах по периферии верхового болота в окрестностях д. Пеньки.

Всего известно 6 местонахождений (Прив.), вид встречается редко.

Пушица стройная – *Eriophorum gracile* Koch, семейство Осоковые (*Cyperaceae*), категория редкости – 3. Обнаружено новое местонахождение вида в Приволжском районе: 57°24'42" с.ш., 41°38'30" в.д. [2], в 1,7 км восточнее д. Пеньки, на открытом осоково (*Carex rostrata*) -сфагновом участке небольшого болота площадью около 3 га (20.08.2015, М. Голубева, А. Сорокин – PLES). Пушица встречается в небольшом количестве, мелкими рыхлыми группами и одиночными экземплярами. Это болото посещалось нами и ранее, в конце 90-х годов прошлого века, тогда вид не был обнаружен. За прошедшее время болото существенно изменилось – значительная водная гладь, существовавшая в его северо-западной части, сейчас полностью заросла, появились обширные участки с доминированием в моховом покрове сфагновых мхов, ранее господствовали зеленые мхи.

Всего известно 5 местонахождений (Прив.), вид встречается редко.

Пушица широколистная – *Eriophorum latifolium* Норре, семейство Осоковые (*Cyperaceae*), категория редкости – 3. Подтверждено произрастание вида в Приволжском р-не на Поверстном болоте в окрестностях пос. Поверстное. Впервые пушица широколистная на болоте была обнаружена в 1993 году в 0,2-0,4 км западнее поселка на разработанном участке, на открытом торфе (PLES; Голубева, Сорокин, 2014). Всего отмечалось несколько экземпляров вида. В 2014-2015 гг. вид обнаружен на этом же участке, 57°22'14" с.ш., 41°30'46" в.д. [13], в восстанавливаемых болотных ценозах со сформировавшимся травяно-моховым покровом. Вид отмечен в краевой зоне болота, на слабо залесенных разнотравно-тростниково-зеленомоховых полянах, где он встречается очень редко, одиночными экземплярами

(9.09.2014, М. Голубева, А. Сорокин, Д. Иванов – PLES). Вглубь болота, 57°22'19" с.ш., 41°30'52" в.д. [12], среди молодого разреженного осоково-тростниково-зеленомохового березняка, местами с единичным участием сосны, вид встречается нередко, как правило небольшими группами, реже одиночными экземплярами, произрастает на суховатых и обводненных участках, преобладают плодоносящие экземпляры (18.06.2015, М. Голубева, А. Сорокин – PLES). Вместе с *Eriophorum latifolium* отмечены другие редкие охраняемые виды *Gymnadenia conopsea*, *Epipactis palustris*, *Fissidens adianthoides*.

Всего известно 2 местонахождения (Зав., Прив.) и 1 утрачено (Прив.), вид встречается редко.

Бровник одноклубневый – *Herminium monorchis* (L.) R. Вг., семейство Орхидные (Orchidaceae), категория редкости – 2. В одном из ранее известных местонахождений вида – на Поверстном болоте в Приволжском р-не – мы побывали в сентябре 2014 и июне 2015 гг. Вид не обнаружен. Год последней находки бровника на Поверстном болоте – 1993 (PLES, Голубева, Сорокин, 2014).

Гнездовка настоящая – *Neottia nidus-avis* (L.) Rich., семейство Орхидные (Orchidaceae), категория редкости – 3. Обнаружено 3 новых местонахождения вида в Приволжском районе: 1) 57°24'6" с.ш., 41°39'53" в.д. [8], в 3,3 км юго-восточнее д. Пеньки, в осиннике с единичным участием вяза голого (*Ulmus glabra*) и елью во 2-ом ярусе, с большим количеством мертвopoкровных участков из сухих листьев осины, проективное покрытие травостоя всего 20%, встречен 1 плодоносящий экземпляр (25.08.2015, М. Голубева, А. Сорокин, Д. Иванов – PLES); 2) 57°25'12" с.ш., 41°38'9" в.д. [2], в 1 км северо-восточнее д. Пеньки, в лиственном лесу (осина, ольха серая, вяз голый) с участием ели и орешником в подлеске, на плакоре, в 200 м от кромки коренного берега Волги, возле тропы, рядом с *Corydalis intermedia*, 1 экземпляр (21.04.2014, М. Голубева, А. Сорокин – PLES); 3) 57°27'45" с.ш., 41°24'52" в.д. [1], в 1,9 км северо-западнее д. Выголово, в 40 м от границы с Костромской областью, в ельнике с участием березы и осины, с подлеском из лещины, по бровке

глубокого сухого оврага с широким днищем, 1 экземпляр (06.10.2015, М. Голубева, А. Сорокин, Д. Иванов – PLES).

Всего известно 6 местонахождений (Прив.), одно из них отмечено в 1920 г., вид встречается одиночными, нередко единичными экземплярами, редко-очень редко.

Дремлик болотный – *Epipactis palustris* (Mill.) Crantz, семейство Орхидные (*Orchidaceae*), категория редкости – 3. Подтверждено произрастание вида в Приволжском районе, 57°22'14" с.ш., 41°30'47" в.д. [12, 13], близ западной окраины пос. Поверстное, на краевых ключевых участках Поверстного болота, где вид впервые обнаружен в 1993 году (PLES; Голубева, Сорокин, 2014). Найдены также новые ценопопуляции вида на территории Поверстного болота – в центральной части болотного комплекса, 57°23'2" с.ш., 41°30'36" в.д. [10] и со стороны водоканала, 57°23'13" с.ш., 41°30'56" в.д. [10], в молодых разреженных сырых березняках разнотравно-тростниково-зеленомоховых и в суховатых березняках тростниково-грушанковых по широкой перемычке между карьерами (9.09.2014, М. Голубева, А. Сорокин, Д. Иванов; 18.06 и 25.06.2015 – PLES). Вид встречается рассеянно, небольшими группами и одиночными экземплярами. Генеративные побеги составляют не более 30%, на сильно осушенных участках отмечены только вегетативные побеги вида.

Всего известно 2 местонахождения (Зав., Прив.), вид встречается редко.

Кокушник длиннорогий – *Gymnadenia conopsea* (L.) R. Br., семейство Орхидные (*Orchidaceae*), категория редкости – 3, в 2015 году изменена на – 2. Обнаружено новое местонахождение вида в Приволжском районе, на минеротрофном болоте Поверстное. На болоте вид найден на двух участках: 57°22'14" с.ш.; 41°30'47" в.д. [13], в 0,3 км западнее поселка, в краевой зоне болота, на небольших полянах, изредка поросших сеянцами березы (от 0,3 до 3,5 м) и молодыми кустами ивы чернеющей, реже пепельной, в разнотравно-тростниково-зеленомоховых ассоциациях. В травяном покрове доминирует тростник, разнотравье представлено осокой желтой, грушанкой

круглолистной, лапчаткой прямостоячей, подмаренником топяным и др. Значительно участие орхидных, наряду с кокушником, это дремлик болотный (изредка, местами), пальчатокоренники мясо-красный, балтийский и кровавый (последние 2 вида встречаются очень редко, одиночными экземплярами), отмечен также гибрид *Dactylorhiza incarnata* x *Dactylorhiza fuchsii*. В моховом покрове развиты зеленые мхи – аулакомниум болотный, каллиергонеллы Линдберга и заостренная, из охраняемых видов – фиссиденс адиантовидный и гелодиум Бландова (9.09.2014, М. Голубева, А. Сорокин, Д. Иванов; 18.06.2015, М. Голубева, А. Сорокин – PLES). Вид обнаружен также на более залесенных участках прилегающей торфяной карты, 57°22'19" с.ш., 41°30'47" в.д. [12], в 0,3-0,4 км к северо-западу от поселка, среди молодого разреженного березняка, местами с единичным участком сосны, осоково-тростниково-зеленомохового. Кокушник на описанных участках встречается изредка, небольшими рыхлыми группами, реже одиночными экземплярами, активно цветет и плодоносит; 2) 57°23'7" с.ш., 41°30'51" в.д. [10], в 1,8 км на север от поселка, в мелкоствольном березняке разнотравно-тростниковом, с ивами (пепельной, пятитычинковой и чернеющей), вместе с *Epipactis palustris*, *Malaxis monophyllos*, *Corallo-rhiza trifida* и зелеными мхами, в том числе гелодиумом Бландова (25.06.2015, М. Голубева, А. Сорокин, Д. Иванов – PLES). На этом участке найдено всего несколько одиночных экземпляров вида. Поверстное болото посещалось нами и ранее в 1992–1993 годах, но кокушник тогда обнаружен не был. Это вновь выявленное местонахождение вида, не учтенное в региональной Красной книге.

Всего известно 2 местонахождения (Зав., Прив.) и 1 утрачено (Прив.), вид встречается редко.

Ладьян трехраздельный – *Corallorhiza trifida* Chatel., семейство Орхидные (*Orchidaceae*), категория редкости – 3. Обнаружено новое местонахождение вида на территории Приволжского р-на, на минеротрофном болоте Поверстное, в 1,8 км севернее пос. Поверстное, на двух близкорасположенных участках (25.06.2015, М. Голубева, А. Сорокин, Д. Иванов – PLES): 1)

57°23'8" с.ш., 41°30'56" в.д. [10] – в сыром редкостойном молодом березняке ивово (*Salix myrsinifolia*, *S. cinerea*) -хвощево (*Equisetum fluviatile*) -тростниково-зеленомоховом, где встречено 10 экземпляров вида, совместно с дремликами болотным и широколистным, вейником седеющим, грушанкой круглолистной, валерианой лекарственной, осокой вздутой, бодяком болотным, в моховом покрове обычны редкие мхи томентипнум блестящий и гелодиум Бландова; 2) 57°23'7" с.ш., 41°30'51" в.д. [10], в мелкоствольном березняке разнотравно-тростниково-зеленомоховом, где отмечено 6 экземпляров вида, ладьян растет вместе с ивами (чернеющей, пепельной и пятитычинковой), тростником, хвощем болотным, грушанкой круглолистной, кипреем и бодяком болотными, валерианой, тайником яйцевидным и др. Из редких охраняемых видов на последнем участке отмечены *Malaxis monophyllos*, *Epipactis palustris* (изредка), *Gymnadenia conopsea* (единично) и *Helodium blandowii*.

Всего известно 2 местонахождения (Прив.), вид встречается редко-очень редко.

Мякотница однолистная – *Malaxis monophyllos* (L.) Swartz, семейство Орхидные (*Orchidaceae*), категория редкости – 3. Вид впервые обнаружен в 2-х местонахождениях на территории Приволжского района: 1) 57°24'32" с.ш., 41°40'3" в.д. [4], в 3,2 км юго-восточнее д. Пеньки, среди мелколесья (сосна, ива козья, ольха серая, ива мирзинолистная, ель, береза), на обочине грунтовой (ранее бетонной) дороги, в окружении осинового с елью леса, встречен 1 плодоносящий и 1 вегетативный экземпляр (25.08.2015, М. Голубева, А. Сорокин, Д. Иванов – PLES); 2) в 1,6-1,8 км северо-западнее и севернее пос. Поверстное, на низинном минеротрофном болоте, на двух близкорасположенных участках, в сходных болотных ценозах: 57°23'2" с.ш., 41°30'36" в.д., в молодом березняке-редине тростниково-зеленомоховом, вдоль осушительной канавы, 1 плодоносящий экземпляр, в кочке мха *Callirigonella cuspidata* (9.09.2014, М. Голубева, А. Сорокин, Д. Иванов – фото); 57°23'7" с.ш., 41°30'51" в.д. [10], в мелкоствольном березняке разнотравно-тростниково-зеленомоховом, с ивами и др. (см. описание к виду *Corallorhiza trifida*). Всего отмечено около 20

экземпляров мякотницы однолистной, большинство из которых в цветущем состоянии (25.06.2015, М. Голубева, А. Сорокин, Д. Иванов – PLES).

Всего известно 2 местонахождения (Прив.), вид встречается редко-очень редко.

Пальчатокоренник балтийский – *Dactylorhiza baltica* (Klinge) Orlova, семейство Орхидные (*Orchidaceae*), категория редкости – 4, вид включен в Красную книгу России (2008). Вид впервые обнаружен на территории музея-заповедника в Приволжском районе, на низинном ключевом болоте Поверстное, 57°22'14" с.ш., 41°30'47" в.д. [13], в 0, 3 км западнее пос. Поверстное, в краевой опушечной зоне болота, на ранее разработанном, в основном открытом участке, местами поросшем молодыми низкорослыми сеянцами березы (от 0,3 до 3,5 м высотой), сосны и молодыми ивами (до 1 м и менее высотой), среди тростника и разнотравья – осоки желтой, дремлика болотного, бодяков болотного и огородного и гибрида между ними (*Cirsium oleraceum* x *Cirsium palustre*), кокушника длиннорогого, лапчатки прямостоячей, синюхи голубой, хвоща полевого, осоки двутычинковой и др. (18.06. 2015, М. Голубева, А. Сорокин – PLES, определение подтверждено Т. И. Варлыгиной, I. 2016). В моховом покрове развиты зеленые мхи – каллиргонеллы заостренная (доминирует) и Линдберга, бриум ложнотрёхранный, фиссиденс адиантовидный и гелодиум Бландова. Найдено 2 экземпляра *Dactylorhiza baltica*, на значительном удалении друг от друга, в очень сходных ценозах, в начале цветения. О хорошем завязывании плодов свидетельствует сохранившийся сухой прошлогодний генеративный побег с хорошо развитыми коробочками.

Всего известно 1 местонахождение (Прив.), вид встречается очень редко. Вид регионального и республиканского уровня охраны.

Пальчатокоренник кровавый – *Dactylorhiza cruenta* (O. F. Muell.) Soo, семейство Орхидные (*Orchidaceae*), категория редкости – 3. Вид впервые обнаружен в Приволжском районе: 57°22'14" с.ш., 41°30'47" в.д. [13], на Поверстном болоте, в 0,3 км западнее пос. Поверстное, на краевом, в основном откры-

том участке болота, неравномерно зарастающем молодыми невысокими деревцами и сеянцами берез белой и повислой, сосны и ивы чернеющей, среди тростника и зеленых мхов (18.06. 2015, М. Голубева, А. Сорокин – PLES). Обнаружено 2 цветущих экземпляра вида и 1 вегетативный. Вместе с *Dactylorhiza cruenta* на полянах в краевой зоне болота произрастают кокушник длиннорогий, дремлик болотный, пальчатокоренники мясо-красный и балтийский и др.

Всего известно 1 местонахождение (Прив.), вид встречается очень редко.

Таким образом, в настоящей статье для территории Плесского музея-заповедника и его зон охраны приведено 4 новых редких охраняемых в Ивановской области вида растений (*Botrichium multifidum*, *Malaxis monophyllos*, *Dactylorhiza baltica*, *Dactylorhiza cruenta*) и указаны новые местонахождения 5 видов. Всего на этой территории сейчас отмечено 59 охраняемых в Ивановской области видов сосудистых растений, из них 2 вида включены в Красную книгу России (*Cypripedium calceolus* и *Dactylorhiza baltica*).

Выражаем искреннюю благодарность Т. И. Варлыгиной за определение рода *Dactylorhiza*, а также Д. Е. Иванову и Д. В. Голубеву за помощь в организации и участие в полевых экскурсиях.

Литература

Голубева М. А., Сорокин А. И. Некоторые редкие охраняемые в Ивановской области виды растений на территории Плесского музея-заповедника и его зон охраны // XIII Плесские чтения: Материалы науч.-практ. конф. (Плес, 21–22 декабря 2012 г.). – Иваново, 2014. – С. 224–232.

М. А. Рогов

ТАЙНА ПРОИСХОЖДЕНИЯ И. И. ЛЕВИТАНА И ЕЕ ВОЗМОЖНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЕГО ТВОРЧЕСТВО

«Детство великого художника Исаака Ильича Левитана окружает тайна. Он не захотел открыть ее ни самым близким друзьям своим, ни даже любимой женщине. Когда наступила пора понятного в людях любопытства к замечательному человеку, он на все осторожные и неосторожные расспросы о его прошлом ответил молчанием. Он хмурился и печально отводил глаза в сторону. Всю жизнь не проронил слова о детских годах, и неудачник-художник Авель Ильич Левитан, недавно умерший. Авель дожил до глубокой старости. Он понимал, какое место занял его брат в русском искусстве, как дорого знать все о великом пейзажисте, и, однако, старший Левитан безмолвствовал. Как будто между братьями был уговор унести в могилу тяжелые и безотрадные воспоминания. Не дошло до нас даже имени матери художника. Он никогда не назвал его. Лишь однажды он глухо сказал Марии Павловне Чеховой, сестре писателя, что, будучи ребенком, сильно бедствовал. По-видимому, не одна бедность причина резкого недружелюбия Левитана к своему прошлому. Дети умеют быть счастливыми в подвалах и трущобах. Должно быть, мучило еще другое, воспоминания, о чем не мог переносить художник, даже далеко отойдя от неприятного»
«Повесть Ивана Евдокимова об Исааке Левитане» 1930–1940¹.

Установление неизвестных ранее фактов биографии выдающихся художников – актуальная тема исследований для наиболее полного раскрытия особенностей его творчества и более обоснованной интерпретации произведений. Меня давно интересовала психологическая атмосфера, в которой жил И. И. Левитан, мотивы его творчества, его биография и я обнаружил лакуны в ней, оказавшиеся некоторым клубком противоречий в том, что касается происхождения Исаака Ильича Левитана и его родных.

Пожалуй, главный вопрос, на который я искал (и, полагаю, нашел) ответ – почему литовский еврей Исаак Левитан с одной

стороны – не крестился, сохранял верность своей религиозно-национальной принадлежности, но часто писал церкви и иные исконно русские мотивы, стремился ассимилироваться, не афишировал детали биографии и часто подвергался депрессивному настроению. Ведь абсолютно иначе вел себя, скажем, всемирно любимый художник – белорусский еврей Марк Шагал.

В книге Софьи Пророковой² я прочёл, что "Адольф Левитан в свое время ничего не рассказал биографам о жизни брата. Он молчал, упорно, хладнокровно и стойко. На все обращения к нему отвечал отказом... \diamond ...Нет, он не написал никаких воспоминаний о брате, ничего о нем не рассказывал, даже уничтожил его документы. Он не нарушил молчания. Так рухнула моя слабая надежда дополнить живыми воспоминаниями биографию Левитана. Тереза – старшая сестра художника – была откровеннее, рассказала исследователям о детстве и юности младшего брата. Но долгие годы не была точно установлена даже дата рождения Левитана. Под его картинами во всех музеях стоял 1861 год, ошибочно названный одним из биографов. Недавно нам удалось найти в материалах Училища живописи, ваяния и зодчества воинский документ, по которому с точностью метрики можно установить, когда в семье Левитанов появился младший сын."

У Авеля Левитана датой рождения считается 25.07.1859³ (источник <http://artinvestment.ru/auctions/1442/biography.html>), а у Исаака Левитана 18.08.1860 по старому стилю.

Обладая навыками поиска по известной среди исследователей генеалогии авторитетной базе данных www.JewishGen.org по запросам от 16 ноября 2010 г., я получил документальные свидетельства, иногда противоречащие вышеуказанным утверждениям.

Оказалось, что запись о художнике Исааке Левитане, 1860 г. рождения, Кейданы, Ковенская губерния, в анналах еврейской общины Литвы действительно существует, а также неоднократно встречаются записи о его родственниках по отцовской линии, из которых следует, что семья Левитанов происходит из Кейданы (местечко в Литве, примечательное сосуществованием еврейской и шотландской общин). В переписях и списках избирателей и налогоплательщиков этого местечка упоминаются многочисленные и вполне зажиточные сыновья жившего во второй половине XVIII века в Кейданы некоего Абрама (Ицко, Шимель, Шломо, Лейб...), некоторые из них – более-менее солидные

домовладельцы (у Ицко кирпичный дом, у Шимеля – деревянный), имеют свой небольшой бизнес (Шимель выращивает и торгует овощами на рынке), как и их дети (сын Шимеля: Авель-Мовша – плотник). Однако, дети Лейба (ок. 1791–1841) беднее и социально менее защищены, чем дети прочих родственников, в том числе поначалу (см. список налогоплательщиков 1849) независимый учитель Элияш и с некоторых пор живущий с ним вместе брат Хацкель в 1870 уже были не в состоянии заплатить налоги, их брат (предположительно) Цундель – всего лишь посыльный, а у их брата мясника Гирша, забрали рекрутом в армию сына Бера, жившего в семье Каганов (вероятно, в обучении, Каган – фамилия кознов, рода еврейских первосвященников, часто являвшихся религиозными авторитетами).

В семье учителя из Кейданы Эльяшова, сына Лейба, не в Кейданах, но где-то в Ковенской губернии, и его жены Баси, дочери Цунделя, 18.07.1859 родилась дочь Михля (Эмма?), а 09.01.1861 родился сын Авель (позже – Адольф), правда, отцом Баси в 1861 указан Гирш, что может не противоречить первой записи, если отца Баси звали, например, Цундель-Гирш. Записей о других детях у Эльяша и Баси не найдено.

В семье брата Эльяшова – Хацкеля и его жены Добры – по-прежнему, в родовом гнезде в Кейданы – родилось двое сыновей: Ицик-Лейб (Исаак?), 03.10.1860 и Гирш-Лейб, 12.07.1866. В семье Цунделя (предположительно – брата Эльяшова и Хацкеля), сына Лейба, согласно переписи 1874 г. жили жена Ета и дочь Двойра (Тереза?), которой было в 1874 г. 15 лет.

Найденные факты позволили сделать предположения. По моей версии, племянник Ицик-Лейб (Исаак?) и племянница Двойра (Тереза?) из семей двух обедневших братьев Хацкеля (жена Добра), и Цунделя (жена Ета) также были отданы на воспитание в семью брата-учителя Эльяшова и его жены Баси, у которых были родные дети Михле (Эмма?) и Авель (Адольф). По моему предположению, настоящими родителями Исаака Левитана являются Хацкель и Добра Левитаны. Эльяшив приходится ему родным дядей по отцу, дедом по отцу является Лейб (ок. 1791–1841), прадедом Абрам. Даты рождения Авеля (а, возможно, и Исаака), указанные в воинских документах Училища, в котором они учились, и используемые до настоящего дня биографами Исаака Левитана, были намеренно искажены. Например,

мотивом искажения возраста могли быть соображения, связанные с горьким для семьи Левитанов опытом – уход в армию рекрута Бера Левитана, отданного в семью Каганов. Военской повинности не подлежал старший сын в семье согласно законам Российской империи, и таковым в семье Элиаша и Баси стал родной сын Авель, несмотря на то, что он был моложе, а не старше, как принято считать, Исаака. В таком случае выбранное 18 число (по старому стилю) для даты рождения Исаака могло быть выбрано, например, исходя из позитивного отношения к числу 18 у евреев как к счастливому, обозначающему жизнь, а также дата рождения Михле (18 июля) могла стать образцом. Полагаю, что после этого семья Левитанов придерживалась этих дат и далее, и держала эту деталь в тайне, чтобы не быть обвиненными в подлоге документов после всех перипетий Исаака с законами, связанными с его неоднократным выселением в черту оседлости. Полагаю, что Тереза – также неродная – по моей версии – дочь Эляша и Баси, а их удочерённая племянница, могла иметь мотив не раскрывать истинное положение вещей в своих воспоминаниях, особенно учитывая, что она и Адольф стали наследниками Исаака.

Анализ документально подтвержденных имен родных по отцовской линии семьи Левитанов демонстрирует традицию называть детей в честь живущих родственников, которая была практически недопустима среди ашкеназов и практиковалась среди сефардов (евреев Пиренейского полуострова и зависимых от Испании территорий, например, Сицилии, окончательно изгнанных оттуда в 1492 и проникавших разными путями в Европу), которые иногда встречались в Литве. В частности, всего в 19 километрах от Кибарты (родины Исаака Левитана) в Вилковишках еврейская община была основана, как считается, сефардами⁴: “Arthur Menton in *The Book of Destiny: Toledot Charlap* mentions one Lithuanian town whose Jewish community seems to have been founded by Sephardic emigres, namely Vilkaviskis (Vilkovishk). The community kept accurate records and as recently as 1920, a massive tome containing information about 400 years of Jewish life in Vilkaviskis was cited by several researchers. The book was unfortunately lost or destroyed in the decades after World War I.”. Кстати, в Кейданах сефарды могли появиться из Шотландии, куда они эмигрировали из Испании (поскольку там обе общины – еврейская и шотландская – сосуществовали). Важно также по-

нять, что между традиционным иудаизмом, расцветавшим в Литве и расцветавшим в Белоруссии хасидизмом, черпавшим свои силы, в том числе, в сефардской традиции, была очень сильная вражда, и я полагаю, что сефарды среди ашкеназов могли ощущать себя не вполне комфортно. Возможное сефардское происхождение высокопоставленных в еврейской общине лиц (фамилия Левитан означает принадлежность к колену Леви – племени священнослужителей-левитов) в условиях естественного угасания сефардской общины в Литве, ассимиляции сперва среди ашкеназов, а затем, среди окружающих наций, способствовало ассимиляционному настроению Эльяшова, отказавшегося от религиозной карьеры, а затем и самого Исаака Левитана.

Общий вывод исследования: Исаак Левитан, вероятно, был поистине "бедным родственником", возможно, в семье с не слишком близкой окружающим ашкеназским евреям Литвы сефардской традицией, что при комплексном рассмотрении может пролить дополнительный свет на мотивы и настроения этого "самого русского пейзажиста", скрывавшего детали своего детства, не крестившегося и не менявшего свою веру, но, окончательно оторванного от религиозной традиции предков, стремившегося ассимилироваться и жить в России.

Т. е. это не просто ассимиляция с целью войти в просвещенное общество и гедонистически радоваться жизни, как это делал, скажем, позже сефард Амедео Модильяни в Париже, или интеллигентно фонтанировать национальным колоритом, как это делал позже Шагал, или блистать, как это делали раньше грек Куинджи и плодовитый армянин Айвазовский... Вероятно, доминирование грустных щемящих русских пейзажей в творчестве И. И. Левитана, аскетически избегавшего изображения прекрасных красот в своих заграничных поездках – это не ассимиляция, а, скорее, эскапизм... Вот почему мне представляются эти детали актуальными для понимания его творчества наиболее полно в наше время, требующее понимания художественной актуальности.

Я искренне благодарен старшему научному сотруднику Государственной Третьяковской Галереи Любове Ивановне Захаренковой, которая осенью 2010 года рекомендовала опубликовать эти результаты на научной конференции в Плесе.

Приложение. Данные с сайта www.JewishGen.org по запросу Рогова М. А. 16 ноября 2010 г. Записи о рождении детей Левитанов, Кедайны: Сыновья Хацкеля (сына Лейба) и Добры: Ицик-Лейб, 03.10.1860, Кедайны, Гирш-Лейб, 12.07.1866, Кедайны. Дети Элияша Лейба, учителя из Кедайны, и Баси: Дочь Михле, 18.07.1859, Ковно, отец Баси указан как Цундель, Сын Авель, 09.01.1861, Ковно, отец Баси указан как Гирш

Name	Father, Grandfather	Date of Birth, DD/MM/YY	Town	Place Recorded	Microfilm / Item	
	Mother, Grandfather	Hebrew Date	Ujezd		Year	Image
	Mother Maiden Surname		Guberniya		Record #	Archive / Fond
LEVITAN Itsyk Leib	Khatskel, Leib	3/10/1860	Kedainiai	Kedainiai	2289446/5	
	Dobre, -	29 Tishri	Kaunas			
			Kaunas		1860	985
LEVITAN Girsh Leib	Khatskel, -	12/7/1866			2289446/6	
	Dobre, -	12 Av	Kaunas			
			Kaunas		1866	1093
LEVITAN Mikhle	Eliash, Leib	18/7/1859	Kaunas	Kaunas	2205121	
	Basia, Zundel	28 Tammuz	Kaunas		1859	872
			Kaunas		F96	LVIA1226/1/157
LEVITAN Abel	Eliash, Leib	9/1/1861	Kaunas	Kaunas	2205121 / ?	
	Basia, Girsh	10 Shevat	Kaunas		1861	1008
			Kaunas		M4	LVIA1226/1/160

¹ *И. В. Евдокимов.* Повесть Ивана Евдокимова об Исааке Левитане, 1930–1940 см. <http://isaak-levitan.ru/evdokimov.php> (по состоянию на 22.10.2015)

² *С. Пророкова.* <http://isaak-levitan.ru/prorokova.php> (по состоянию на 22.10.2015)

³ Сведения об Адольфе Левитане см. например, <http://artinvestment.ru/auctions/1442/biography.html> (по состоянию на 22.10.2015)

⁴ Сефардские общины в Литве <http://ha-historion.blogspot.com/2009/02/difference-between-sephardim-and-nusach.html> (по состоянию на 22.10.2015)

И. В. Новиков

КОМПЛЕКСЫ ТРИАСОВЫХ ТЕТРАПОД ЯРОСЛАВСКОГО, КОСТРОМСКОГО, ИВАНОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ И УНЖИНСКО-КОСТРОМСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Остатки наземных позвоночных играют ведущую роль при расчленении и корреляции (в том числе с подразделениями Международной стратиграфической шкалы) континентальных триасовых отложений Восточно-Европейской платформы. Территория Ярославского, Костромского, Ивановского Поволжья и Унжинско-Костромского междуречья занимает западную и центральную части одного из крупных пологих прогибов на этой платформе – Московской синеклизы. Развитые здесь континентальные триасовые отложения отнесены к нижнему отделу и по тетраподам расчленены на четыре региональных стратиграфических подразделения – горизонта, объединяемых в ветлужский надгоризонт (снизу вверх): вохминский, рыбинский, слуджинский и устьмыльский. Ветлужский надгоризонт охарактеризован тремя последовательными фаунами тетрапод, названными по доминирующим родам амфибий: «*Tupilakosaurus*» (вохминский), «*Benthosuchus*» (рыбинский) и «*Wetlugasaurus*», причем последняя фауна

© Новиков И. В., 2016

разделяется на две группировки – «*Wetlugasaurus angustifrons*» (слудкинский горизонт) и «*Wetlugasaurus malachovi*» (устьмыльский). Присутствие на этой территории пятого, наиболее молодого триасового горизонта – федоровского – пока обосновывается только характерным комплексом харовых водорослей, известного из Унжинско-Костромского междуречья (Лозовский и др., 2011). Указанным пяти горизонтам на рассматриваемой территории отвечают местные стратиграфические подразделения – свиты: вохминская (вохминский горизонт), рыбинская (рыбинский), юрье-вецкая (слудкинский и устьмыльский горизонты Ярославского, Ивановского и Костромского Поволжья), слудкинская (слудкинский горизонт Унжинско-Костромского междуречья), березниковская (устьмыльский горизонт Унжинско-Костромского междуречья) и первушинская (федоровский горизонт Унжинско-Костромского междуречья).

В нижеприведенной уточненной характеристике и описании систематического состава раннетриасовых фаунистических комплексов Ярославского, Костромского, Ивановского Поволжья и Унжинско-Костромского междуречья были использованы результаты исследований по отдельным группам (Гетманов, 1989; Ефремов, 1940; Ивахненко, 1972; Кузьмин, 1935; Сенников, Новиков, 2011; Hartmann-Weinberg, Kusmin, 1936; Kusmin, 1937), ранее опубликованные сведения о тетраподной фауне этого региона, содержащие в ряде биостратиграфических сводок (Верхнепермские..., 1984; Граница..., 1998; Ивахненко и др., 1997; Каландадзе и др., 1968; Киселев и др., 2003, 2012; Лозовский и др., 1992, 2011; Новиков, Сенников, 2010), а также новые данные по составу ориктоценозов отдельных местонахождений (Садеков, Новиков, 2001; Сенников, Новиков, Шамаев, 2014).

I. Фауна *Tupilakosaurus* (вохминский горизонт)

Местонахождения этой фауны на рассматриваемой территории единичны и приурочены к основанию триасового разреза – вохминской свите. Их редкость обусловлена тем фактом, что на большей части этого региона вохминские отложения залегают на значительной глубине и вскрыты рядом скважин. Остатки (позвонки) ведущего элемента рассматриваемой фауны – темно-

спондила *Tupilakosaurus* (*T. sp.*) – известны из керна скважины, пробуренной у д. Терпилово (Ярославская обл.). Присутствие этого рода в прибрежно-морских отложениях Восточной Гренландии (в цератитовых зонах *Ophiceras commune* и *Bukkenites rosenkrantzi*), а также имеющиеся данные спорово-пыльцевого анализа вохминских отложений более восточных районов Московской синеклизы позволяет непосредственно коррелировать их с нижним подъярусом индского яруса (грисбахом) Международной (морской) стратиграфической шкалы (Новиков, 2015). Другим элементом фауны является дицинодонт из сем. *Lystrosauridae* (*Lystrosaurus* (?) *sp.*), клык которого был обнаружен в местонахождении Пучеж (Ивановская обл.). Несмотря на фрагментарность, эта находка имеет важное значение, указывая вместе с остатками листрозавров в бассейне р. Ветлуги на широкое распространение этой группы рептилий в центральных районах Европейской России в начале триасового периода.

II. Фауна *Benthosuchus* (рыбинский горизонт)

Местонахождения этой фауны имеют сравнительно широкое распространение и приурочены к рыбинской свите. Существенными отличиями от предыдущей фауны является появление здесь среди амфибий форм большего размерного класса, чем *Tupilakosaurus* – представителей семейства *Benthosuchidae* и, вероятно, его дериватов – ранних трематозаврид из подсемейства *Thoosuchinae*. Доминирующим родом рассматриваемой фауны является трематозавроид *Benthosuchus*, который в Верхнем Поволжье представлен видом *Benthosuchus korobkovi*.

Реперным местонахождением бентозуховой фауны является уникальное местонахождение Тихвинское (Ярославская обл.), включенное во «Всемирный предварительный список геологических площадей» (GILGES) «Мирового наследия ЮНЕСКО». Вмещающие отложения здесь относятся к паршинским слоям рыбинской свиты, представленными пачкой переслаивающихся сероцветных глин, алевролитов и песчаников с многочисленными мергелистыми конкрециями, образовавшейся в обширном мелководном солоноватом бассейне (Паршинское озеро). Среди позвоночных из Тихвинского известны находки темноспондильных

амфибий (трематозавроиды *Thoosuchus yakovlevi* и *Benthosuchus korobkovi*, капитозаврид *Wetlugasaurus angustifrons* и тупилякозаврид *Tupilakosaurus* sp.), пресмыкающихся – текодонтов (протерозухид *Chasmatosuchus rossicus*) и рыб (двоякодышащие *Gnathorhiza triassica triassica*, *G. lozovskii* и *G. otschevi*, лучеперые-хрящевые ганоиды *Saurichthys obrutchevi*, *S. proximus*, *S. tertius* и *S. eximius*, палеониски *Pteronisculus* sp., *Boreosomus* (?) sp., *Birgeria* sp. и *Evenkia* sp., акулы *Hybodus spasskiensis* и *Lissodus volgensis*, а также неопределимые химеры-брадиодонты). Среди беспозвоночных многочисленны членистоногие: насекомые (жуки, тараканы, гриллоблаттиды), хелицеровые (мечехвосты), конхостраки (несколько родов) и остракоды (несколько родов). Из растений в местонахождении преобладает один вид плауновидных – *Pleuromeia rossica*; редко встречаются хвощи рода *Equisetites*, а также неопределимые листья. Отмечено присутствие золотистых и харовых водорослей.

Присутствие рода *Benthosuchus* также отмечено в местонахождениях Кормица (*B.* sp.), Лунка (*B. korobkovi*), Тутаяв (*B. korobkovi*) и Яковка (*B. korobkovi*) Ярославской области и Красные Пожни (*B.* sp.) Костромской. Остатки представителей рода *Thoosuchus* также определены из местонахождений Тутаяв (*T. yakovlevi*), Кормица (*T. yakovlevi*), Максимовское (*T.* sp.; Ярославская обл.), Кештома (*T. yakovlevi*; Ярославская обл.), Красные Пожни (*T. tuberculatus*) и, вероятно, Матвеевская и Беловская (*T.*(?) sp.; Ивановская обл.), а рода *Wetlugasaurus* (*W.* sp.) – из местонахождений Козлятево и Беловская (оба – в Ивановской области).

Вмещающие бентозуховую фауну отложения уверенно сопоставляются с нижним подъярусом оленекского яруса Международной стратиграфической шкалы. Основанием для такого заключения является прежде всего присутствие близкого к *Benthosuchus* рода *Benthosphenus* (*B. lozovskii*) в морском нижнем оленеке (зона *Anasibirites nevolini*) Южного Приморья.

III. Фауна *Wetlugasaurus* (слудкинский и устьмыльский горизонты)

Доминирующим элементом этого сообщества является род *Wetlugasaurus*. Трематозавриды представлены новым подсемейством – ангузавринами (род *Angusaurus*), несомненно, связанны-

ми с предшествующими тоозухинами филогенетическими связями. На основании присутствия различных по эволюционному уровню видов доминирующего рода (*Wetlugasaurus angustifrons* и *W. malachovi*) рассматриваемая фауна, как уже отмечалось выше, подразделяется на две группировки, причем в верхней из них на территории Ивановского Поволжья наблюдается замещение *Wetlugasaurus* близким эволюционно капитозавридом *Vladlenosaurus*.

III.1. Группировка *Wetlugasaurus angustifrons* (слудкинский горизонт)

Остатки тетрапод этой группировки известны из местонахождений, приуроченных к нижней, первой (песчано-глинистой) пачке юрьевецкой свиты Костромского (Красные Пожни) и Ивановского (Загнетино, Плес, Семигорье, Лукинка) Поволжья.

Руководящим элементом группировки является *Wetlugasaurus angustifrons*, характеризующийся присутствием шагрени на птеригоидах. Эта форма известна из местонахождений Плес, Семигорье и Лукинка, причем из первого местонахождения она была первоначально описана как *Volgosuchus cornutus* (Ефремов, 1940), а из второго – как *Volgasaurus kalajevi* (Kusmin, 1937). Сопутствующими роду *Wetlugasaurus* элементами в ориктоценозах четырех (кроме Семигорья) местонахождений выступают представители ангузаврин – *Angusaurus weidenbaumi* (Плес), *A. sp.* (Лукинка, Красные Пожни) и *Angusaurinae* (?) gen.indet. (Загнетино).

III.2. Группировка *Wetlugasaurus malachovi* (устьмыльский горизонт)

Первоначально эта группировка была выделена на основании изучения раннетриасовых тетраподных сообществ Притиманья, где расположены ее типовые местонахождения. В Верхнем Поволжье присутствие аналогов рассматриваемой группировки в резко обедненном составе установлено во второй (глинистой) пачке юрьевецкой свиты Ивановского Поволжья и в березниковской свите Унжинско-Костромского междуречья.

Ведущим элементом березниковской ассоциации тетрапод является прогрессивный вид рода *Wetlugasaurus*, характеризую-

щийся, как и типичный элемент группировки северных районов – *W. malachovi*, отсутствием шагрени на птеригоидах¹. Присутствие этой формы (*W. cf. malachovi*) отмечено в местонахождении Березники (Костромская обл.). Еще в двух местонахождениях, приуроченных к березниковской свите (Мантурово и Георгиевское), были обнаружены остатки *Wetlugasaurus*, не определяемые до вида.

В Ивановском Поволжье в тетраподных сообществах устьмыльского времени доминирует род *Vladlenosaurus* (*V. sp.*), отмеченный в местонахождениях Шохонка, Семигорье, Клиновец, Коростелево и Решемка. В первом из этих местонахождений также встречены остатки *Angusaurus* (*A. sp.*) и пролацертилии *Microcnetus* (*M. sp.*). К рассматриваемой группировке, вероятно, также принадлежат пока еще не изученные находки темносpondильных амфибий из местонахождения в Заволжском районе Ивановской области, открытого в мае 2015 г. сотрудниками и учащимися творческих объединений школы-музея "Литос-КЛИО" (г. Иваново).

Следует особо упомянуть о форме капитозаврид из местонахождения Семигорье, описанной ранее как *Capitosaurus volgensis* Ф. М. Кузьминым и А. П. Гартман-Вейнберг. Переизучение оригинального материала показало, что первая она, наиболее вероятно, принадлежит роду *Vladlenosaurus*.

Группировке *Wetlugasaurus malachovi* сопутствует так называемая «березниковская группировка» ихтиофауны, впервые описанная из местонахождения Березники и известная еще из местонахождений Шохонка, Семигорье, Коростелево и Наволоки.

Раннеоленекская датировка фауны *Wetlugasaurus* основана на палинологическом анализе костеносных отложений в стратотипическом разрезе устьмыльского горизонта, а также на присутствии представителя характерного только для этой фауны подсемейства *Angusaurinae* (*Platystega depressa*) в прибрежно-морских отложениях нижнего оленека Шпицбергена.

В заключение обзора раннетриасовых комплексов тетрапод Ярославского, Костромского, Ивановского Поволжья и Унжинско-Костромского междуречья следует отметить, что в этом ре-

¹ Этот признак также является диагностичным для рода *Vladlenosaurus*.

гионе, как и на остальной территории Московской синеклизы, пока не обнаружены элементы позднеиндского комплекса тетрапод, известного из верхнесухореченской подсвиты Бузулукской впадины и занимающего промежуточное положение между фаунами *Tupilakosaurus* и *Benthosuchus* (Новиков, 2015).

ЛИТЕРАТУРА

1. Верхнепермские и триасовые отложения Московской синеклизы. 1984. М.: Недра. 139 с.
2. Гетманов С. Н. 1989. Триасовые амфибии Восточно-Европейской платформы. Тр. Палеонтол. ин-та АН СССР, т. 236. М.: Наука. 102 с.
3. Граница перми и триаса в континентальных сериях Восточной Европы. 1998. Отв. ред. Лозовский В. Р., Есаулова Н. К. М.: ГЕОС. 246 с.
4. Ефремов И. А. 1940. Предварительное описание новых форм пермской и триасовой фауны наземных позвоночных СССР. Тр. Палеонтол. ин-та АН СССР, т.10, вып.2. М.: Наука. С. 6–3.
5. Ивахненко М. Ф. Новый бентозухид из нижнего триаса Верхнего Поволжья // Палеонтол. журн. 1972. № 4. С. 93–99.
6. Ивахненко М. Ф., Голубев В.К., Губин Ю.М. и др. 1997. Пермские и триасовые тетраподы Восточной Европы. М.: Изд-во “ГЕОС”. 216 с.
7. Каландадзе Н. Н., Очев В. Г., Татаринов Л. П. и др. Каталог пермских и триасовых тетрапод СССР // Верхнепалеозойские и мезозойские земноводные и пресмыкающиеся СССР. М.: Наука, 1968. С. 72–92.
8. Киселев Д. Н., Баранов В. Н., Муравин Е. С. и др. 2003. Атлас геологических памятников природы Ярославской области. Ярославль: Изд-во ЯГПУ. 120 с.
9. Киселев Д. Н., Баранов В. Н., Муравин Е. С. и др. 2012. Объекты геологического наследия Ярославской области: стратиграфия, палеонтология и палеогеография. М.: ЗАО «Юридический Дом «Юстицинформ». 304 с.
10. Кузьмин Ф. М. 1935. Нижнетриасовые стегоцефалы северной части Окско-Цнинского вала. Ежегодн. Русск. Палеонтол. о-ва, т.10. С. 39–48.

11. Лозовский В. Р., Новиков И. В., Шишкин М.А. 1992. О выделении нового горизонта в нижнем триасе Московской синеклизы. Бюлл. РМСК по центру и югу Рус. Платформы. Вып. 1. С. 91–5.

12. Лозовский В. Р., Олферьев А. Г., Новиков И.В. и др. 2011. Уточненная субрегиональная стратиграфическая схема триасовых отложений запада, центра и севера Восточно-Европейской платформы (Польско-Литовская, Московская и Мезенская синеклизы, Вятско-Камская впадина): Объяснит. записка. М.: ПИН РАН. 32 с.

13. Новиков И. В. 2015. О возрасте раннетриасовой фауны *Turilakosaurus* Восточной Европы // Известия высших учебных заведений. Геология и разведка. № 5. С. 8-13.

14. Новиков И. В., Сенников А. Г. 2010. Триасовая герпетофауна Ивановского Поволжья. // Мат. научно-практ. конф. «XII чтения». Иваново: ИД «Референт». С. 80–86.

15. Сенников А. Г., Новиков И. В. 2011. Раннетриасовые дицинодонты Восточной Европы // Бюлл. МОИП. Отд. Геол. Т. 86. Вып. 5. С. 61–64.

16. Сенников А. Г., Новиков И. В., Шамаев Р. Ю. Первая находка *Turilakosaurus* в раннеоленекском местонахождении Тихвинское (Ярославское Поволжье) // Палеострат-2014. Годичное собрание (научная конференция) секции палеонтологии МОИП и Московского отделения Палеонтологического общества при РАН (Москва, 27–29 января 2014 г.). Тезисы докладов. Ред. А. С. Алексеев. М.: ПИН РАН. 2014. С. 63–64.

17. Садеков А. Ю., Новиков И. В. 2001. Новые находки раннетриасовых позвоночных в окрестностях г. Плес (Ивановская область) // Бюллетень РМСК по Центру и Югу Русской платформы. Вып. 3. С. 144–146.

18. Hartmann-Weinberg A. P., Kusmin T. M. 1936 a. Untertriadische Stegocephalen der Oka-Zna Antiklinale. *Capitosaurus volgensis* nov. sp. // Проблемы палеонтологии. Т. 1. М.: Изд-во МГУ. С. 35–61.

19. Kusmin T. M. 1937. Untertriadische Stegocephalen der Oka-Zna Antiklinale. III. *Volgasaurus kalajevi* gen. et sp. nov. // Проблемы палеонтологии. Т. 2–3. М.: Изд-во МГУ. С. 621–648.

С. А. Зырянова

ДЕРЕВЯННАЯ КОНСТРУКЦИЯ ВОДЯНОЙ МЕЛЬНИЦЫ

Подробно изучить особенности конструкции механизма и секреты устройства возможно только на действующей мельнице, беседуя с мельниками, построившими её. Такая возможность представилась в 1988 году, после маленькой публикации в прессе о том, что известный телеведущий, писатель и журналист Василий Михайлович Песков оказал помощь в восстановлении водяной мельницы в Брянской области. Написав письмо, я получила ответ с заверениями, что мельница самой обычной конструкции и в устройстве её нет ничего сложного. Мельник приглашал приехать на мельницу где он всё расскажет и покажет.

Мельник Купреев Григорий Семенович

В село Чижовка Брянской области для изучения механизма, особенностей строительства и работы водяной деревянной мельницы на реке Посорь удалось поехать осенью того же года. Мельница в то время ещё работала и была в исправном состоянии. Рассказывали об устройстве мельницы Купреев Григорий Семенович и Борисов Борис Васильевич, в разное время работавшие на мельнице и восстановившие ее при поддержке ведущего всеми любимой программы «В мире животных». Василий Михайлович бывал так же и в Плесе в гостях у Аллы Павловны Вавиловой, о чем оставил замечательные воспоминания.

Уникальная водяная мельница в селе Чижовка Трубчевского р-на, Брянской обл.

Деревянная водяная мельница при всей кажущейся скромности и простоте представляет собой огромный, работающий на энергии воды, весьма шумный деревянный механизм (из троих мельников двое были глухими, один плохо слышал). Единственная в России работающая деревянная мельница несколько лет тому назад сгорела. Не сохранилось ни описаний, ни чертежей и потому я привожу имеющиеся у меня данные об уникальной мельнице и секретах её построения с благодарностью к тем, кто её создал.

Для изготовления деталей деревянной машины использовали разные породы дерева – лиственница, сосна, дуб, клён, липа. В полном соответствии с условиями работы каждой детали использовали то или иное дерево. Строителям были известны свойства деревьев, как должно идти направление волокон, из какой части дерева деталь изготовить, чтобы она надёжно и долго служила.

Основным сооружением мельницы является ПЛОТИНА и мельничная ДАМБА, с помощью которой создается перепад между верхним и нижним бьефом (БЬЕФ – уровень водоема возле плотины). Плотина высотой около 4 метров представляет собой бревенчатую конструкцию в виде свай и ряжей, заполненных землей. Рабочая длина чижовской плотины была 8,60 м.

Сверху над плотиной устроен МОСТ для проезда телег с мукой и зерном, а так же чтобы обеспечить подход к «шлюзам». В стороне от плотины, а иногда и в самой плотине делают ЯЛОВЫЙ СБРОС воды. Он напоминает водопад. Чтобы уменьшить шум от водопада, устраивается дощатый лоток, напоминающий детскую горку.

Карагот на сваях. Наливные колеса и подающие лотки

Под стоком плотины для мельницы на три камня (жернова) устраивают КАРАГОТ. Он состоит из 16 свай (лучше лиственница) с вершинами, обточенными на три грани. Шаг свай – 1.60 м. Из воды они выступают на один метр. На концы свай установлена клеть, рубленая из сосны в три венца (размеры в осях 1.60x2.40 м.).

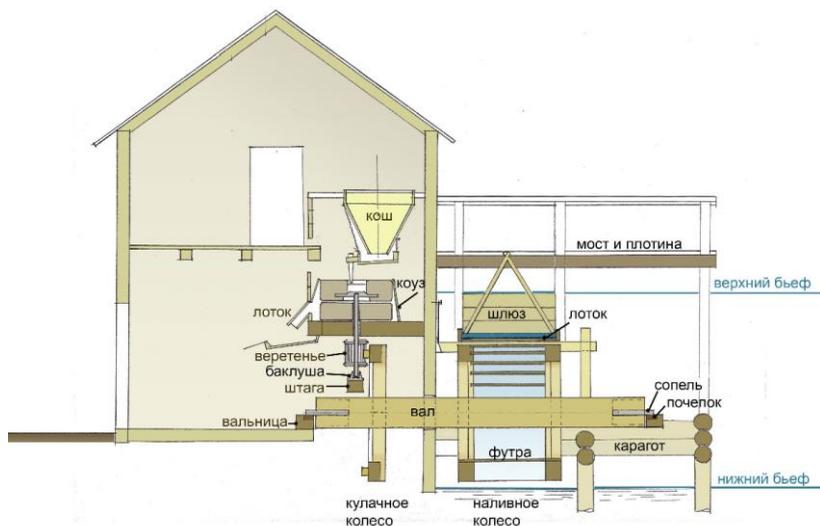
На клетки в верхнее бревно врубается балка из соснового бруса – ВАЛЬНИЦА с врезанным в неё дубовым суком длиной 30 см. Вставка из дубового сука называется ПОЧЕПКОМ. Без этого сука сосна при вращении вала сгорает за 20 минут. Важно, чтобы вал, вращаясь, заглаживал сук по волокнам. Внутри самой мельницы так же устраивается вальница. На обе вальницы укладывается ВАЛ. Во избежании возгорания деревянной конструкции от быстрого вращения вала над местом опирания вала на вальницу подают воду для смазки по тонкому длинному лотку, который выходит над вращающимся с огромной скоростью СОПЕЛЕМ.

Сопель вала лежит на вальнице с врезанным в неё дубовым суком (почепком)

На внутреннюю и внешнюю вальницы укладывается дубовый ВАЛ из цельного дерева диаметром 600 мм. Такой дуб трудно найти. Вал не круглый, а обтесан на восемь граней. На обоих торцах вала, по центру, выбирается квадратное в сечении отверстие (глубина 50 см.) и делается пропил крест на крест. В подготовленную прорезь вставляется железный четырехгранный стержень с четырьмя приваренными пластинами – ПЕРЬЯМИ. Перья раскрепляются в теле вала кленовыми клиньями. Металлический сопель центрируется. Сверху, для надежности это соединение связывается тремя ободами. На торце остается только цилиндрический выпуск длиной сантиметров 15. На этих выпусках (сопелях) и вращается вал.

На вал крепятся два колеса. Одно колесо с лопастями находится снаружи – на него падает вода. Другое колесо с кулачьими расположено внутри сруба. Чтобы закрепить колесо жестко к валу используют крестовину. КРЕСТОВИНА рубится из дубового бруса 120 x 120 мм. В валу насквозь крест на крест делается выборка, которая шире чем сама крестовина. Собирается крестовина внутри вала и расклинивается кленом. Клён в воде разбухает и конструкция получается очень жесткой. Наружное колесо (наливное) имеет две крестовины. Внутреннее колесо (кулачное) – одну.

Разрез водяной мельницы

КОЛЕСО. Для его изготовления идут сосновые доски. В сборе каждое из колёс состоит из 3 слоев досок. Чтобы связать КОЛЕСО заготавливают ШАБЛОН. Кладут пять досок (120x300) сверху на них кладут ещё ряд в поперечном направлении. По центру квадрата сверлится отверстие диаметром 30 мм и вставляется штырь. С помощью нехитрого механизма (уровня) прочерчивается круг диаметром 1,5 м. По прочерченной окружности доски обрезаются. Получился внутренний диаметр колеса. Шаблон сжимается клиньями.

На подготовленный шаблон набивают КОСИКИ. Косики вырубаются из доски (250x100). На круге должно быть пять штук. После первого ряда, вперевязку, укладывается второй ряд. После того как они правильно уложены в шаблон, оба ряда косиков скрепляют между собой. Для этого окружность разбивается на 30 равных частей и сверлятся дырки диаметром 3 см. Дырки сверлятся в два ряда на расстоянии 9 см от внутреннего и наружного диаметров. В получившиеся сквозные отверстия вставляются деревянные гвозди – СНОЗЫ. Снозы (деревянные гвозди) режутся из сосны диаметром 3 см.

Для крепления ЛОПАСТЕЙ во внутренней части двух колес выбираются пазы. Лопастей, а соответственно и пазов под них, делают 30 или 32 штуки. Пазы выбирают не прямо, а по лекальной кривой, чтобы лопасть при падении на неё воды и вращении колеса не вылетела из паза. Глубина паза 2 см. и ширина 3 см. После установки лопастей в пазы двух колёс по внутреннему диаметру широкого мельничного колеса производят тесовую обшивку. Обшивка тесом выполняется не сплошь, а с двумя щелями. Они необходимы для промывки. Такая тесовая обшивка называется ФУТРОЙ.

Получившееся колесо нужно насадить на крестовину. В наружных косиках каждого колеса делаются пазы. Крестовина ставится в эти пазы, а затем обе крестовины стягиваются четырьмя анкерами на болтах. Анкеры ставятся прямо под внутренней обшивкой, то есть ближе к валу.

ЛОТОК. По лотку подается вода на колесо. Для крепления лотков на основании (караготе) на верхнее бревно с обеих сто-

рон от колеса ставится стойка – ПАЛЕЦ. Крепится палец на бревне с помощью шипового соединения и дополнительно железными скобами. Обе стойки имеют наверху паз, в который укладывается брусок. На этот брусок опирается дощатый лоток. Вынос лотка доходит до середины колеса.

Опираение лотка. Палец, установлен на верхнем бревне карагота

Вода в лоток поступает только после поднятия ШЛЮЗА. Конструкция шлюза очень проста и представляет собой три подогнанных доски, сшитых между собой двумя брусками в виде треугольника. Вверху треугольника крепится веревка чтобы поднимать и фиксировать шлюз в заданном положении. Верёвку привязывают на поручень плотины.

Рядом с подающими воду на колёса шлюзами, устроен один шлюз яловый. Он необходим для порожнего спуска воды при остановленных колёсах и неработающей мельнице.

ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО МЕЛЬНИЦЫ.

Само здание мельницы представляет собой сосновый сруб, который поставлен на фундамент. Внутри помещение раз-

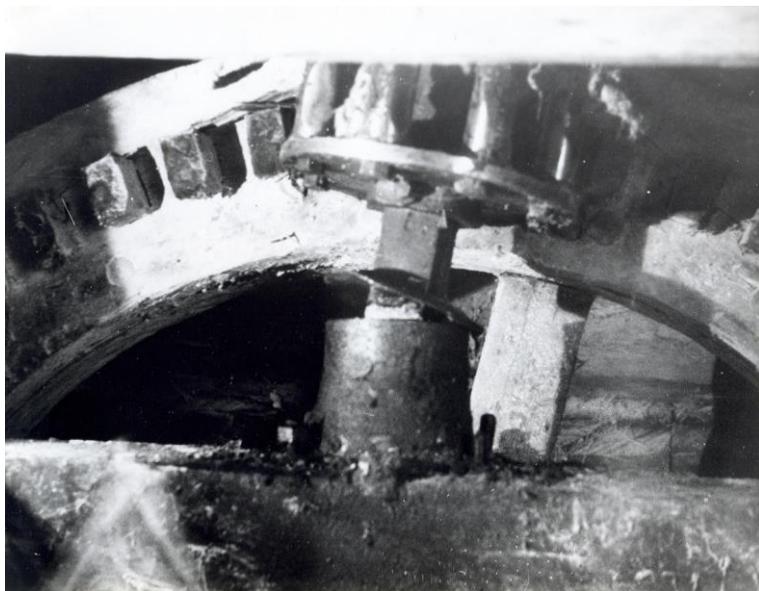
делено на два уровня с отдельными входами. В нижнем уровне – машинное отделение. Здесь горизонтальное вращение вала передается на вертикальное вращение жерновов. Второй вход – к жерновам на второй уровень. Его делали с торца, от плотины. Здесь вносили мешки с зерном.

Внутри сруба мельницы ВАЛ опирался на балку с врезанным в неё дубовым суком (ВАЛ лежал на ВАЛЬНИЦЕ с ПОЧЕПКОМ). На валу вращалось хорошо отцентрированное(!) КУЛАЧНОЕ КОЛЕСО. Принцип сборки кулачного колеса тот же что и у наливного, но не с двумя, а с одной крестовиной. Сбоку на колесе врезано 30 кленовых КУЛАЧЬЕВ (42х60х60).

Кулачья для кулачного колеса

При вращении кулачное колесо передает вращение вала на вертикальную ось с помощью ВЕРЕТЕНЬЯ.

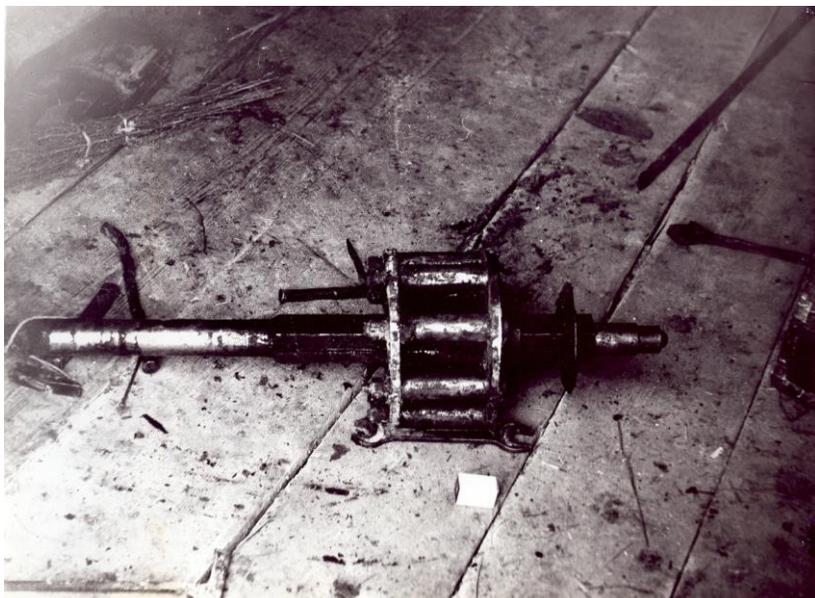

Кулачное колесо и веретень, поставленное в баклушу

Баклуша

ВЕРЕТЕНЬЕ это стержень на который сверху насаживается **ВЕРХНИЙ ЖЕРНОВ**. Снизу веретень поставлено в **БАКЛУШУ** внутри которой стоит подшипник 73/11. На стержень веретенья насажена деталь с восьмью **ЦЕВКАМИ**. Кулачья колеса заходят между цевками и заставляют веретенье вращаться в вертикальном направлении.

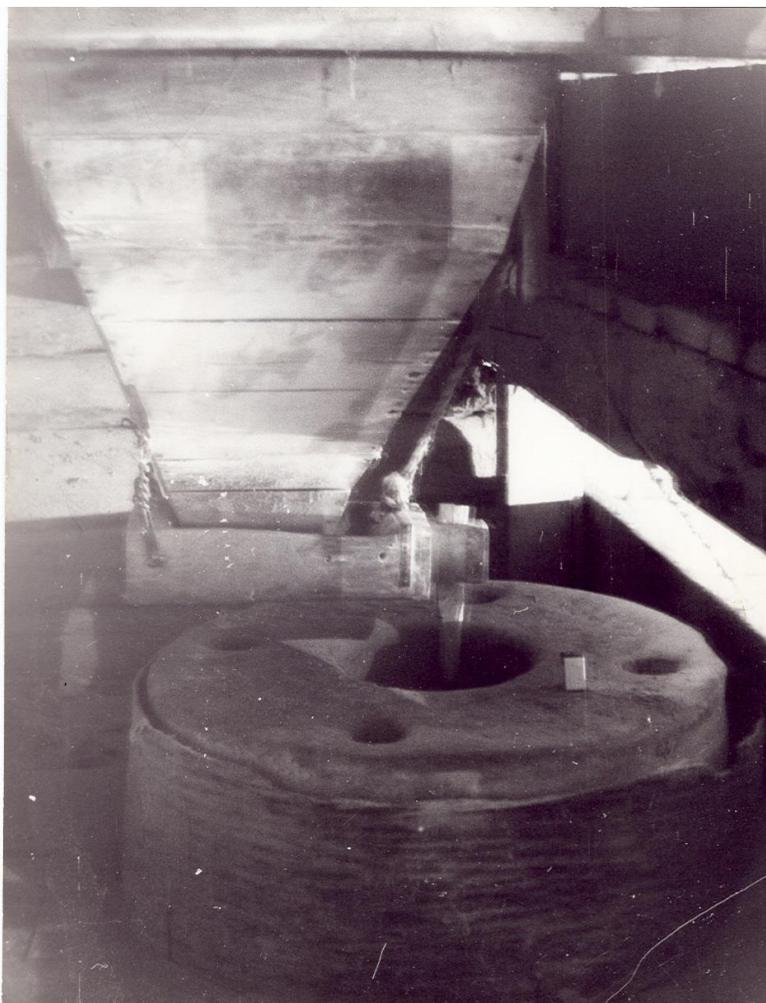

Веретеньё с цевками

Поперечная горизонтальная **ШТАГА** (балка) – важная часть конструкции. На ней установлена **БАКЛУША** (гнездо с подшипником для веретенья). Штагу можно регулировать по высоте, выравнивая винтами и клиньями в пазах. От высоты положения **ШТАГИ** зависит каким будет расстояние между нижним и верхним жерновом, следовательно, помол будет грубым или тонким. Чем выше штага, тем грубее помол.

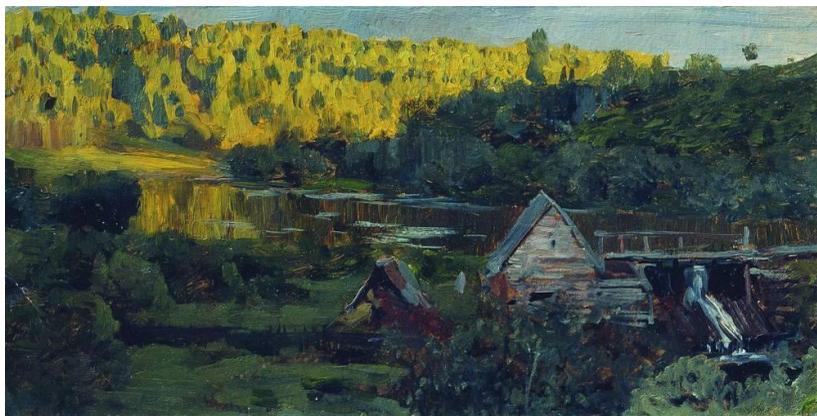
На втором ярусе находятся жернова. **НИЖНИЙ ЖЕРНОВ** жестко закреплен на перекрытии. Через широкое отверстие в нем с большим зазором проходит стержень веретенья. На стержень насаживают **ВЕРХНИЙ ЖЕРНОВ**. Специальная деталь

ПОУПРИЦА служит для неподвижного соединения верхнего жернова и веретенья. Огромные круги жерновов выпиливаются из цельного камня. Жернов имеет отверстие в центре и дуговые насечки, идущие по часовой стрелке. Оба жернова снаружи обернуты липовой корой. Кожух, куда стекается из-под жерновов мука, носит название КОУЗ.

Внутри мельницы

Над жерновами укреплен четырехгранный конический КОШ. В кош сверху насыпают зерно для помола, снизу коша подвешено специальное приспособление для равномерного сыпа зерна в жернова. Это устройство – ЛОТОК, но не совсем обычный. Сам деревянный лоток подвешен к задней стенке коша на цепочках. В передней стенке лотка вставлен в отверстие КЛИН. Длина клина – до паза во внутреннем диаметре отверстия жернова. Этот клин, ходя по внутреннему диаметру жернова, потряхивает лоток, что дает равномерный сып зерна. Сып зерна в жернов регулируется еще и с помощью поводка и винта. ПОВОДОК – веревочка, которая крепится к передней стенке лотка. При скручивании длина веревки, а, следовательно, сып уменьшается.

И. И. Левитан. Водяная мельница. 1989 г.

Конструкция мельниц в Плесе на Шохонке была принципиально такой же. Чижевская мельница имела три вала, а у плёсских был один. Над колесом плёсских мельниц для защиты возводили деревянную пристройку – кожух. Это подтверждают старинные фотографии. На работе Левитана видна конструкция третьей от Волги мельницы на Кузничихе. Мельница небольшая, с одним наливным колесом и двумя яловыми стоками. Над наливным колесом сооружен сруб для защиты. По плотине проходит дорога на земляную дамбу. Аналогичную конструкцию

водяной мельницы можно видеть на фотографии, сделанной во время немецкой оккупации в Калужской области.

Во времена перестройки и последующие за тем годы реализовать план по воссозданию водяной мельницы на Шохонке в Плесе было невозможно. Уже ушли мельники, давшие согласие приехать в Плес и помочь выбирать нужные деревья и собирать сложную конструкцию. Замысел отложен до лучших времен.

Виталий (Уткин), игумен

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О ЕПИСКОПЕ РОСТОВСКОМ ФЕОДОРЕ

В диссертации П. Н. Травкина¹ и изданной на ее основе книге² утверждается, будто бы в XII столетии князь Андрей Боголюбский с помощью некоего местного волхва Федора пытался насаждать в Ростовской земле политическое двоеверие, основанное на синкретизме христианства и язычества.³

П. Н. Травкин считает, что этот волхв был избран народом «без разрешения Константинополя, но видимо при поддержке князя Андрея Боголюбского».⁴ П. Н. Травкин пишет: «Федор Волхв... был оболган официальной церковью, расстрижен и казнен... в Константинополе, куда его выманили хитростью».⁵

Такое синкретическое двоеверие могло бы рассматриваться в качестве политической основы существования якобы найденного П. Н. Травкиным в Плесе «общегородского святилища Велеса».⁶ Во всяком случае, он пишет в диссертации, что «княжеский наместник», якобы имевшийся в Плесе, не препятствовал совершению там языческих жертвоприношений.⁷ При этом П. Н. Травкин свой тезис о наличии в Плесе «княжеского наместника» никак не подтверждает источниками.

Свои утверждения о «Федоре Волхве» П. Н. Травкин строит на основании материалов А. Ю. Дворниченко и Ю. В. Кривошеева⁸, а также В. В. Милькова и Н. Б. Пилюгиной⁹. При этом в указанных им работах ничего не говорится о постулируемом П. Н. Травкиным «избрании волхва епископом». Здесь же в диссертации П. Н. Травкин говорит о неких «письменных источниках» относительно «реформатора-волхва»¹⁰, однако не делает на них никаких ссылок.¹¹

П. Н. Травкин в своей диссертации пишет, будто бы Федор был казнен в Константинополе, «куда его выманили хитростью»¹², что повторяет и в своей книге.¹³ Данное утверждение источниками не подтверждается.

История конфликта вокруг епископа Ростовского Феодора отражена в письменных источниках хорошо известных науке, но

даже не упомянутых в списке литературы диссертации П. Н. Травкина.¹⁴ Это Лаврентьевская¹⁵, Ипатьевская¹⁶, Никоновская летописи¹⁷, Пискаревский летописец¹⁸, «Летописец о ростовских архиереях»¹⁹, грамота Константинопольского патриарха Луки Хрисоверга к князю Андрею Боголюбскому.²⁰ В Никоновской летописи о Феодоре говорится так: «Феодор калугер, сестричич Петра Бориславича... Прият же сей Феодор святыи иноческий образ в Киеве в Печерском монастыре».²¹ Отсюда мы узнаём, что Феодор был 1) родственником (сыном сестры, племянником) известного киевского боярина Петра Бориславича; 2) был «калугером», то есть монахом, причем занимающим видное место в монастыре²²; 3) является постриженником Киево-Печерского монастыря. То есть перед нами никак не уроженец Владимиро-Суздальской земли, как утверждается в диссертации П. Н. Травкина, а представитель киевской элиты.

Б. А. Рыбаков считал Петра Бориславича составителем Киевской летописи XII века, до нас не дошедшей²³, но использованной В. . Татищевым. Последний именует Феодора не племянником, но братом боярина Петра Бориславича («тысецкого киевского»).²⁴ По Д. С. Лихачеву Петр Бориславич – автор повести о наказании Божиим клятвopеступнику Владимиру Галицкому.²⁵ Отсюда следует, что мировоззрение боярина носило христианский характер.²⁶

В упомянутой грамоте патриарха Луки Хрисоверга к князю Андрею Боголюбскому Федор именуется «сестричичем епископла Мануилова».²⁷ Епископ Мануил, грек по происхождению – первый смоленский архиерей²⁸. Русская Церковь в этот период являлась одной из митрополий Киевского патриархата, соответственно митрополит в Киев назначался патриархом. Когда великий князь Изяслав без воли патриарха поставил в митрополита Клима Смолятича, епископ Мануил отказался признавать последнего.²⁹

Итак, Феодор, пострижник Киево-Печерского монастыря был связан родственными узами как с высшим киевским боярством, так и с греческим архиереем, занимающим строго проконстантинопольскую позицию.

В. Н. Татищев, опираясь на недошедший до нас летописный источник, утверждает, что Феодор был «игуменом суздальским»³⁰, то есть настоятелем одного из суздальских монастырей.

В XI–XII в Константинопольском патриархате (и в патриаршество Луки Хрисоверга) велись дискуссии о постах, обсуждалось в том числе, нужно ли соблюдать пост в среду и пятницу, если на них выпадают церковные праздники.³¹ Споры затронули и Русскую Церковь. В советской и постсоветской историографии они рассматривались в качестве проявления «славянского язычества».³² На самом деле споры о постах свидетельствуют, что Русь в это время была частью общеправославного духовно-интеллектуального пространства.³³

В 1168 году в Киево-Печерском монастыре игумен Поликарп с братией, при поддержке черниговского князя Святослава, «других князей и епископов», постановили есть скоромное во все господские праздники. Киевский митрополит Константин выступил против этого решения.³⁴ Для решения спора великий князь Мстислав собрал собор «всех епископов, игуменов, священников и монахов ученых» – до 150 человек, на который в качестве посланника князя Андрея Боголюбского прибыл суздальский игумен Феодор.³⁵ Собор никакого решения не принял.³⁶ Когда его участники разошлись, киевский митрополит Константин запретил в служении игумена Поликарпа.³⁷

По сообщению В. Н. Татищева, князь Андрей Боголюбский направил великому князю Мстиславу письмо с предложением «митрополита ссадить и выбрать епископам (то есть на соборе – и.в.) инаго».³⁸ Эту идею активно продвигал игумен Феодор,³⁹ ставший таким образом, злейшим личным врагом киевского митрополита.

Князь Андрей Боголюбский стремился утвердить во Владимире отдельную от Киева митрополию. Он говорил боярам: «Хощу бо сей град обновити митропольею, да будет сей град великое княжение и глава всем».⁴⁰ В. В. Мильков считает, что это было стремление к полной автокефалии.⁴¹ Но такая точка зрения не соответствует источникам. Князь Андрей будет ждать решения об утверждении митрополии от патриарха. Когда в 1169 году союзные князю Андрею Боголюбскому князья взяли Киев, киев-

ский митрополит остался на кафедре и не был смещен, хотя летописец и писал, что случившееся – наказание Божие «за грехы их, паче же за митрополичю неправду». ⁴²

Игумен Феодор в это время отправляется в Константинополь «несый с собою много имениа». ⁴³ Он просит патриарха ни много ни мало поставить его киевским митрополитом, ложно заявляя, что митрополита в Киеве больше нет: «Яко ныне несть в Киеве митрополита, и се аз, да поставиши мя». ⁴⁴ Патриарх отказывает. Тогда Феодор говорит, что свободна ростовская кафедра, а раз митрополита в Киеве нет, то поставить епископа на нее некому, и просит патриарха поставить его ростовским епископом. ⁴⁵ Никоновская летопись ⁴⁶, «Летописец о ростовских архиереях» ⁴⁷ и В. Н. Татищев ⁴⁸, опиравшийся на недошедший до нас ранний летописный свод, сообщают, что патриарх хиротонисал Феодора в ростовского епископа. Ни о каком «народном избрании» письменные источники здесь не говорят. Однако вскоре патриарх Лука Хрисоверг направляет князю Андрею Боголюбскому грамоту, в которой, похвалив православно-христианскую веру князя, заявляет о канонической невозможности создания во Владимире митрополии и поставлении на нее Феодора (о чем князь Андрей просил через своего специального посла Якова Станиславича ⁴⁹), о необходимости оставить Владимир в Ростовской епархии и требует вернуть на ростовскую кафедру изгнанного незадолго до этого князем епископа Нестора. Феодор при этом должен подчиниться епископу Нестору. Это единственное требование патриарха, никаких догматических обвинений против Феодора он не выдвигает. ⁵⁰

Феодор приезжает во Владимир, киевский митрополит направляет послание духовенству Ростовской епархии, в котором запрещает сослужить с Феодором и подчиняться ему. ⁵¹ Князь Андрей Боголюбский требует от Феодора отправиться к киевскому митрополиту за благословением, Феодор отказывается и заявляет, что поставлен в епископы патриархом, при чем тут киевский митрополит? Оказавшись в полной изоляции, Феодор, чтобы добиться подчинения от духовенства, закрывает все храмы в Ростове и Владимире, в том числе Успенский собор с его чудотворной иконой Матери Божией, пытается отнять церковные име-

ния, начинает с крайней жестокостью преследовать своих противников. Возникает всеобщее недовольство, князь Андрей пытается призвать Феодора к смирению, видимо, указывая на чудотворную икону Матери Божией, однако в ответ получает не только ругань в свой адрес, но и резкие слова, истолкованные затем как «хула на Богородицу». Князь Андрей арестовывает Феодора и отправляет его на суд киевского митрополита (в Киев, а не в Константинополь). После суда над Феодором следует жестокая казнь.⁵²

В Никоновской летописи о Феодоре сказано: ««Неции же глаголаху о нем, яко от демона есть сей, инии же волхва его глаголаху».⁵³ Это же повторяется в «Летописце о ростовских архиереях».⁵⁴ Слово «волхв» здесь обозначает не профессию и не личное прозвище, а выражает недоумение некоторых людей по поводу жестоких действий Феодора и страх перед ним («бе страшен и грозен всем, и вси боахуся его и трепетаху»⁵⁵). Лаврентьевская⁵⁶ и Ипатьевская⁵⁷ летописи, Пискаревский летописец⁵⁸ содержат в своем составе целый памфлет против Феодора, в котором, однако, волхв никак не упоминается. В. Н. Татищев также ничего не говорит о «волхве».⁵⁹

Благодаря работам И. П. Еремина 20–50-х годов сложилось мнение, что Кирилл Туровский в своем сочинении «Притча о слепце и хромце» обличает епископа Феодора.⁶⁰ В проложном житии Кирилла Туровского говорится в общих чертах об обличении им некоей «ереси» Феодора.⁶¹ Никакой характеристики при этом не дается. В тексте же самой «Притчи» четко разъясняется ее богословское, а вовсе не полемическое содержание.⁶² Поэтому она не может быть отнесена к письменным источникам, из которых можно извлечь историческую информацию о епископе Феодоре.

Таким образом, утверждения, содержащиеся в диссертации П. Н. Травкина относительно епископа Феодора, не находят своего подтверждения в письменных источниках. Феодор не был волхвом, избранным епископом для утверждения двоеверия.

Полемика с рядом положений диссертации П.Н. Травкина содержится в моих работах «Епископ Феодор и проблема двоеверия» и «Найдено ли в Плесе святилище Велеса?».⁶³

-
- ¹ *Травкин П. Н.* Сакральные представления населения малого города Волго-Клязьминского муждуречья XII – н. XIII веков (на примере г. Плёса). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Иваново, 2003.
- ² *Травкин П. Н.* Язычество древнерусской провинции. Малый город. – Иваново, 2007.
- ³ *Травкин П. Н.* Сакральные представления, с. 158–159.
- ⁴ Там же, с. 159.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же, с. 79 – 95.
- ⁷ Там же, с. 97.
- ⁸ *Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В.* Древнерусская церковь и архаические традиции // Язычество восточных славян. Л., 1990, с. 10.
- ⁹ *Мильков В. В., Пилюгина Н. Б.* Христианство и язычество: проблема двоеверия // Введение христианства на Руси. М., 1987, с. 263–274.
- ¹⁰ Травкин П. Н. Ук. соч., с. 158–159.
- ¹¹ Там же, с. 158–159.
- ¹² Там же, с. 159.
- ¹³ *Травкин П. Н.* Язычество древнерусской провинции. Малый город. Глава V. Портрет провинциального волхва (<http://www.travkin-museum.ru/yazich5.html>).
- ¹⁴ См.: *Травкин П. Н.* Сакральные представления, с. 181–183.
- ¹⁵ Полное собрание русских летописей. Том I. Лаврентьевская и Троицкая летописи. – СПб., 1846, с. 151–152.
- ¹⁶ Полное собрание русских летописей. Том II. Ипатьевская летопись. Издание второе. – СПб., 1908, с. 378–379.
- ¹⁷ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. – СПб., 1862, с. 239–241.
- ¹⁸ Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. – М., 1978, с. 77–79.
- ¹⁹ Летописец о ростовских архиереях. С примечаниями члена-корреспондента А. А. Титова. – СПб., 1890, с. 2–4.
- ²⁰ ПСРЛ, т. IX, с. 223–229; Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Том VI. Памятники древнерусского канонического права. Часть первая. – СПб., 1880, столбец 68.
- ²¹ ПСРЛ, т. IX, с. 239.
- ²² Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. Т. II, СПб., 1847, с. 154;

Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Том I. – Спб., 1893, столбец 1183).

²³ *Рыбаков Б.А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». – М., 1972, с.307, 507; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI – первая половина XIV в.). Отв. ред. Д.С.Лихачев. – Л., 1987, с. 331–332.

²⁴ *Татищев В.Н.* История Российская. Часть вторая (вторая редакция) //Татищев В.Н. Собрание сочинений. Тома II и III. История Российская. – М., 1995, с. 91.

²⁵ *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. – М. – Л., 1947, с. 232–236.

²⁶ Подробнее см.: Виталий (Уткин), игум. Прав ли Павел Травкин? Выпуск первый: Епископ Феодор и проблема «двоеверия». – Иваново-Вознесенск/Плѣс, 2015, с. 15–16.

²⁷ ПСРЛ, т. IX, с. 225; Русская историческая библиотека (РИБ), т. VI, столбец 68

²⁸ *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. Издание Археографической комиссии. – Спб., 1877, столбец 589

²⁹ Полное собрание русских летописей. Том II. Ипатьевская летопись. – Спб., 1843, с. 30.

³⁰ *Татищев В.Н.* История Российская. Часть вторая (вторая редакция) // Татищев В. Н. Собрание сочинений. Тома II и III. История Российская. – М., 1995, с. 87–88.

³¹ *Веселовский А.Н.* Опыты по истории развития христианской легенды // ЖМПН, 1876, № 6, с. 366;

Лебедев А. П. Очерки истории Византийско-восточной Церкви от конца XI до половины XV века. – М., 1892, с. 309.

³² *Рыбаков Б.А.* Язычество древней Руси. – М., 1987, с. 743–746; Громов М.Н., Мильков В.В. Идеиные течения древнерусской мысли – Спб., 2001, с. 282–283.

³³ Подробнее см.: Виталий (Уткин), игум. Прав ли Павел Травкин? Выпуск первый: Епископ Феодор и проблема «двоеверия». – Иваново-Вознесенск /Плѣс, 2015, с. 43–47.

³⁴ *Татищев В. Н.* Ук.соч., с. 87.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, с. 88.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

-
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ ПСРЛ, т. IX, с. 222.
- ⁴¹ *Громов М. Н., Мильков В. В.* Идейные течения древнерусской мысли..., с. 286.
- ⁴² ПСРЛ, т. I, с. 151.
- ⁴³ ПСРЛ, т. IX, с. 239.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Летописец о ростовских архиереях, с. 3.
- ⁴⁸ *Татищев В. Н.* Ук.соч., с. 91.
- ⁴⁹ ПСРЛ, т. IX, с. 222.
- ⁵⁰ ПСРЛ, т. IX, с. 228.
- ⁵¹ Татищев В. Н. Ук.соч., с. 91.
- ⁵² ПСРЛ, т. I, с. 152; ПСРЛ, т. II (1908 г.), с. 378–379; ПСРЛ, т. IX, с. 239–240,⁵² Пискаревский летописец, с. 77; Летописец о ростовских архиереях, с. 3 – 4; Татищев В. Н. Ук.соч., с. 91.
- ⁵³ ПСРЛ, т. IX, с. 239.
- ⁵⁴ Летописец о ростовских архиереях, с. 3.
- ⁵⁵ ПСРЛ, т. IX, с. 239.
- ⁵⁶ ПСРЛ, т. I, с. 151–152.
- ⁵⁷ ПСРЛ, т. II (1908 г.), с. 378–379.
- ⁵⁸ Пискаревский летописец, с. 77–78.
- ⁵⁹ *Татищев В. Н.* Ук.соч., с. 91.
- ⁶⁰ *Еремин И. П.* Притча о слепце и хромце в древнерусской письменности // Известия ОРЯС АН СССР, т. XXX. – М., 1925, с. 351; Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // Труды Отдела древнерусской литературы. Том 11. – М. – Л., 1955, с. 342–343.
- ⁶¹ *Сон Джонг Со.* Житие Кирилла Туровского в составе Пролога// Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 55 СПб., 2004, с. 231.
- ⁶² Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. Т. 4: XII век. – СПб., 1997, с. 293.
- ⁶³ *Виталий (Уткин)*, игум. Прав ли Павел Травкин? Выпуск первый: Епископ Феодор и проблема «двоеверия». – Иваново-Вознесенск /Плёт, 2015; Виталий (Уткин), игум. Прав ли Павел Травкин? Выпуск второй: Найдено ли в Плёсе святилище Велеса? – Иваново-Вознесенск /Плёт, 2015.

В. Н. Алексеев

КИБАРТЫ – МЕСТО РОЖДЕНИЯ ХУДОЖНИКА ИСААКА ЛЕВИТАНА

Сведения о месте рождения людей, тем более знаменитых, как правило, не являются камнем преткновения для поздних исследователей. Однако, в случае с И. Левитаном ситуация оказывается противоположной. Разные авторы указывают место рождения художника различно. Пишут, например, что Левитан родился «в глухом местечке Кибарты при станции Вержболово»¹, «в посаде Кибарты, близ станции Вержболово»², «в Кибартай»³, «в небольшом городишке под названием Кибартай»⁴, «в местечке у железнодорожной станции Кибарты»⁵, «на западной окраине России, неподалёку от пограничного пункта Вержболово»⁶. Также встречаются выражения «еврейское местечко Кибарты», «деревня вблизи местечка Кибарты».

На интернет-сайтах «Кибарты» и «Кибартай» сочетаются с фотографиями начала XX века, на котором изображен железнодорожный вокзал с надписью «Вержболово» или по-немецки «Wirballen» (илл. 1).

Илл. 1. Вокзал станции Вержболово

© Алексеев В. Н., 2016

Наибольшее разнообразие проявляется в указаниях левитановедами административной принадлежности Кибарты. Кибартай называют литовским городком⁷, а Кибарты относят то к Ковенской⁸, то к Сувалкской⁹ губерниям, то к Царству Польскому¹⁰.

«Посад Кибарты Сувалкской губернии» указан местом рождения И. Левитана и в Большой российской энциклопедии¹¹.

Вероятно, первым из всех этих сведений следует считать указание С. С. Вермеля – «посад Кибарты, близ станции Вержболово, Сувалкской губернии»¹².

Очевидно, что подобная ситуация требует специального исследования.

Достаточно просто решается вопрос об административной принадлежности поселения Кибарты. Действительно, во время отъезда семейства Левитанов в Москву, то есть ко времени возможного оформления первых документов на Исаака Левитана, Кибарты принадлежали Сувалкской губернии (город Сувалки ныне находится на территории Польши). Но в год рождения И. И. Левитана, то есть в 1860 г. Сувалкской губернии ещё не существовало: она была образована только в 1866 г. До этого, то есть с 1837 до 1866 гг. древняя литовская область Сувалкия и входившие в неё Кибарты относились к Мариампольскому уезду Августовской губернии Царства Польского. Что касается Ковенской губернии, то при ее образовании в 1846 г. Сувалкия осталась в Августовской губернии.

Таким образом, И. Левитан родился на территории Мариампольского уезда Августовской губернии Царства Польского, с 1815 года находившегося в составе Российской империи. Указания на Сувалкскую и Ковенскую губернии следует признать ошибочными.

История Кибарты и семьи Левитанов оказалась связанной с Петербурго-Варшавской железной дорогой, строившейся в России с 1852 по 1862 гг. Одним из боковых ответвлений от главного направления стала дорога Ландварово – Ковно (Каунас) – Вержболово, приводившая к русско-прусской границе. Эта дорога прошла рядом с Кибарты и в двух верстах от Вержболово, но пограничную станцию назвали всё-таки Вержболово

(по-немецки «Wirballen»). По другую сторону границы за мостом через реку Лепону располагался прусский городок Эйдкунен (ныне пос. Чернышевское Калининградской области). В Вержболове было возведено каменное пассажирское здание вокзала и крытая товарная платформа.

В 1861 г. произошла стыковка прусской и российской дорог. Из-за разницы в ширине колеи здесь происходила пересадка из российских вагонов в прусские. Стоянка составов была достаточно долгой, а Вержболово быстро превратилось в крупный таможенный пункт. Для покидавших Россию людей Вержболово переход в другой поезд становился символическим прощанием с Родиной, и по этой причине Вержболово надолго сохранялось в памяти. Так, в стихотворении Ильи Эренбурга «России» (1913 г.) были следующие строки:

...Если я когда-нибудь увижу снова
И носильщиков, и надпись «Вержболóво»,
Мутный, ласковый весенний день,
Талый снег и горечь деревень,
На дворе церковном бурые дорожки
И березки хилой тонкие сережки, -
Я пойму, как пред тобой я нищ и мал,
Как я много в эти годы растерял...

Только с 1866 г. Кибарты стали принадлежать Вилковишскому уезду новообразованной Сувалкской губ. Вероятно, таковая административная принадлежность указывалась в документах Левитана при выезде их в Москву. Что касается Ковенской губернии, то ссылки на нее должны быть признаны ошибочными.

Последнее уточнение касается типа поселения, к которому относились Кибарты, поскольку таковым называют и город, и погост, и местечко. Как мешанское поселение Кибарты могли считаться местечком, т.е. торгово-ремесленным поселением полугородского типа, не имеющим независимого самоуправления. Местечки были очень распространены в Польше и соседних государствах.

34-57.
4-е изд.

Ст. Вержболово. Сѣв.-Зап. ж. д.
Улица въ п. Кибарты.

Wirballen. Une rue à Kybarty.

Илл. 2. Станция Вержболово сев-зап. жел. дороги. Улица в п. Кибарты

В то же время есть указание, что «в 1856 году посад, расположенный вблизи таможенного пункта Вержболово, получил статус города»¹³. Если такое случилось, то Кибарты стали весьма небольшим заштатным городом. На картах того времени погосты и заштатные города обозначались одинаковыми значками, что подчёркивает великую разницу между ними. Надо заметить, что погосты, как центры сельских общин были, как правило, не земледельческими, а скорее ремесленными поселениями, что сближало их с городами.

Единственным известным нам документом, проливающим свет на вопрос о том, к какому типу поселений относились Кибарты, является фотография улицы в Кибарты, сделанная уже после постройки железной дороги¹⁴ (илл. 2). На подписи к фотографии есть слова: «Улица въ п. Кибарты». Это может означать, что Кибарты в то время по-прежнему считались погостом.

Таким образом, мы полагаем, что правильным будет следующее утверждение: **«Исаак Левитан родился в погосте Кибарты Мариампольского уезда Августовской губернии Царства Польского»**.

- ¹ Прытков В. А. Левитан. – М.: Академия художеств, 1960. С. 5
- ² Пророкова С. Л. Левитан. Серия ЖЗЛ – М.: Молодая гвардия, 1960. С. 11; Дружинина С.Н. Левитан. – М.: Знание, 1960. С. 7; И. И. Левитан. Письма, документы, воспоминания (под ред. А. Федорова-Давыдова). – М.: Искусство, 1956. С. 302.
- ³ Большая советская энциклопедия.
- ⁴ Сайт www.art-porerets.ru/hudozhnik_levitan.html
- ⁵ Петров В. А. Исаак Левитан. – М.: Белый город, 2000. С. 4.
- ⁶ Исаак Ильич Левитан. 1860–1900. М.: Директ-Медиа, 2009. (автор текста С. Королёва).
- ⁷ wap.coffee.unoforum.ru/
- ⁸ Глаголь С. С., Грабарь И.Э. Исаак Ильич Левитан. Жизнь и творчество. – М., 1913.
- ⁹ Фёдоров-Давыдов А. А. И. И. Левитан. М., 1966.
- ¹⁰ www.pv-gallery.ru/author/1609/Levitan-I-I
- ¹¹ Большая российская энциклопедия. Т. 17. – М., 2011. С. 122.
- ¹² Вермель С. С. Исаак Ильич Левитан и его творчество. – СПб, 1902. С. 11.
- ¹³ <https://ru.wikipedia.org/wiki/Кибартай>; nailizakon.com/fotogalereya_litva/.../kybartai.html.
- ¹⁴ nailizakon.com/fotogalereya_litva/.../kybartai.html.

Д. Л. Подушков

ХУДОЖНИКИ И. И. ЛЕВИТАН И К.А. КОРОВИН В ВЫШНЕВОЛОЦКОМ УЕЗДЕ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ (ВЫШНИЙ ВОЛОЧЁК, УДОМЛЯ)

Почему Исаак Ильич Левитан оказался в 1893 г. в Вышневолоцком уезде Тверской губернии первоначально в усадьбе Гирино на реке Мста, а затем в усадьбе Ушаковых на оз. Островно? Точного ответа на этот вопрос, в общем-то, нет. Наше предположение – к этому его мог подвигнуть его ближайший друг Константин Алексеевич Коровин, который в Вышнем Волочке и уезде бывал с раннего детства.

Вышний Волочёк, 1870-е гг.

Первые воспоминания Константина Коровина о Вышнем Волочке относятся к 11-летнему возрасту, т.е. к 1872 году. В рассказе «Моя жизнь» он пишет: «К весне я и мать поехали /из Москвы – Д. П./ к бабушке моей, Екатерине Ивановне, в Вышний Волочек... Летом я всегда уходил к Дубинину и ходил с ним на охоту. Купался в реке, промокал под дождем, и эта жизнь охотника сделала то, что я скоро вырос, и уж на двенадцатом году был крепкий и выносливый» (Коровин, 2010, т. 1, с. 46). Именно в этот приезд, как вспоминает Коровин, он начал рисовать: «Старые каменные дома улицы, около каналов, наполовину ушли в землю. Мне это так нравилось, и я начал рисовать эти дома. Бабушка мне купила акварельные краски, и я все рисовал в свободное время» (Там же, с. 46).

Пребыванию в Вышнем Волочке посвящены несколько рассказов-воспоминаний Коровина: «Моя жизнь», «Лошадиная голова», «На охоте», «Шарик», «Собака и барсук», «Старая Русь», «Утеха»...

Город Коровину очень нравился, и он использовал по отношению к нему в рассказах только превосходные эпитеты: «новый рай», «чудесный город Вышний Волочек». Природа вышневолоцкого края восхитила мальчика: «природа, созерцание ее было

самым существенным в моем детстве. Природа захватывала всего меня, давая настроение, как бы ее изменения вместе слиты с моей душой. Гроза, мрачная непогода, сумрак, бурные ночи – все впечатляло меня... Это было для моей жизни и чувства самое главное».

Собственно говоря, именно восхищение городом и окрестной природой и подвигло Коровина к занятию живописью: «У меня появилось новое увлечение. На больших картонах красками, которые я купил в порошках в москательной лавке в Вышнем Волочке, с гуммиарабиком и водой, писать картины мест и настроений, которые я встречал в бесконечных хождениях по лесам, трущобам, рекам, кругом озера. Костры, стога, сарай – писать от себя, не с натуры. Ночи, тоскливые берега... И странно, почему-то нравилось все изображать тоскливо, печально, унылое настроение» (Там же, с. 49). Затем «приехал мой брат Сергей, который уже поступил в Московскую школу живописи, ваяния и зодчества. И писал с натуры этюды... Осенью он взял мои наброски и портрет ... женщины. Показав работы мои в Училище, написал письмо матери, что Костю примут в Школу без экзамена, потому что очень понравились мои работы профессорам Саврасову и Перову, и советует мне серьезно заняться живописью, причем прислал из Москвы замечательные вещи: краски в коробках, кисти, палитру, ящичек старый, – все это было до того замечательно и упоительно. Какие краски, как они приятно пахли, я был взволнован и не спал всю ночь» (Там же, с. 47). «Твои этюды видел Алексей Кондратьевич Саврасов и очень тебя похвалил. А Левитан сказал, что ты особенный и ни на кого не похож из нас...» (Там же, с. 53). – Именно родство душ сблизило Левитана и Коровина. Всю студенческую жизнь они будут связаны самыми тесными узами дружбы.

Удомля, Островно – 1893, 1918–1921 гг.

По утверждению потомственного учителя с. Островно Удомельского района Н.Н. Зольникова (1897-1977), чей отец работал учителем в Островенской школе с 1870-х годов, в 1893 г. Коровин на несколько дней приезжал к Левитану в усадьбу Уша-

ковых в с. Островно: «В первое лето, сюда к Левитану в гости приезжал и К. Коровин, но ненадолго» (1971).

А в послереволюционное лихолетье, в период голода, разрухи, атаки «нового пролетарского искусства» на искусство традиционное, в течение двух с половиной лет усадьба Ушаковой станет для Коровина и его семьи бухтой спасения от потрясений.

И это очень интересно увидеть усадьбу Ушаковых, в которой Левитан гостил в 1893–1894 гг., глазами его ближайшего друга 25 лет спустя. Хотя Левитана в Островно терзали любовные страсти, быт его был устроен и благополучен, что создало прекрасные условия для плодотворной работы и написания многих десятков картин, в т.ч. «Над вечным покоем», «Март», «Золотая осень» и др. Коровин же оказался в Островно в очень сложных бытовых условиях. Кто знает, доживи Левитан до этих смутных времён, может быть он тоже оказался бы снова в этих местах...

Коровин прожил в Островно, согласно нашим исследованиям, с небольшими перерывами с конца 1918 по 1921 год. О его жизни там мы знаем, прежде всего, из его писем (всего 22) с августа 1919 г. по 1921 года.

Спутник Коровина художник В. В. Рождественский (1884–1963) вспоминал: «Кончалась зима, за окном начинали синеть подмосковные дали...

Заканчивались занятия в мастерских... Тоска по природе заставляла и меня подумать о выезде из Москвы.

Архипов, Коровин и я остановились на Тверской губернии. Нашлись ученики, которые хорошо знали эти места, и мы, посоветовавшись, решили ехать на станцию Удомля Вышневолоцкого уезда. Привлекало ещё то, что здесь до революции работали художники: Левитан, Жуковский, Богданов-Бельский, Бялыницкий-Бируля, Степанов и другие, поэтому население привыкло к художникам...».

В Удомлю Коровин приехал больным человеком, страдающим болезнью сердца (как и Левитан!) Вместе с ним приехала его жена Анна Яковлевна, урожд. Фидлер (1872–1947) и сын Алексей (1897–1950). Алексей упал с подножки трамвая в Москве и получил серьёзную травму ноги, которая после ган-

грены была ампутирован по колено. Судьба сына сильно тяготила художника.

Алексей Коровин о приезде в Островно: «Вскоре мы переехали в огромный старинный дом – весь деревянный, с огромными окнами, колонной залой, клавесином. Все в запустении, какой-то покинутый дом Лариных. Соседом Коровина является Богданов-Бельский. Коровин, очарованный новой для него романтикой места, начинает работать, к нему приходят друзья-москвичи – академик Архипов, Рождественский.

Все живут зимой как на острове, отрезанные от страшного мира. Кстати, это место и называлось Островно» (Киселёв, с. 68).

Во время приезда Коровина Богданов-Бельский с женой уже жил в Островно в доме Ушаковых. Таким образом, на двух соседних озерах Удомля и Островно в четырёх усадьбах поселилась целая колония художников: Коровин и Богданов-Бельский жили в с. «Островно», Моравов – в «Гарусово», Архипов – в «Роще», Рождественский и Бялыницкий-Бируля (наездами) – в «Чайке». Художник С. Ю. Жуковский жил со своей семьёй в ус. «Павлово» на оз. Молдино, в пятнадцати километрах по прямой на юго-восток от ст. Удомля.

Фотографии Коровина удомельского периода нам не известны, а только близкие к нему по времени. Но мы предполагаем, что на картине Н. П. Богданова-Бельского «Художник за мольбертом» («Кристи», Лондон, 1998 г.) изображён именно К. А. Коровин в Островно (атрибуция Д. Л. Подушкова).

Спустя время, по приглашению Коровина в Островно приехал друг художника философ Борис Николаевич Вышеславцев (1877–1954) с женой Натальей Николаевной.

3 февраля 1919 г. на даче художника В. К. Бялыницкого-Бируля «Чайке» были организованы Государственные художественные мастерские. Коровин получил должность «консультанта по живописи». Этот статус, вероятно, давал также какое-то материальное содержание, скорее всего в виде натурального продпайка.

Рождественский вспоминал: «Подхожу к потемневшему от времени деревянному двухэтажному островенскому дому... Константин Алексеевич доволен, что я пришёл, и ведёт в свою комнату. Сажусь в старинное кресло, а он полужёжа располагается на кровати. В комнате холодно и неудобно: на полу, на окнах, на

столе валяются окурки, чувствуется, что хозяину всё как-то безразлично. Константин Алексеевич скучал, и мой приход вносит некоторое разнообразие.

Говорили о живописи, о рыбной ловле. Константин Алексеевич увлекается, и во всём видишь большого артиста. Он читает написанные им охотничьи очерки. Они сделаны с большим чувством природы, ярки и оптимистичны».

Современники и не предполагали о литературной одаренности Коровина. «Лишь в первые годы революции, когда Константин Алексеевич очутился в глухой деревне и оказался временно оторванным от художественно-театральной деятельности, когда весь привычно стремительный ритм его жизни был резко нарушен и у него оказалось много свободного времени, он предаётся дорогим его сердцу воспоминаниям о прошлом и близких ему людях, одаривших его вниманием и любовью. Так родился целый цикл мемуарных очерков, в которых он с благодарностью говорил о своих родных, об учителях и товарищах» (Коровин, 1963, с. 7). В отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи хранятся часть очерков, «написанные в имении «Островна» с. Удомля Тверской губ. в 1920 г.»: «Преподаватели» / Московского училища живописи, ваяния и зодчества – П. Д./, «Врубель», «Третьяков», «Поленов», «Серов», «Левитан», «Шаляпин».

Из Островно Коровин ведёт интенсивную переписку прежде всего со своим агентом по продажам картин И. К. Крайтором (1880–1957), который периодически приезжал в Островно, забирал картины, привозил деньги, продукты, вещи, необходимые для работы материалы.

В августе 1919 г. в одном из писем Крайтору он пишет об Островно, что «место очень красивое, но совершенно голодное, хлеба нет, и вообще достать еду трудно чрезвычайно, так что я напрасно поехал... Начал писать».

Алексей Коровин: «Здесь Коровину приходится не продавать свои картины, а для того, чтобы жить, ибо голод и в деревне, заниматься невиданным товарообменом: менять старый пиджак на керосин, муку, дрова. Какие-то проезжие спекулянты покупают небольшие миниатюры – воспоминания о Париже, Италии и другие, которые К. А. исполнял по памяти, и платят крупой, ма-

хоркой, керосином, салом. Коровин, прожив самый мучительный для Москвы год в этом обетованном месте, неустанно работает...».

Очень информативны воспоминания Б. П. Вышеславцева: «Самый трудный год революционного периода двадцатый мы с Коровиным провели вместе и безвыездно в Островно Тверской губернии... Коровин жил в том самом старом помещичьем доме, где когда-то гостил и работал Левитан... Мы прожили здесь целый год, предоставленные самим себе, изолированные от всякой культуры... Мы заготавливали дрова на зиму, делали запасы, как американские охотники среди индейцев, в значительной степени поддерживая своё существование охотой и рыбной ловлей. Мы были совсем одиноки: в доме, где жил Коровин, обитал ещё Богданов-Бельский, а верстах в десяти – ещё три художника – Архипов, Рождественский, Моравов... Придётся, бывало, вечером к Константину Алексеевичу – сидит он у камина и особым образом укладывает дрова вокруг пламени, чтобы сразу топились и сохли. Курит он крошево и малиновый лист, табаку редко можно было достать, и шёл он больше в обмен за молоко или яйца. Затем зажигает своеобразно пристроенную лампаду, в которой горит сиккатив, и при этом освещении начинает писать миниатюры. С величайшим трудом мы доставали немного керосину, и тогда Коровин работал больше. В своих удивительных миниатюрах он воплощал далёкую и недоступную нам красоту: моря, замки, южные облака, золотые плоды и женщин, окутанных тканями Востока... а иногда – Париж, Венецию или испанский кабачок... Здесь он написал фигуры женщин на балконе, чай в саду весной, женщина у окна летом, замечательное по настроению зимнее окно и множество пейзажей».

Учитель Островенской школы Н. Н. Зольников вспоминал: «Коровин больше рисовал свою жену, других дам и мужчин, причём в каком-то романтическом окружении, ярких, нарядных. Много писал натюрмортов с цветами. Поставит, бывало, ребятшек на мостик и «нарядит» их на полотне в яркие костюмы. На заднем фоне горы нарисует и смеётся: «Вот вам и альпийские виды!» Человек он был удивительно весёлый, добрый, общительный, ребятня так и бегала за ним, помогая что-нибудь нести или просто глаза. Он иногда с ними играть задумает и даже подобьёт на какие-либо проказы, но не злые, и сам же потом заливается смехом. В то время ведь уже и немолодой был, а вот, поди ж ты,

какой. Ребятня окрестная в нём души не чаяла, он у них кумиром был... Зимой он с Богдановым-Бельским с ребяташками забавы разные из снега устраивали: слепят фигуры разные да раскрасят. А летом Константин Алексеевич всех мальчишек забирал рыбу ловить – рыболов был страстный».

Коровин уехал из Островно весной 1921 года. По нашим подсчётам здесь им было написано ок. 150 картин. Основные темы: портреты, натюрморты, пейзажи, эскизы декораций для Большого театра для опер «Китеж Великий», «Жар птица», «Хованщина»...

Оценка творчества Коровина, в т. ч. и удомельского периода, дана искусствоведом И. Хвойником в октябре 1921 г.: «В работах последних лет гармония красок у Коровина становится всё стройнее, всё тоньше и проникновеннее – всё задушевней и благородней звучат их переливы и сочетания... Поэзия синеющих сквозь окно сумерек, не печальных, не скорбно-унылых, а тихо манящих, волнующе-таинственных. Не смотря на шестидесятилетний возраст художника взор его, всё ещё юношески-свежий и жадный, углублённый внутренним зрением... И так явственно громко звучит пушкински – ясная, светлая грусть-очарование...».

Н. П. Богданов-Бельский. К. А. Коровин в Островно. 1920-е гг.

Атрибуция Д. Л. Подушкова

Подробно жизнь К. А. Коровина в Вышнем Волочке и Островно описана в книге Д. Л. Подушкова «Художник К. А. Коровин в Вышневолоцком уезде Тверской губернии» (Вышний Волочёк, 2011. – 108 с.) Там же приведён полный список литературы и источников.

С. В. Кривонденченков

«ШЕСТЬ ПЛЕНЭРНЫХ ЭТЮДОВ» И. И. ЛЕВИТАНА

«Шесть пленэрных этюдов» – так называется произведение И. И. Левитана из частного петербургского собрания, прошедшее исследование в Государственном Русском музее в 2015 году. Малоизвестные этюды живописца периодически появляются на выставках и аукционах, но данная работа является уникальной в

творческом наследии известного мастера лирического пейзажа. То, что она представляет для искусствоведов особый интерес, стало понятно уже при «первичном» визуальном исследовании.

В качестве материала для основы художником было выбрано дерево. В отличие от холста и картона, деревянная основа, тем более с крупным размером (37x51,5 см), у Левитана встречается редко. В свободном правом нижнем углу нанесена подтверждающая надпись: «Удостоверяю этюды моего брата И. Левитана. А. Левитанъ». Но главную информационную ценность при изучении работы, безусловно, представляют сами изображения. Их всего семь: шесть небольших по размерам летних панорам с лицевой стороны и на обороте – разительно отличающийся от них полустертый пейзаж с укрупненными формами осенних деревьев на ближнем плане. Подобный изобразительный прием при передаче стволов деревьев, ограниченных верхней частью рамы, можно видеть, например, в рисунках «Осень» (1885, ГРМ), «Стволы деревьев» (вт. пол. 1890-х, ГТГ) или «Дорога в лесу» (ок. 1899, ГРМ). Вероятно, пейзаж реверса появился ранее серии из шести этюдов.

© Кривонденченков С. В., 2016

Аналогичные композиции из зарисовок, нацеленные на решение определенных художественных задач, создавались не только Левитаном, но и другими русскими художниками. Размещение на одной плоскости нескольких этюдов говорит об особой увлеченности автора живописным процессом. Анализ шести живописных этюдов выявляет подчиненность пяти из них центральному изображению. Причем в данном случае несколько этюдов были созданы художником для написания одного, наиболее значимого. Так, в двух небольших этюдах в правой части разрабатывались определенные живописные формы, в трех других в левой части – решались задачи организации живописного пространства, освещения и колорита. Рассмотрим представленные изображения.

На первом этюде запечатлены две крестьянки с граблями. Миниатюрные фигурки не только не теряются на общем фоне, но точно передают состояние и одежду женщин. Одна из них гребет сено. Крестьянка одета в длинную белую рубашку и подвернутую

за пояс синюю юбку, на голове у нее повязан платок красноватого оттенка. Того же оттенка сарафан мы видим и на другой крестьянке, к особенностям костюма которой можно отнести изображение головного убора в виде кики. Несколькими прикосновениями кисти художник добивается убедительности живописных форм, которые он дополняет передачей теней от фигур людей и их орудий труда. Подобной виртуозностью кисти отмечены многие работы позднего периода творчества Левитана. Несмотря на лаконичность и свободу письма, живописец с одинаковой ответственностью подходил к изображениям всех деталей деревенского пейзажа, будь то домашняя птица, сараи, деревья на дальнем плане или однообразный косогор.

Второй этюд исследуемой работы представляет собой изображение стога сена. Его верхушка выразительным силуэтом выделяется на фоне светлого неба. Справа от стога лежит короткая тень, слева к нему приставлен тонкий березовый ствол, рядом расположено еще несколько предметов. Здесь вновь следует отметить необычное сочетание описательного подхода с умелым обобщением живописных форм.

Пейзажный мотив со стогами сена очень часто встречается в произведениях Левитана конца 1890-х годов. В некоторых из них, например, в картине «Поздняя осень» (1894–1898, ГРМ), без документального взгляда живописца трудно представить себе достоверный поэтический образ запечатленной природы. При этом совершенство исполнения порой может скрывать очень долгий поиск композиционной гармонии форм.

Примером подобной подготовительной работы служит третий пленэрный этюд рассматриваемого произведения. Он более вытянут по горизонтали, что позволяет охватить в изображении протяженный участок ландшафта. Художник будто ищет своеобразные опорные точки будущей композиции пейзажа и общее соотношение цветовых плоскостей земли, леса и неба. Однако значительная удаленность точки обзора местности заметно усиливает описательный характер дальнего плана.

В центральном, наиболее масштабном этюде, изменяется пространственный ракурс пейзажа. Внимание зрителя первоначаль-

чально акцентируется на левой части композиции с изображением выдвинутого на ближний план стога сена, который выделяется четким силуэтом и контрастной светотенью. Затем взгляд невольно перемещается вправо и в глубину к удаляющимся стогам и фигуркам крестьян, к высветленным полям и темнеющей у горизонта полосе деревьев. Для построения живописного пространства Левитан мастерски использует прием соотношения форм и эффект визуального чередования цветовых пятен.

И. И. Левитан, несомненно, был удовлетворен подобным решением пейзажного мотива и считал его удачным. Подтверждением тому является факт существования уменьшенного по размерам этюда «Уборка сена» (1900(?), ГРМ), точно повторяющего рассмотренное выше изображение. В свою очередь, оба эти этюда легли в основу последней картины Левитана «Уборка сена» (1900, ГТГ), оставшейся неоконченной.

Говоря о времени и месте создания «Шести пленэрных этюдов», можно утверждать, что они были написаны летом 1899 года во время пребывания художника в деревне Окуловке Новгородской губернии. Левитан приехал сюда в конце апреля и долгое время не мог приступить к полноценному творческому процессу. Так, в одном из его писем от 13 июля 1899 года появились наполненные грустью строки: «...черт занес меня в Новгородскую губернию. Тоска такая, что просто ложись и помирай. Не с кем слова сказать. Не работаю совсем и почти не в состоянии читать»¹. Однако во второй половине лета, до отъезда в Москву в конце августа 1899 года, живописец плодотворно занимался на природе, изображая деревенские избы, сенокос, окрестную природу с перелесками и озерами северной границы Валдайской гряды.

Этот короткий новгородский период творчества Левитана оказался очень важным для последнего года жизни художника. Впечатления от окуловского деревенского лета нашли отражение во многих работах мастера, что просматривается и непосредственно в сюжетах произведений, и в новом содержании решаемых художественных задач. Их проблематику постараясь понять, обратившись к двум оставшимся пленэрным этюдам.

Особенностью этих этюдов является избранное для натурной работы вечернее и ночное время суток, что способствует передаче необычного освещения пейзажей. В изображении со стогом сена не осталось и следа от летнего полдня с ярким солнцем и короткими тенями от предметов. Приглушенная цветовая гамма, тонально объединенная оттенками коричневатого цвета, придает вечернему безлюдному пейзажу настроение таинственности и легкой тревоги. В подобных работах описательная сторона изображения уступает место передаче состояния природы, что становится возможным благодаря искусству Левитана «писать воздух», что, по мнению учителя художника, А. К. Саврасова, является наиболее важным при создании пейзажа.

Левитан открывает для себя различные нюансы художественных образов деревенской природы, раскрывающиеся в вечернее время суток. В некоторых картинах последние лучи солнца придают обыденным крестьянским уголкам ощущение особой поэтики и теплоты («Последние лучи солнца» (1899, ГТГ) «Летний вечер» (1900, ГТГ). В других работах аналогичные виды приобретают иное звучание: солнце скрылось и в изображениях деревенских построек появляется жесткий выразительный силуэт, мрачноватые контуры темных цветочных пятен («Избы. После захода солнца (1899, ОМИИ), «Избы» (1899, НГХМ).

Отдельную группу произведений Левитана представляют собою пейзажи с луной. Художник не обошел вниманием этот мотив и во время натурной работы на сенокосе в Окуловке. На шестом пленэрном этюде он пишет фрагмент хорошо знакомой местности, которую освещает серп луны. Здесь ничто не напоминает о присутствии человека: нет изображений крестьян и предметов их быта, вне зоны видимости остались стога сена. Живописец специально выбирает заниженную линию горизонта, увеличивая плоскость неба для создания некой цезуры между светлым пятном месяца и полосой темнеющего леса. Благодаря приему обобщений живописных форм месяц начинает восприниматься не только как своеобразный источник света в картине, но и как знак или символ магического состояния природы.

Общеизвестно, что одной из особенностей творчества Левитана является многократное обращение к любимым пейзажным мотивам и совершенствование их до пределов, по выражению художника, «истинно больших ощущений». Одной из таких кульминационных точек творческого развития лунного пейзажа стало создание картины «Сумерки. Луна» (1899, ГРМ). Ничего лишнего и отвлекающего от главной идеи произведения, только земная красота природы и вечный лунный свет. Символично-философское звучание пейзажа, современный изобразительный язык – все это гармонично вписывалось в новую эстетику рубежа столетий. Не случайно в это время Левитан участвует в выставке мюнхенского "Secessiona", сближается с С. П. Дягилевым и художниками объединения «Мир искусства».

Еще до появления программных произведений голуборовцев Левитан открыл для себя особое состояние световоздушной среды в природе, когда предмет получает многозначную смысловую окраску. Это состояние характеризуется словом «сумерки», повторяющимся в названиях работ пейзажиста. Конечно, желаемое впечатление в изображении вечернего или лунного ночного пейзажа достигалось при помощи выверенных сочетаний тональных отношений цвета. Например, при сравнении графического и живописного исполнения близких друг к другу сюжетов («Гумно. Сумерки» (1899, ГТГ) и «Сумерки» (1899, ГТГ), именно в последнем убедительнее выглядит сумеречное состояние природы.

Также интересно проследить этапы художественного совершенствования общепризнанного шедевра – «Сумерки. Стога», обратившись к одноименному этюду (НГХМ) и картине (ГТГ). В последней художник достигает «законченности» пейзажного мотива, но при этом не лишает его непосредственности и натурального правдоподобия. В картине качественные изменения касаются не только техники исполнения, но и смыслового содержания изображения. Интуитивно определив некий эмоциональный «нерв» запечатленного пейзажа, Левитан убедительно повторяет высокохудожественные образы природы. Так в декабре 1899 года художник написал несколько удлиненный по горизонтали вариант найденной ранее композиции «Сумерки. Стога». Это изображе-

ние получило название «Стога сена в лунную ночь» и было вмонтировано в камин дома А. П. Чехова в Ялте. В письме к О. Л. Книппер от 2 января 1900 года Чехов сообщает: «У нас Левитан. На моем камине он изобразил лунную ночь во время сенокоса. Луг, копны, вдали лес, надо всем царит луна»². Случайно ли появление в доме Чехова именно этого пейзажа? Конечно, нет. Луна и ранее становилась объектом общего внимания друзей. Например, в одном из писем 1898 года Левитан пишет Чехову: «Луна даже была лучше Вашей, а теперь ее так же нет, как и у Вас»³. Не подлежит сомнению, что «каминное» изображение обязано своим появлением натурной работе пейзажиста во время сенокоса в далекой деревне Новгородской губернии. «Шесть пленэрных этюдов» – одно из документальных тому подтверждений.

¹ *Левитан И. И.* Письма. Документы. Воспоминания. – СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2014. – С. 102.

² Там же. С. 146.

³ Там же. С. 91.

А. В. Самохин

ЖИВОПИСЬ НЕБА И ОБЛАКОВ. КРУГ И. И. ЛЕВИТАНА И А. И. КУИНДЖИ

Одно из важных качеств пейзажной живописи – постижение единства в многообразии, одна из наиболее ценных черт пейзажиста – способность отразить в изображенном фрагменте существенные свойства всего мироздания. Принцип подобия микрокосма и макрокосма, известный по ренессансной неоплатонической традиции, покинув сферу естественных наук, так и не ушел из области изящных искусств. Мастер пейзажного жанра обязан найти общее, не погрешив против множества частных – знать виды растений, характер каменистой земли и почвы, специфику сельскохозяйственных работ, облик городских и деревенских строений, особенности воды в покое и движении, возникающие на ее поверхности оттенки и рефлексии. Подобный список можно продолжать еще довольно долго, и среди еще не названных пейзажных элементов окажется один в высшей степени важный – изображение неба, облаков, туч и связанных с ними атмосферных явлений.

Редкая пейзажная композиция обходится без этой составляющей, но «удельный вес» неба в замысле картины бывает различным. Начиная с XIX века встречаются произведения, в которых небо становится единственным предметом изображения, хотя они, безусловно, редки. В русском языке не существует слова, которое обозначало бы разновидность пейзажного жанра, посвященную небу и облакам, но, например, в английском языке такие термины образуются легко: по аналогии с *landscape* появились *skyscape* и *cloudscape*, что зафиксировано в толковых словарях¹.

Как известно, небо издревле связывается с понятием божественного или напрямую персонифицируется. Народные христианские представления, возможно, и сомнительные с точки зрения строгого богословия, отождествляют небеса и рай, помещая ад в хтоническом пространстве, что отражает космологическую схему, свойственную почти без вариаций всем народам мира.

Ограничимся двумя примерами из русской литературы. В «Записках охотника» И. С. Тургенева читаем: «С самого утра перепал мелкий дождик, сменяемый по временам теплым солнечным сиянием; была непостоянная погода. Небо то всё заволакивалось рыхлыми белыми облаками, то вдруг местами расчищалось на мгновенье, и тогда из-за раздвинутых туч показывалась лазурь, ясная и ласковая, как прекрасный глаз»². Мотив взгляда, который небо, в той или иной степени персонифицированное, кидает на землю, очень показателен для восприятия неба во всей европейской культуре, причем ясная погода привычно трактуется в более благоприятном смысле, чем пасмурная, с дождем.

Второй пример – из книги И. С. Бунина «Жизнь Арсеньева», относящейся уже к XX столетию: «Солнце уже за домом, за садом, пустой, широкий двор в тени, а я (совсем, совсем один в мире) лежу на его зеленой холодеющей траве, глядя в бездонное синее небо, как в чьи-то дивные и родные глаза (*NB.* – А. С.), в отчее лоно свое. Плывет и, кружась, медленно меняет очертания, тает в этой вогнутой синей бездне высокое, высокое белое облако... Ах, какая томящая красота! Сесть бы на это облако и плыть, плыть на нем в этой жуткой высоте, в поднебесном просторе, в близости с Богом и белокрылыми ангелами, обитающими где-то там, в этом горнем мире»³. Бунинские строки к мотиву небесного «взгляда» добавляют еще одну ассоциацию, связанную с небом – это иной, лучший мир, в котором протекает блаженная, осененная божественным присутствием жизнь. Даже в отрыве от собственно религиозного сознания небо в различных культурных контекстах выступает как сакральная сфера, высшая инстанция по отношению к «подлунному миру», как носитель мудрости, справедливости, образец постоянства.

Небо наглядно выражает идею сосуществования вечного и преходящего: вечное небо, в которое смотрели поколения людей и которое старше всего живущего на земле, каждый день заполняется неповторимыми эфемерными формами – облаками и тучами. Их очертания иногда приобретают определенность, присутствующую, скорее, твердым телам, чем влажной дымке; тогда они вызывают эйдетические образы-ассоциации, то есть провоцируют на сравнение к какими-либо предметами, животными или фигу-

рой человека (комедия Аристофана «Облака» и диалог безумного Гамлета с Полонием первыми приходят на ум). Аморфность неба позволяет, однако, применить к его описанию геометрическую схему. Небосвод издавна мыслится в форме полусферы, и если на определенном этапе развития человеческого знания это воспринималось буквально, то и в дальнейшем подобная зрительная условность сохраняет известное значение для астрономических и метеорологических наблюдений, когда положение созвездия или облака проецируется на определенную точку воображаемой полусферы. Созерцающий небо может трактовать ее или как «оболочку», криволинейную поверхность, или как объемную фигуру, примыкающую к (тоже воображаемой) плоскости земли.

В последнем случае воздух – это часть неба, соединяющая его с землей, где происходит взаимодействие верхнего и нижнего миров. Белинский писал: «Пусть светила небесные образуют собою стройные миры: не тем только возвышают они душу созерцающего их человека, но поэзией своего таинственного мерцания, но дивною красотою живой игры своих бледно-огнистых лучей: в их стройном ходе Пифагор видел не одну математику в факте, но и слышал гармонию миров [...] если б солнце только грело и светило, оно было бы не более, как огромный фонарь, огромная печка; но оно проливает на землю яркий, весело дрожащий, радостно играющий луч, – и земля встречает этот луч улыбкою, а в этой улыбке – невыразимое очарование, неуловимая поэзия [...]. Природа полна не одних органических сил – она полна и поэзии, которая наиболее свидетельствует о ее жизни»⁴. Нечто весьма схожее читаем в одном из писем И. Н. Крамского И. Е. Репину: «Что хорошего в самом солнце как солнце? Свет его на предметах – да, это наслаждение, это поэзия, но само по себе оно слепит – и только. Что хорошего в луне – этой тарелке? Но мерцание природы под этими лучами – целая симфония, могучая, высокая, настраивающая меня, бедного муравья, на высокий душевный строй, я могу сделаться на это время лучше, добрее, здоровее – словом, предмет для искусства достойный»⁵. Эффекты световоздушной среды, столь дорогие живописцам, в конечном счете являются следствием встречи земли и неба в той небольшой зоне, которая отведена для жизни человека.

Эти общепонятные соображения затрагивают и обыденное сознание, и художественное творчество. Трактовка неба и облаков в пейзажной живописи – чуткий индикатор общей художественной эволюции, а также перемен в индивидуальной манере и сфере профессиональных предпочтений отдельно взятого автора. Даже для опытного живописца изображение неба представляет собой трудный момент в работе, так что, среди прочего, живопись неба и облаков – это удобная область для оттачивания мастерства. В связи с интересом к передаче световоздушной среды в XIX веке пристальным вниманием художников стало пользоваться все, что не имеет жестко определенных очертаний и не образует резкого перепада между границей формы и окружающим пространством. Такова гладь воды, морские волны, обобщенно написанная масса травы или листьев, и, конечно же, небо с облаками. Основателем жанра живописи неба и облаков (если допустить его самостоятельное существование) явился английский пейзажист Дж. Констебл, создавший серию этюдов, изображающих облака многих разновидностей, которые он изучал с основательностью естествоиспытателя. Однако интерес к мотиву неба объединял не только пленэристов, но и таких художников, как субъективный «фантаст» У. Тёрнер или академизирующий И. К. Айвазовский.

Классицистический пейзаж чаще всего трактовал небо в эмоциональном смысле нейтрально, чаще всего как однотонный непроницаемый свод. Эпоха романтизма привнесла в живопись некое «общее место» – бурно клубящиеся или рваные тучи, несущиеся с огромной силой и метафорически изображающие стихийные порывы человеческой души. Вскоре это стало штампом, хотя применялось не столько в пейзаже, сколько в решении фона для портрета или исторической картины. Пришедшие на смену романтикам мастера-реалисты отдавали предпочтение безэффектным природным видам. Барбизонцы любили тихим, серым и низким небом, пропитанным влагой и рассеянным солнечным светом. Художники вне Франции, стадийно соответствующие барбизонцам, тоже учились воспроизводить световые эффекты дождливого дня, мокрую землю и листву, редкие лучи солнца.

Стремление к «универсальному», всеохватно-панорамному пейзажу, преподносящему, несмотря на свою неизбежную фрагментарность, идею целостного мироздания, обозначилось в 1890-е годы и традиционно связывается с творчеством И. И. Левитана, а также его современников и последователей. В. К. Бялыницкий-Бируля передает в своих мемуарах слова мастера: «Мы еще не вполне владем умением связывать, обобщать в пейзаже землю, воду и небо; все отдельно, а вместе, в целом, это не звучит. Ведь самое главное и самое трудное – это постичь в пейзаже верное соотношение земли, неба и воды»⁶. Изображение неба явилось ключом ко многим композициям Левитана, в которых документально точная передача того или иного пейзажного вида не исключала обобщенной метафоричности, когда земля, вода, воздух, растения становятся воплощениями природных стихий. В картинах Левитана все, что находится на земле, все, что совершается на ней, предстает небу. Земля живет перед его немеркнущим оком. Левитан нередко использует низкий горизонт, позволяющий «воспарить» над ней и оказаться ближе к небесам, что приобретает религиозно-созерцательный или элегический смысл. Иногда, напротив, небо нисходит на землю, изливая на нее дождь и обволакивая ее туманом (бумага, пастель, «Хмурый день», 1895, ГРМ; «Буря. Дождь», 1899, Саратовский государственный художественный музей им. А. Н. Радищева). В пастели «Хмурый день» вид озера в ненастную погоду приобретает значение аллюзии, указывающей на сюжет о всемирном потопе: Левитан изображает одну лишь воду, и только зеленая метелка камыша у левого края композиции служит залогом того, что жизнь на земле не прекратится. Трава превращается в подобие масличной ветви, которую голубь принес в Ноев ковчег.

Левитан был мастером этой встречи земли и неба уже в ранних работах, таких как «Вечер. Золотой Плёс» (1889, ГТГ), где высокий горизонт и влажная дымка, стущающаяся кверху, уже одновременно порождают мотив воспарения и нисхождения. Небо и вода написаны в одном тоне, и полоса противоположного берега вдруг представляется длинным и узким облаком, нависшим над землей. Альпийский пейзаж «Озеро Комо (Италия)» (1894, ГРМ) уже содержит в себе композиционную и содержа-

тельную схему, которой будут отвечать среднерусские пейзажи «Над вечным покоем» (1894, ГТГ) и «Озеро. Русь» (1899–1900, ГРМ). Раскинувшейся шири небес отвечает обширное зеркало воды, части земной тверди обнаруживают свое место среди этих двух подвижных, неоформленных стихий. В небе плывут облака и тучи, отчего земля тоже начинает зрительно плыть по воде, как плавают льдины. Мягкое движение всего и вся в этом «мировом океане» заставляет думать о цельности мироздания, несущего следы первоначального хаоса и аморфности и живущего противоборством против них. Небо огромно, оно в одно и то же время близко и далеко, призывно и недоступно. Оно обменивается с водой цветовыми тонами, на которых строится колорит картины, так что каждый раз возникает наглядное подтверждение того, что облака и озерная гладь состоят из одного вещества. Левитан не только придает цельность пейзажному виду, но и позволяет почувствовать сам процесс извечных природных циклов. Естественный испытатель уловил бы в изображении левитановских озер мысль о незримо протекающем круговороте воды.

В картине «Над вечным покоем» взаимодействие земли, неба и воды приобретает характер драматического соперничества. Вдающийся в озеро мыс с церковью и кладбищем, будто плывущий вперед, можно уподобить «кораблю веры». Он также являет собой «островок времени»⁷ перед лицом вечности, воплощенной в облике грозного неба, покрытого быстро мчащимися тучами. Время малого человеческого масштаба, наглядным знаком которого служат кладбищенские кресты, сопрягается с иным, литургическим, основанным на вечном круговороте, о чем напоминает горящая в окне церковки лампада.

Справедливости ради отметим, что, например, в интерпретации В. А. Симова, ученика Левитана, дело обстоит с точностью до наоборот: вечность на земле, время на небе. «В воздухе и в листве деревьев, – писал Симов, – чувствуется бурное движение, предвещающее скорое наступление грозы. Это общее бурное настроение природы представляет здесь интересный контраст с невозмутимым покоем заброшенного сельского кладбища, – с тем покоем смерти, который не может быть нарушен, и этим мрачным облаком, несущим грозу и бурю»⁸. Очевидно лишь, что

за границами затерянного обитаемого мирка разворачивается иной мир, трансцендентный и необозримый, к которому устремлены молитвы верующих и который несет свидетельство о величии божества и напряженности борьбы между тьмой и светом. Рваные очертания туч передают быстроту их бега, а копьевидное облако, остро перерезавшее небо и «рифмующееся» с очертаниями островка, усиливает драматизм зрелища. Изображение небес здесь настолько богато тонами и формами, настолько разнообразно по приемам наложения краски, что небо становится интереснее земли, пассивной и лишь ожидающей небесной милости. Среди этюдов к картине есть и «Облачное небо» (холст на картоне, масло, 1893, ГРМ), где скупыми средствами передано чувство беспокойства: светлые облака закрывает, как и на самом полотне, растущая снизу туча, а вертикально расположенные темные облака имеют вид дыма от далекого пожара.

В творчестве Левитана можно найти все мыслимые варианты изображения неба: пронзительная лазурь, белесая дымка с едва заметными уклонами тона, серая днем или лиловая к ночи мутная, как пропыленный театральный задник, завеса, сверкающие кучевые облака или вечерние радужные, спокойно лежащие у горизонта. На картине «Владимирка» (1892, ГТГ) тяжелые нижние облака бегут на фоне сплошной высокой облачности и «рифмуются» с островками леса и кустарника, тут и там разбросанными по равнине. Кроме того, тени, падающие от облаков, вторят их движению по небу⁹. Земля и небо получают сходное композиционное решение, и это лишний раз подчеркнута тем, что обобщенно написанная трава оказывается такой же немного аморфной средой, как и облака верхнего яруса. Акцентированность, усложненность изображения неба, как и на предыдущей картине, усиливает эмоциональность образа, мотив бесприютности и беспокойства. Только на земле царит покой, и символами постоянства служат застывшая фигурка богомолки, придорожный голубец, церковь на горизонте, камень и глина разъезженной дороги. Напротив, в небесах все вибрирует, меняет очертания, живет более скоротечной жизнью. М. В. Нестеров назвал «Владимирку» одним из немногих «исторических» пейзажей. Конечно, речь шла о том, что Владимирка – дорога ссыльных, но если

глубже размышлять над этим определением и видеть в пейзаже Левитана образ трудного исторического пути России в целом, то можно было бы заключить, что в изображении неба на картине оказалось заключено временное измерение истории и само понятие изменчивости, а в изображении земли – пространственное, то есть она является уже статичным памятником происходивших событий, памятником всем тем, кто проезжал по дороге. Воплотившись в дорожной колее и разбегающихся тропинках, время обернулось вечностью, как в Аппиевой дороге, запечатленной Александром Ивановым, как в древних курганах или иных величественных сооружениях, при созерцании которых гордость за человеческие успехи всегда неотделима от тревожного ощущения неумолимости бегущего времени.

Творческие находки Левитана в изображении неба то и дело используются пейзажистами начала XX века, особенно мастерами «Союза русских художников», и подвергаются известной канонизации. Работа К. Ф. Юона «Купола и ласточки» (1921, ГТГ) с видом окрестностей Троице-Сергиевой лавры представляет собой аналогию картине «Над вечным покоем», но в то же время и антитезу, ибо здесь левитановский драматизм сменился благостным настроением. Борьба между небом и землей окончена, наступает просветление и в прямом, и в метафорическом смысле, понимаемое художником как религиозное спасение и следствие завета Бога с человеком, что символизируют церковные купола. Ненастное небо с картины Левитана «Бурный день» (1897?, ГТГ) встречаем уже как многократно отработанный мотив у П.И. Петровичева с его разметанными ветром рваными облаками («Ростов Ярославский», картон, масло, 1915, ранее – собрание семьи художника) и у Л. В. Туржанского, пишущего облака пластичной, тягучей массой пастозной краски, хорошо передающей тяжесть небесной влаги («Осень в деревне», 1910-е, Московский педагогический университет). Небо, превратившееся под кистью Левитана в чуткую мембрану, акцентированную ажурной сетью ветвей, через которые оно просвечивает, станет еще одним распространенным пейзажным решением, например, у С. Ю. Жуковского в картине «Усадьба. Отблески вечерней зари» (1912, Ярославский художественный музей).

Профессор К. А. Тимирязев, увлекавшийся фотографией, не раз стремился запечатлеть на своих снимках облачное небо. С Левитаном он познакомился на одной из собственных публичных лекций в Московском университете. По воспоминаниям сына ученого, «особенно [Левитану] понравился снимок, сделанный на берегу Балтийского моря под вечер, против солнца, в момент, когда солнце было закрыто маленьким полупрозрачным облачком. Исаак Ильич просил показать ему этот снимок раза три-четыре и каждый раз любовался картиной волн у самого берега [...]».

Первого февраля 1900 года Климент Аркадьевич направился в мастерскую Левитана, но, не застав его дома, оставил отпечаток своей статьи «Фотография и чувство природы». В тот же вечер Климент Аркадьевич получил письмо от Левитана, который благодарил за брошюру, прочитав ее с большим интересом, соглашаясь с высказанным положением о том, что «фотография увеличивает сумму эстетических наслаждений и что будущность фотографии в этом смысле огромна»¹⁰.

Исследователь истории художественной фотографии С. А. Морозов отмечал, что к началу XX века «новые способы печатания позволяли вносить существенные изменения в снимок, выделять главное за счет излишних подробностей, создавая гармоничную композицию. Небо получалось в снимках не безжизненно белым, как раньше, хорошо передавались и грозовые тучи, и легкие перистые облака. Вода выходила не аморфной или «смазанным» пятном, видна была даже легкая рябь на воде, стало возможным снимать волны, летящих птиц»¹¹. Фотограф Н. И. Бобир, имевший художественную подготовку в области пейзажной живописи и написавший книгу «Беседы пейзажиста» (Киев, 1907), «много работал над съемкой облачного неба, умело впечатывая облака в снимки с других негативов. Бобиру особенно удавались мотивы предгрозовой и грозовой природы»¹².

В эпоху, когда в искусстве, по выражению А. А. Курбановского, «господствовал взгляд демонстратора, экспериментирующего натуралиста, социолога, физиолога»¹³, небо и облака тоже подверглись такому наукообразному рассмотрению фотографов и живописцев. Пейзаж Куинджи – яркий тому пример. Художник воссоздает средствами искусства «чудеса природы», как в лаборатории ученый показывает физические или химические «фоку-

сы», имеющие, впрочем, естественное объяснение и способные уверить аудиторию в способность человека постигать тайны природы. В отличие от непритязательной природы, излюбленной кругом Саврасова–Левитана, отвечающей тончайшим душевным движениям, природа Куинджи словно сама выступает как неистощимый художник-декоратор, озабоченный стремлением к довольно экстравагантной красоте. Каждое проявление окружающей природы для Куинджи оборачивается демонстрацией иллюзионистического чудесного видения. Художник не боится неестественности красок и нарочитости форм, форсирует освещение, ищет необычных зрительных образов, оставляющих впечатление праздничности или таинственности. Никогда нельзя знать, чего больше в этих феериях: достоверности естественнонаучного исследования или самодовлеющего стилизаторства, оставляющего далеко позади хлесткие приемы салонного пейзажа и предвосхищающего черты модерна. «Что-то в его [Куинджи] принципах о колорите есть для меня совершенно недоступное, – писал Крамской Репину, – быть может, это совершенно новый живописный принцип, быть может, эти краски суть наиболее верные с научной точки зрения, потому что когда читаешь ученый трактат о цвете, спектре, то имеешь дело с чем-то совершенно неизвестным для человека, с чем-то никогда не встречающимся между впечатлениями, полученными нашими глазами от действительности»¹⁴.

Куинджи нередко прибегает к низкому горизонту, отдавая более половины холста изображению неба, которое становится у него не аккомпанементом, а ключом всей композиции, как на картине «Днепр утром» (1881, ГТГ). Предвосхищая работу Левитана «Вечер. Золотой Плѣс», она вся построена на едва заметных желто-лиловых переливах, которые становятся еще незаметнее и тоньше по контрасту с рельефно вылепленными травами на земле, которые глаз воспринимает неожиданно резко, привыкнув различать цветовые нюансы неба. Куинджи стремится научить посетителя галерей обострять свое зрение, снижает его «порог чувствительности», заставляя почувствовать светосилу цвета как запредельную.

Куинджи по многу раз обращается к одному и тому же мотиву, художнически изучая его в разных условиях освещения: это гора Эльбрус, заснеженный хвойный лес с пятнами лунного све-

та, рдеющие закаты и поднимающие вертикально вверх кучевые облака, предвещающие знойный день и грозу. Каждое атмосферно-оптическое явление приобретает у него торжественную церемониальность. Человек, потрясенный разворачивающимся у него на глазах зрелищем, осознает кантовское понятие возвышенного. Однако ощущение скрытых за этим видением космических сил не заставляет чувствовать свою затерянность среди стихий, но возносит человека уже тем, что ему дано право созерцать подобного рода великолепные зрелища. Мы присутствуем на театральном представлении, которое дает ради нас сама природа. В нем нет пугающей мистики, оно просто прекрасно. Ассоциации с театральной декорацией или просвечивающей живописной панорамой, какие часто демонстрировались на протяжении XIX века в специальных павильонах, в случае Куинджи вполне оправданны¹⁵.

Подобно актеру, играющему главную роль и выходящему на сцену, поднимается и растет башня из водяного пара на картине «Облако» (1898–1908, ГРМ). Яркая зелень блестящего луга, словно бы увиденного через цветное стекло, на переднем плане покрывается от него тенью. Это трактовано настолько форсированно, что нельзя не вспомнить о свете сценического прожектора. Солнце становится героем драматического действия, происходящего в природе, если не сказать в космосе, на таких картинах, как «Закат в степи на берегу моря» (1898–1908), «Закат» (1876–1890), «Закат зимой. Берег моря» (1876–1890, все – ГРМ), «Красный закат» (1905–1908, Музей Метрополитен, Нью-Йорк). В картинах «Сумерки» (1890–1895) и «Ночное» (1905–1908, обе – ГРМ) таким «персонажем» является луна. Композиция «Радуга» (1900–1905, ГРМ) того же позднего периода творчества Куинджи демонстрирует схожую театрализованную, праздничную среду для введения главного мотива, обозначенного в заглавии картины. Во всех перечисленных произведениях большое значение имеет силуэтный рисунок с его неповторимыми куинджевскими оплывающими и клубящимися очертаниями, которые живописец равно придает купам деревьев и облакам. Вместе с тем он не увлекается орнаментально-графическими элементами и как раз в изображении неба достигает невиданного для своего времени минимализма. Горизонтальные полосы откровенно положенной краски,

плавно, без четких границ переходящей из одного цвета в другой, с плохо обработанными краями могут найти параллель разве что в абстракциях Марка Ротко.

Ученики Куинджи, составившие петербургскую школу пейзажа, которая вобрала в себя реалистическую, академическую и символистскую традицию, восприняли повышенный интерес мастера к изображению неба. Развитие приемов Куинджи или даже цитаты из его работ можно усмотреть в пронзительной нордической синеве небес на картине А. А. Рылова «В голубом просторе» (1918, ГТГ), в почти одушевленных, наделенных волей облаках Ф. Э. Рушица («Земля», 1898, Национальный художественный музей, Варшава), в эпически суровом сопоставлении серого, синего и белого у А. А. Борисова, открывшего русскому искусству Заполярье («В области вечного льда. Лето», 1897, ГТГ), в приоткрывающих иную реальность небесных явлениях К. Ф. Богаевского («Корабли. Вечернее солнце», 1912, ГРМ), в одновременной осязаемости и плоскостности облаков В. Г. Пурвита («Зима», картон, масло, 1910, Государственный художественный музей Латвии, Рига), в опасной близости потемневшего неба к земле на картине В. И. Зарубина «Гроза идет» (частное собрание).

Петербургские пейзажисты нередко превращали облака в сгустки твердой материи, на вид такой же, из которой сложена земля. Плотные положенные краски, отчетливые контуры характеризуют изображение неба у Н. К. Рериха, одного из учеников Куинджи. Картина Рериха «Небесный бой» вряд ли состоялась бы без левитановской «Над вечным покоем», а куинджистской традиции она близка отсутствием эмпирической фиксации природы, отказом от «натуральной» цветовой гаммы, а также тем, что Рерих работал по воображению¹⁶. Низкий горизонт оставляет на долю земли и воды менее пятой части поверхности картины. Остальное занято клубящимися тучами, выставляющими вперед, словно копья, острые и тонкие серые облака. Картина задумывалась не как пейзаж, но вскоре Рерих записал первоначальные фигуры валькирий на картине, будто бы сказав: «Пусть присутствуют незримо»¹⁷. Теперь мотив борьбы сверхчеловеческого масштаба разворачивается в зримых формах постепенно, в про-

цессе длительного созерцания, которому заглавие дает лишь начальный импульс. Глаз не видит фигур, но упорно выискивает их, и по мере умственного погружения в картину тучи приобретают внутреннюю жизнь, получают буквально человеческие качества: силу, упорство, угрюмость, желание властвовать. Рерих сохраняет в «Небесном бое» ясное чередование пространственных планов и в изображении неба, и в передаче земли. Глубина рождается без привычных средств линейной перспективы, только с помощью чередования цветов, изменения их тона и сглаживания рисунка по мере приближения к дальнему плану. Такое решение хорошо соответствует столь трудному для ренессансной трехмерной коробки предмету, как облака, и одновременно «растворяет» сушу в нижней части картины, превращая ее в нечто более эфемерное и бесформенное («земля же была безвидна и пуста»), чем крепко сбитые тучи.

Интерес к изображению неба закономерно должен был возрасти в ту пору, когда искусство почувствовало первые импульсы художественных нововведений, которые оформятся в символизм и модернизм. Реализм второй половины XIX века вступил с ними в непримиримое противоречие по многим причинам, и в частности, потому, что старое направление и пришедшие ему смену радикально расходились в понимании физического и метафизического. Левитан и Куинджи находятся на пограничной линии между реализмом и символизмом, они воспитаны XIX столетием, но предчувствуют творческие проблемы грядущего века. Небо для них – та зона, где позитивистское стремление все объяснить и спрогнозировать и трансцендентное переживание божественного, абсолютного, непостижимого, необъятного вступают в соприкосновение. Физическая конкретность того, что есть небо – движущиеся по строгим законам светила; облака многочисленных разновидностей, позволяющие судить о перемене погоды; оптические явления; вода, приобретающая то или иное агрегатное состояние – так же очевидна образованному человеку, как несокрушимо и представление о том, что в небе есть что-то еще: Бог, вечность, разум, справедливость, счастье, борьба. Эта архаическая персонифицированность неба даже в сознании человека Нового времени, совмещенная с чутким наблюдением природы и

строгими знаниями о ней, особенно заметна на стыке реализма и символизма, где за натурным наблюдением уже просвечивает трансцендентный мир символов, а в нем самом в свою очередь рассеяны приметы знакомого и дорогого нам посястороннего бытия.

¹ Интересующей нас теме специально была посвящена выставка «Небо в искусстве» в Государственном Русском музее, проходившая с 12 августа по 8 ноября 2010 года. Ее каталог (Небо в искусстве / Авт. вступ. ст. Л. Шакирова. СПб., 2010) включает вступительную статью, в которой впервые на русском языке прослежена история изображения неба живописцами. Все же указанная статья – не искусствоведческое исследование, а краткое эссе.

² *Тургенев И. С.* Полн. собр. сочинений и писем в 30 т. Т. 3. М., 1979. С. 240.

³ *Бунин И. С.* Собр. соч. в 8 т. Т. 5. М., 1996. С. 26.

⁴ *Белинский В. Г.* Собр. соч. в 3 т. Т. III. Л., 1948. С. 387.

⁵ Переписка И. Н. Крамского. Т. 2. Переписка с художниками. М., 1954. С. 369.

⁶ И. И. Левитан. Письма. Документы. Воспоминания. М., 1956. С. 199–200. (Далее – *Левитан...*)

⁷ *Петров В. А.* Исаак Ильич Левитан. СПб., 1992. С. 87.

⁸ *Левитан...* С. 247.

⁹ *Мальцева Ф. С.* Мастера русского реалистического пейзажа. Очерки. Вып. II. М., 1959. С. 238.

¹⁰ *Левитан...* С. 234–235.

¹¹ *Морозов С. А.* Русская художественная фотография. Очерки по истории фотографии. 1839–1917. М., 1961. С. 128.

¹² Там же. С. 130.

¹³ *Курбановский А. А.* Незапный мрак. Очерки по археологии визуальности. СПб., 2007. С. 166.

¹⁴ Переписка Крамского. Т. 2. С. 369.

¹⁵ *Курбановский А. А.* Указ. соч. С. 173.

¹⁶ *Князева В. П.* Н. К. Рерих. М., 1963. С. 17.

¹⁷ Там же. С. 51.

Е. А. Борисова, М. П. Шилов, А. А. Курганов

ФЛОРИСТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ С. РЕШМА

В 2015 г. в рамках программы по ведению Красной книги Ивановской области проводились флористические исследования на территории Кинешемского района. Были обследованы заволжская часть района в окрестностях с. Красногорский и территории правого берега р. Волги (Горьковского водохранилища) в окрестностях с. Решма.

В результате исследований в окрестностях с. Решма были сделаны многие интересные флористические находки редких видов растений, в том числе виды, включенные в региональную Красную книгу [1]. Гербарные образцы, подтверждающие находки, хранятся в гербарии Ивановского университета (IVGU), гербарии Ивановской сельскохозяйственной академии (ИГСХА), имеющиеся дубликаты будут переданы в гербарий им. Д. П. Сырейщикова (MW).

Ниже приводим описание местонахождений редких видов с краткими комментариями.

Виды, включенные в Красную книгу Ивановской области

Гнездовка настоящая – *Neottia nidus-avis* (L.) Rich., семейство Орхидные – *Orchidaceae*, категория редкости – 3.

Евразийский бореально-неморальный вид, в Ивановской области известен в области в Гаврилово-Посадском, Кинешемском, Приволжском, Савинском, Тейковском и Фурмановском районах.

Обнаружен в 2-х новых местонахождениях: 1) в 1 км северо-западнее с. Решма, в средней части покатого склона южной экспозиции правого берега р. Волги и правого берега р. Решемки близ её устья, на суглинистой почве, в сосняке травянистом с елью среди *Poa nemoralis*, *Melica nutans*, *Epipactis helleborine*, *Aegopodium podagraria*, *Actaea spicata*, *Oxalis acetosella*, *Veronica chamaedrys*, *Asarum europaeum*, *Lathyrus vernus*, *Carex pilosa*, 20 плодоносящих сухих высоких экземпляров на площади 3 м x 5 м

(20 июля 2015 г., М.Шилов, А. Курганов – IVGU); 2) у детского лагеря «Радуга», на покато́м склоне второй надпойменной террасы правого берега р. Волги северной экспозиции, в березняке травянистом с елью, вместе с *Actaea erythrocarpa*, *A. spicata*, *Dryopteris carthusiana*, *Aegopodium podagraria*, *Rubus saxatilis*, *Lamium maculatum*, *Lathyrus vernus*, *Viola mirabilis*, *Geum rivale*, 6 сухих экземпляров (20 июля 2015 г., М.Шилов, А. Курганов).

Воронец красноплодный – *Actaea erythrocarpa* Fisch., семейство Лютиковые – *Ranunculaceae*, категория редкости – 3.

На склонах правого берега р. Волги обнаружено 3 новые местонахождения вида: 1) в 1 км северо-западнее с. Решма, в средней трети покато́го склона южной экспозиции правого берега р. Волги и правого берега р. Решемки близ её устья, на суглинистой почве, в сосняке травянистом с елью, более 100 экземпляров на площади 30 м x 100 м (20 июля 2015 г., М. Шилов, А. Курганов – IVGU); 2) в 0,7 км восточнее д. Совки, в нижней трети покато́го тенистого склона второй надпойменной террасы северной экспозиции, в ельнике травянистом с осиной на суглинистой почве, 10 экземпляров на площади 2 м x 3 м (21 июля 2015 г., А. Курганов, М. Шилов, Е. Борисова – IVGU); 3) в 0,3 км северо-западнее лагеря «Радуга», покато́тый склон второй надпойменной террасы правого берега р. Волги северной экспозиции в березняке травянистом с елью (21 июля 2015 г., А. Курганов, М. Шилов – MW).

Воронец красноплодный был встречен в зрелых плодах, растёт одиночными экземплярами и небольшими группами, плодоношение обычно обильное, кисти плодов густые. Листья некоторых растений были повреждены насекомыми. Отдельные экземпляры *Actaea erythrocarpa* встречены вместе с *Actaea spicata*.

Двулепестник парижский – *Circaea lutetiana* L., семейство Кипрейные – *Onagraceae*, категория редкости – 3. Вид sporadически встречается по склонам правого берега р. Волги, за время исследований обнаружены 3 новых местонахождения вида: 1) в 0,6 км восточнее д. Совки, у подножья покато́го склона второй надпойменной террасы северной экспозиции, в долине ручья, на протяжении 80–100 м, на богатой суглинистой почве (21 июля 2015 г., А. Курганов, Е. Борисова, М. Шилов – IVGU); 2) в 3 км северо-западнее с. Решма, в нижней части склона берега с выхо-

дом воды на поверхность (22 августа 2015 г., Е. Борисова, М. Шилов, А. Курганов, Ю. Коротков – MW, IVGU, ИГСХА).

В данной местности склоны берега р. Волги сильно изрезаны оврагами, по днищу которых текут ручьи. *Circaea lutetiana* встречен в сероольховнике крупнотравном с осиною, в зарослях кустарников *Padus avium*, *Sorbus aucuparia*, *Euonymus verrucosa*, *Lonicera xylosteum*, среди травянистых растений *Urtica dioica*, *Filipendula ulmaria*.

Все экземпляры *Circaea lutetiana* были в хорошем состоянии, в фазе цветения, листья некоторых побегов были повреждены насекомыми-вредителями.

Кизил белый – *Cornus alba* L. [*Swida alba* (L.) Opiz], семейство Кизиловые – *Cornaceae*, категория редкости – 3. За время исследований было отмечено 2 местонахождения вида: 1) в 0,75 км восточнее д. Совки, в глубоком узком овраге правого берега р. Волги по берегам небольшого ручья среди *Ulmus laevis*, *Alnus incana*, *Rubus idaeus*, несколько невысоких (до 1,5 м) кустов без генеративных органов (21 июля 2015 г., А. Курганов, Е. Борисова, М. Шилов – IVGU, ИГСХА); в 0,85 км восточнее д. Совки, на крутом открытом склоне правого коренного берега р. Волги, группа высоких плодоносящих экземпляров на площади 3 м x 4,5 м (21 июля 2015 г., Е. Борисова, А. Курганов, М. Шилов – IVGU, ИГСХА); 2) в 3 км северо-западнее с. Решма, окрестности д. Сергеевка, по берегу лесного ручья в глубоком овраге, группа высоких кустов с немногочисленными плодами (22 августа 2015 г., М. Шилов, А. Курганов, Ю. Коротков – IVGU, ИГСХА).

Виды, включенные в «Дополнительный список сосудистых растений, нуждающихся в постоянном контроле»

Matteuccia struthiopteris (L.) Todaro – страустник обыкновенный, образует густые заросли в оврагах и лесах правого берега Волги.

Phegopteris connectilis (Michx.) Watt – фегоптерис связывающий, небольшие группы найдены по берегу ручья в овраге в окрестностях д. Совки, вместе с *Cornus alba*.

Dryopteris expansa (C. Presl) Fresl. Jenkins et Germu – щитовник распростёртый, несколько крупных экземпляров обнару-

жены в средней части крутого облесённого склона коренного берега Волги в окрестностях д. Совки.

Carex pilosa Scop. – осока волосистая, отмечена в смешанных и березовых лесах, преимущественно, в верхней части склона берега Волги, местами формирует крупные заросли.

Convallaria majalis L. – ландыш майский, sporadически встречается в лесах.

Polygonatum multiflorum (L.) All – купена многоцветковая, встречается редко, отмечена небольшая рыхлая группа растений в берёзово-еловом лесу высокоотравном в окрестностях д. Сергеевка.

Thalictrum aquilegifolium L. – василисник водосборолистный, несколько плодоносящих и вегетирующих растений найдено в заболоченном черноольховнике березовом на берегу Волги у детского лагеря «Радуга».

T. lucidum L. – в. светлый, крупный плодоносящий экземпляр найден в окрестностях д. Сергеевка, в нижней части закустаренного склона коренного берега р. Волги практически у уреза воды.

Alliaria petiolata (Bieb.) Cavara et Grande – чесночница черешковая, встречается редко, найдены единичные экземпляры и небольшие группы в окрестностях д. Совки. Плодоносящие растения были с сильно поврежденными листьями, несколько ювенильных особей обнаружены в средней части облесённого (ель европейская, берёза повислая, вяз гладкий) склона по берегу Волги.

Angelica archangelica L. – дягиль лекарственный, единичные плодоносящие растения обнаружены в верхней части облесённого коренного берега р. Волги в окрестностях д. Совки.

Pulmonaria obscura Dumort. – медуница неясная, встречается изредка в смешанных лесах по берегу р. Волги.

Galium triflorum Michx. – подмаренник трёхцветковый, единичные плодоносящие и вегетативные экземпляры найдены в 1 км западнее с. Решма, в сосняке разнотравном по правому берегу р. Волги и правому берегу р. Решемки близ её устья.

Campanula latifolia L. – колокольчик широколистный, встречается часто по всему облесённому склону берега Волги, в оврагах, местами образует заросли.

C. trachelium L. – к. крапиволистный, группы растений отмечены в верхней части склона берега Волги и в овраге по берегу ручья в окрестностях д. Сергеевка.

Bidens radiata Thuill. – череда лучистая, одиночные плодоносящие растения встречены по песчаному берегу Волги в нижней части крутого облесённого склона в окрестностях д. Сергеевка.

В окрестностях с. Решма найдены и другие редкие для Ивановской области виды растений, например, *Epipactis helleborine* – дремлик широколистный, *Viola hirta* – фиалка опушённая и другие.

По склонам правого берега р. Волги начинает распространяться адвентивный вид рейнютрия японская (*Reynoutria japonica*), которая активно расселяется по Верхневолжскому региону и относится к инвазионным растениям [2]. Небольшие заросли вегетативных особей отмечены по крутому склону р. Волги в 300 м западнее с. Решма. Интересной находкой явилось обнаружение крупных монодоминантных зарослей зизании широколистной (*Zizania latifolia*). У пристани-переправы Дьячево по берегу р. Решемки этот вид занимает площадь 6 м x 2 м. Вид начинает активно распространяться по берегам Волги, ранее он относился к редким адвентивным растениям области [3]. Впервые в Ивановской области данный вид был найден по левому берегу р. Волги в 1992 г. [4].

В результате проведенных нами исследований также был обнаружен участок леса, отличающийся высоким биологическим разнообразием, присутствием типичных лесных бореальных и неморальных видов растений, а также являющийся местом произрастания редких видов, в том числе включенных в Красную книгу Ивановской области. Данному сосновому лесу на склоне правого берега р. Волги целесообразно придать статус ООПТ – памятник природы Ивановской области и включить в систему ООПТ региона. Наличие в системе ООПТ региона лесных малонарушенных участков важно для ее оптимизации [5, 6]. Ниже приводим описание данного соснового леса.

Сосняк на крутом склоне правого берега р. Волги

Сосновый лес расположен в 800 м северо-западнее с. Решма на склоне правого берега р. Волги и правого берега р. Решемки близ её устья, а также частично на плакоре. Площадь – 40 га. Со стороны р. Решемки склон покатый, со стороны р. Волги –

крутой и обрывистый. Лесной массив представлен в основном одним типом – сосняком травянистым с елью.

Возраст сосен 60–80 лет, лес разнополотный, сомкнутость крон составляет 0,4–0,7. Возобновление редкое, представлено елью высокой, осинной, дубом обыкновенным, сосной обыкновенной. Подлесок средней густоты, сформирован кустарниками *Sorbus aucuparia*, *Euonymus verrucosa*, *Lonicera xylosteum*, *Rubus idaeus*, *Viburnum opulus*, *Ribes spicatum*, *Aronia mitschurinii*. Травяно-кустарничковый покров разреженный, общее проективное покрытие колеблется от 20 до 40 %.

Всего в составе флоры леса отмечено более 100 видов растений: *Gymnocarpium dryopteris*, *Dryopteris cartusiana*, *Equisetum pratense*, *Dactylis glomerata*, *Poa nemoralis*, *P. annua*, *P. pratensis*, *Melica nutans*, *Carex pilosa*, *C. contigua*, *C. digitata*, *C. rhizina*, *Epipactis helleborine*, *Actaea erythrocarpa* *A. spicata*, *Ranunculus polyanthemus*, *R. acris*, *Trollius eropaeus*, *Agrimonia eupatoria*, *Galium triflorum*, *G. mollugo*, *G. boreale*, *Aegopodium podagraria*, *Geranium sylvaticum*, *G. pratense*, *Orthilia secunda*, *Oxalis acetosella*, *Viola hirta*, *Fragaria vesca*, *F. moschata*, *Vicia cracca*, *Trifolium medium*, *T. pratense*, *Veronica chamaedrys*, *Convallaria majalis*, *Asarum europaeum*, *Lathyrus vernus*, *Lamium maculatum*, *Lysimachia vulgaris*, *Majanthemum bifolium*, *Ajuga reptans*, *Vaccinium myrtillus*, *Vicia sepium*, *Galeobdolon luteum*, *Hypericum perforatum*, *Rubus saxatilis*, *Clinopodium vulgare*, *Solidago virgaurea*, *Cardamine impatiens*, *Turritis glabra*, *Campanula glomerata*, *C. rotundifolia*, *Hieracium muro-rum*, *Steris viscaria*, *Heracleum sibiricum* и другие. В нарушенных местах леса встречаются некоторые сорно-рудеральные виды (*Arctium tomentosum*, *Artemisia vulgaris*, *Urtica dioica* и др.). Мохово-лишайниковый покров не выражен, представлен отдельными куртинами зелёных мхов.

Данный лес имеет большое природоохранное, средозащитное, научно-познавательное, водорегулирующее, почвозащитное, ландшафтное, а также рекреационное и эстетическое значение. Здесь отмечены популяции 2 видов, включенные в Красную книгу Ивановской области (*Actaea erythrocarpa*, *Neottia nidus-avis*), а также многие редкие виды флоры Ивановской области.

Библиография

1. *Тремасова Н. А., Борисова Е. А., Борисова М. А.* Сравнительный анализ инвазионных компонентов флор пяти областей Верхневолжского региона // Ярослав. пед. вестник. Т. 3 (Естественные науки), № 4. 2013. С. 171–177.
2. *Борисова Е. А.* Адвентивная флора Ивановской области. Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 2007. 188 с.
3. Красная книга Ивановской области. Т. 2: Растения и грибы / под ред. В. А. Исаева. Иваново: ПресСто, 2010. 192 с.
4. *Голубева М. А., Захарова Т. Ю.* К водной и прибрежно-водной флоре Плесского музея-заповедника // Плесский сборник. Вып. 1. Плес, 1993. С. 249–266.
5. *Борисова Е. А., Шилов М. П.* Формирование экологической сети Ивановской области на основе выделения ботанических ядер // Географические основы формирования экологических сетей в России и Восточной Европе. М.: КМК, 2011. С. 48–53.
6. *Борисова Е. А., Шилов М. П.* Оптимизация сети ООПТ Ивановской области: новые перспективные территории // Борисовский сборник. Вып. 4. Иваново: Референт, 2013. С. 218–225.

Е. А. Борисова, М. П. Шилов

КОЛЛЕКЦИИ И ЭКСПОЗИЦИИ ДЕНДРАРИЯ ИГСХА

Дендрарий ФГБОУ ВО «Ивановская ГСХА имени Д. К. Беляева» – один из ценных памятников природы регионального значения г. Иваново и Ивановской области. Он имеет большое научно-производственное, образовательное, историческое, ресурсоохранное, учебно-познавательное, эстетическое, средозащитное и мемориальное значение: а) это одно из наиболее старых научных учреждений агробиологического профиля; на его базе выполнено более 40 научных экспериментальных работ; б) здесь проведено испытание более 5 тысяч видов, сортов и форм растений; в) здесь растут интродуценты с Дальнего Востока и Восточной Азии, с Алтая, Северной Америки, Средиземноморья,

© Борисова Е. Н., Шилов М. П., 2016

Передней и Средней Азии, Ближнего Востока, Кавказа и других районов земного шара; г) это крупная коллекция хозяйственно-ценных и декоративных видов, сортов и форм растений в Ивановской области, насчитывающая более 1500 таксонов; д) дендрарий сыграл огромную роль в освоении новых хозяйственно-ценных культур (винограда, лимонника китайского, актинидии и др.), в озеленении городов Ивановской области [1, 2].

Дендрарий был основан известным интродуктором и акклиматизатором растений Л. П. Шуйским в 1929 г. на основе частного сада, который был передан ему владельцем участка в дар на безвозмездной основе. Л. П. Шуйский сразу же стал использовать его в научно-экспериментальных целях, назвав «Садом акклиматизации растений». По данным Л. П. Шуйского, уже в 1932 г. в его саду росло около 400 видов растений, в частности, съедобная, женьшень, гваюла, лён многолетний, канатник Теофраста, ваточник сирийский, хондрилла сомнительная, козелец испанский, подофилл щитовидный, шалфей, кенаф, хлопчатник волосистый, бадан толстолистный, робиния лжеакация, подсолнечник многолетний и другие растения.

К середине 1950 г. в саду росло около тысячи видов, форм и сортов культурных и дикорастущих растений, в том числе около 100 видов деревьев и кустарников. В открытом грунте, без защиты зимовали гинкго двулопастное, тисс ягодный, бамбуки, виноград (15 сортов), актинидии острая и коломикта, лимонник китайский, орехи грецкий, маньчжурский, серый, черный, черешня, вишни японская и войлочная, абрикос обыкновенный, хеномелес японский, амурский бархат, шелковица белая, а также многолетний рис.

В 1960 г. в саду выращивалось большое число видов, форм и сортов культурных и дикорастущих растений (помимо выше перечисленных): кедр сибирский, можжевельник виргинский, 20 сортов фундуков, арония, груша уссурийская, персики, миндаль, черносливы, черемуха Маака, смородины альпийская и золотистая, мичуринские сорта рябин, маслины, дуб пробковый, инжир, граб, шелковица белая, самшит вечнозеленый, многие виды лекарственных (беладонна, наперстянка, ремень, валерьяна и др.), текстильных (кенаф, кендырь, рапс, хлопчатник), технических

(тау-сагиз, кок-сагиз) и кормовых растений. Все растения были выращены из семян, выписанных из разных мест Европы, Дальнего Востока, Северной Америки, Средней Азии.

В 1986 г. распоряжением Ивановского облисполкома от 12.02.86 г. № 82-р «Сад акклиматизации растений» с 01.01.1986 г. был передан Ивановскому ГСХИ для «использования в учебной и научно-исследовательской работе со студентами и учащимися общеобразовательных школ». В 1990 г. по инициативе В. П. Капранова, бывшего ректора и заведующего кафедрой селекции и ботаники, сад получил статус дендрария.

С конца 2005 г. дендрарием руководит Е. Н. Борисова. За 2005–2015 гг. вновь в дендрарии высажено около 1 100 видов, сортов и форм растений, в том числе 345 таксонов деревьев и кустарников, 750 таксонов травянистых, преимущественно декоративных растений. В теплице дендрария растёт около 260 видов и сортов декоративных растений. Коллекция дендрария увеличена в 5 раз, и в настоящее время насчитывает более 1500 таксонов. Были подготовлены нужные документы, и он включен в состав Совета ботанических садов России. В дендрарии созданы необходимые условия для научно-экспериментальной и учебной работы. На сегодня здесь проэтикетировано 660 видов растений. В дендрарии оформлены газоны, цветники, дорожки, площадки, 2 водоёма, рокарий, установлены арки и экраны для вертикального озеленения.

Дендрарий разбит на 16 участков, каждый из которых постепенно приобретает определённую специализацию, становится экспозицией той или иной группы растений по систематическому, ботанико-географическому, экологическому или хозяйственному принципам. Так, на участке № 1 преобладают хвойные и злаковые; на 3 и 4-м – луковичные; на 5-м – гортензии, хосты и астильбы; на 9, 10, 12-м – розы; на 13-м эхинацеи, гортензии; на 7-м – пионы; на 9-м – флоксы; половина 14-го участка занята грядками, куда высаживаются вновь приобретенные растения и высеваются семена.

Среди систематических коллекций наиболее многочисленными являются:

- коллекция хвойных пород, насчитывает 82 таксона: среди них кипарисовик Лавсона – *Chamaecyparis lawsoniana*; микробиота перекрестнопарная – *Microbiota decussate*; 15 сортов туи западной – *Thuja occidentalis*; тсуга канадская – *Tsuga canadensis*; лжетсуга Мензиса *Pseudotsuga menziesii*; тисс средний – *Taxus media* и др.;

- коллекция злаков, насчитывает 34 вида: 9 сортов мискантуса китайского – *Miscantus sinensis*; молиния голубая – *Molinia coerulea* –вейник остроцветковый – *Calamagrostis acutiflora*; бухарник мягкий – *Holcus mollis* и др. Наибольший интерес представляет саза сенанская – *Sasa senanensis*. Этот бамбучок Шуйский получил в 1953 г. из Сухумского ботанического сада. Молодые посадки из четырёх кустов вскоре образовали настоящие заросли высотой около одного метра. Шуйский наблюдал небольшое подмерзание побегов, в наше время оно не отмечается. Саза сенанская оказалась очень устойчивой и до сих пор успешно растёт, но не цветёт и не плодоносит. Активно размножается вегетативным путём. Бамбучок настолько интенсивно разрастается, что его побеги по периферии приходится почти ежегодно удалять;

- коллекция лилейников, насчитывает 35 таксонов;

- коллекция пионов, насчитывает 26 таксонов: пион полукустарниковый (14 сортов) – *Paeonia suffruticosa*; пион тонколистный – *P. tenuifolia* и др.;

- коллекция барбарисов, насчитывает 16 таксонов: наиболее интересный из них барбарис Юлианы – *Berberis julianae*;

- коллекция гортензий, насчитывает 42 таксона: гортензия древовидная (5 сортов) – *Hydrangea arborescens*; гортензия серая, или пепельная – *Hydrangea cinerea*; гортензия Бретшнейдера – *Hydrangea bretschneideri*; гортензия крупнолистная (8 сортов) – *H. macrophylla*; гортензия метельчатая (20 сортов) – *H. paniculata*; гортензия черешковая – *Hydrangea petiolaris*; гортензия пильчатая – *H. serrata* и др.;

- коллекция хост, 67 насчитывает таксонов;

- коллекция роз, насчитывает 110 таксонов: среди них есть розы селекции Дэвида Остина, Кордеса, портландские розы, розы канадской селекции и др. В 2010 г. в дендрарии были высажены

розы американской селекции Пинг Лима, способные выдерживать морозы до -40°C ;

- коллекция эхинацей, насчитывает 43 таксона.

Коллекции лекарственных, ядовитых и вредных растений – созданы для проведения экскурсий со студентами ветеринарами по курсу «Лекарственные и ядовитые растения». Коллекции лекарственных растений насчитывает около 300 видов. Важнейшими среди них являются элеутерококк колючий и лимонник китайский.

Коллекции видов Красной книги Ивановской области, сопредельных областей и РФ – созданы для проведения экскурсий по курсам «Ботаника», «Экология» и «Охрана природы».

Коллекция растений, включённых в Красную книгу Ивановской области, насчитывает 14 видов. Создана для проведения научных наблюдений за биологией и экологией видов, а также, в случае необходимости, для реинтродукции этих видов в природные местообитания, в которых они исчезли.

Пихта сибирская – *Abies sibirica* (сем. Сосновые – *Pinaceae*). Высажен 1 экземпляр высотой около 30 см в 2015 г. Приобретен в садовом центре г. Иваново. Успешно растёт. Каких-либо признаков угнетения, повреждения вредителями и болезнями не отмечено.

Спаржа лекарственная – *Asparagus officinalis* (сем. Лилейные – *Liliaceae*). Высажена в 2011 г. Подарена частным лицом. Пока не плодоносит.

Ирис сибирский – *Iris sibirica* (сем. Касатиковые, или Ирисовые – *Iridaceae*). В дендрарии растёт более 10 лет. Ежегодно цветёт и плодоносит.

Ива лопарская – *Salix lapponum* (сем. Ивовые – *Salicaceae*). Выращена из черенка, взятого в питомнике «Ваш сад». Высажена в грунт в 2010 г. К настоящему времени представлена в дендрарии несколькими хорошо разветвленными побегами высотой около 1 м. С 2015 г. цветёт.

Ива черниковидная – *Salix myrtilloides* (сем. Ивовые – *Salicaceae*). Приобретен один саженец в магазине «Домашний склад» и высажен в грунт в 2012 г. К настоящему времени представлена в дендрарии несколькими тонкими побегами высотой до 1 м. Зимой, под тяжестью снега полегает. С 2015 г. цветёт.

Прострел раскрытый – *Pulsatilla patens* (сем. Лютиковые – *Ranunculaceae*). Высажен 1 экземпляр в 2007 г. Цветет и плодоносит с 2009 г.

Лунник многолетний – *Lunaria rediviva* (сем. Крестоцветные – *Criciferae*). В дендрарии создана небольшая (площадью 2 м²), но очень плотная группа в числе нескольких десятков экземпляров высотой около 1 м. Растёт возле оранжереи в условиях незначительного притенения. Ежегодно цветёт и обильно плодоносит уже более 10 лет. Каких-либо признаков угнетения, а также повреждения вредителями и болезнями не отмечено.

Куманика – *Rubus nessensis* (сем. Розоцветные – *Rosaceae*). Дважды высаживались небольшие молодые экземпляры, откопанные в Собинском районе Владимирской области. По разным причинам не приживались. Последняя посадка произведена летом 2015 г. Высажена на участке в условиях небольшого притенения.

Водяника черная – *Empetrum nigrum* (сем. Водяниковые – *Empetraceae*). Посадочный материал приобретен в садовом центре г. Иваново в цветущем состоянии. Высажена в 2015 г.

Жёстер слабительный – *Rhamnus cathartica* (сем. Крушиновые – *Rhamnaceae*). В дендрарии растёт уже более 10 лет. Представлен кустом высотой до 5 м. Ежегодно цветёт и плодоносит. Каких-либо признаков угнетения, повреждения вредителями и болезнями не отмечено.

Кизил белый – *Cornus alba* (сем. Кизиловые – *Cornaceae*). В дендрарии растёт уже более 10 лет. Представлен кустом высотой до 4 м. Ежегодно цветёт и плодоносит. Каких-либо признаков угнетения, повреждения вредителями и болезнями не отмечено.

Первоцвет весенний – *Primula veris* (сем. Первоцветные – *Primulaceae*). В дендрарии растёт уже более 10 лет. Представлен несколькими микропопуляциями в разных почвенно-микrokлиматических условиях (по богатству почв, их увлажнению, а также по освещению). Ежегодно цветёт и плодоносит, возобновляется самосевом. Каких-либо признаков угнетения, повреждения вредителями и болезнями не отмечено.

Горечавка легочная – *Gentiana pneumonanthe* (сем. Горечавковые – *Gentianaceae*). Посадочный материал был подарен част-

ным лицом и высажен в грунт в 2013 г. Успешно растёт и развивается. Признаков угнетения не отмечено.

Тимьян ползучий – *Thymus serpyllum* (сем. Губоцветные – *Labiatae*). Высажен в виде нескольких кустиков в 2010 г. Был приобретен в садовом центре г. Иваново. Цветет и плодоносит. Возобновляется семенами и вегетативным путем.

Коллекция растений, включённых в Красную книгу Российской Федерации, включает 9 видов.

Белоцветник летний – *Leucojum aestivum* (сем: Амариллисовые – *Amarillidaceae*). Высажен в 2009 г. Подарен частным лицом. Ежегодно цветёт и плодоносит с 2011 г.

Бересклет карликовый – *Euonymus nana* (сем: Бересклетовые – *Celastraceae*). Высажен в 2012 г. Приобретен в питомнике А. А. Столярова в д. Буньково. Ежегодно цветет и плодоносит с 2013 г.

Гортензия черешчатая – *Hydrangea petiolaris* (сем: Гортензиевые – *Hydrangeaceae*). Высажена в 2009 г. Приобретена в садовом центре г. Иваново. Пока не цветет.

Схизофрагма гортензиевидная – *Schizophragma hydrangeoides* (сем: Гортензиевые – *Hydrangeaceae*). Высажена в 2012 г. Приобретена в питомнике А.А. Столярова в д. Буньково. Пока не цветет.

Кандык сибирский – *Erythronium sibiricum* (сем: Лилейные – *Liliaceae*). Высажен в 2015 г. Приобретен в питомнике Шмелевой в г. Родники в цветущем виде.

Пион тонколистный – *Paeonia tenuifolia* (сем: Пионовые – *Paeoniaceae*). Высажен в 2014 г. Подарен частным лицом. Пока не цветет.

Первоцвет Юлии – *Primula juliae* (сем: Первоцветные – *Primulaceae*). Высажен в 2009 г. Взят у Э.А. Курнышевой, бывшего преподавателя ИГСХА и куратора дендрария. Цветет ежегодно. Возобновляется семенным и вегетативным путем.

Клекачка колхидская, Джонджоли – *Staphylea colchica* (сем: Клекачковые – *Staphyleaceae*). Приобретена в 2014 г. в одном из садовых центров. Пока не цветет.

Микробиота перекрестнопарная – *Microbiota decussata* Комар. (сем: Кипарисовые – *Cupressaceae*). Высажена в 2008 г. Приобретена в садовом центре г. Иваново. Пока не плодоносит.

Коллекции видов растений, включённых в Красные книги Ивановкой области и РФ вызывают большой интерес у посетителей дендрария. В ближайшие годы их планируется существенно расширить по видовому составу.

По программе ландшафтного дизайна оформлены газоны, водоём, альпийская горка, упорядочена дорожно-тропиночная сеть.

Площадь дендрария крайне ограничена (5763 м²). Поэтому предпочтение отдаётся приземистым деревьям и кустарникам с компактной кроной. В итоге в дендрарии появились подушковидные ель и пихта, карликовые туи, калины, чубушники, дерен, бересклеты и т. д. И даже среди высокорослых травянистых растений предпочтение отдаётся низкорослым.

Дендрарий используется в учебных целях для подготовки ученых агрономов, агрономов-экологов, ландшафтных дизайнеров. Дендрарий является важным экскурсионным объектом для школьников и студентов, преподавателей биологии и географии, слушателей различных курсов по фитодизайну, декоративному садоводству и цветоводству, для членов общества охраны природы, туристов и гостей г. Иваново.

Регулярно коллективом дендрария оказывается спонсорская помощь различным учреждениям г. Иваново: а) по озеленению территорий и предоставлению семенного и посадочного материала; б) по разработке проектов ландшафтного дизайна. Ведется популяризаторская работа среди различных слоев населения. Проводятся экскурсии для учащихся школ и училищ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шуйский Л. П.* Мой опыт работы по акклиматизации растений. Иваново: Ивановское книжное издательство, 1955. – 128 с.

2. *Шилов М. П. Вклад Л. П. Шуйского в интродукцию и акклиматизацию растений // Вопросы повышения урожайности сельскохозяйственных культур: сб. науч. ст. Иваново: «Ивановская ИГСХА», 2012. С. 262 – 274.*

М. П. Шилов

***PARTHENOCISSUS INSERTA* В ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

За последние 20-30 лет садоводами, огородниками, цветоводами, коллекционерами растений интродуцированы многие сотни видов, сортов и форм декоративных, плодово-ягодных, овощных и лекарственных растений. Ежегодно многочисленными коммерческими фирмами ввозятся из различных регионов России и из-за рубежа десятки новых видов растений. Это создаёт определённые проблемы, в частности, угрозы для местного биоразнообразия. Одновременно открываются широкие возможности для наблюдений за особенностями поведения различных экзотов в новых для них условиях, в частности, в средней полосе России, за их адаптиациогенезом – постепенным, эволюционным и закономерным преобразованием имеющих адаптационных приспособлений к новым условиям окружающей среды.

Parthenocissus inserta (A. Kern.) Fritsch – девичий виноград прикреплённый (сем. *Vitaceae* – Виноградовые), листопадная кустарниковая лиана, одна из многих подобных экзотических пород, внедрённая в нашем регионе как декоративное растение уже много десятков лет назад. Д. в. прикреплённый широко распространился и в настоящее время, вероятно, выращивается в большинстве районов, городов, посёлков Ивановской области, коллективных садов и на многих усадьбах. Особенно он популярен в коллективных садах Ивановского района. В ноябре 2015 г. я наблюдал его в г. Южа. В пос. Холуй семенным путём он распространился на склоне набережной р. Тезы, где сформировал наземную ползучую заросль как типичное почвопокровное растение. Он хорошо заметен на значительном расстоянии и поэтому это очень удобный объект для всякого рода наблюдений.

Длина стебля д.в. прикреплённого в разных источниках указывается от 3 м [1] до 10 м [2]. В Ивановской области местами эта лиана поднимается до высоты 15 м. Почки и молодые побеги зелёные, с возрастом стебли покрываются желтовато-серой коркой.

Осенью молодые побеги с 4–5 узла, некоторые даже с первого узла на освещённых местах краснеют, в тени обычно остаются зелёными. Листья пальчато-сложные, с 5, очень редко с 3 яйцевидными или эллиптическими острыми листочками, с клиновидным основанием и заостренной верхушкой. Молодые листья по краям пильчатые, взрослые – крупно-пильчатые. Листочки взрослых листьев достигают длины от 5 до 18 см, с черешочками длиной 3–5 см. Длина черешка взрослого листа может достигать 30–35 см. Поверхность листьев с обеих сторон голая, б.м. блестящая, сверху тёмно-зелёная, снизу более светлая, с хорошо выраженными жилками. Осенью листья краснеют, особенно на освещённых местах, в тени остаются чаще зелёными. Усики с 2–5 удлинёнными разветвлениями, обычно без дисковидных расширений (присосок). Соцветие вильчато-ветвистое, без выраженной главной оси. Число цветков в соцветии сильно колеблется – от (1–3) 4 до 30. Цветки невзрачные. Околоцветник состоит из 5 прижатых к цветоножке чашелистиков. Венчик отсутствует. Тычинок 5. Плоды ягодообразные, синевато-чёрные, с лёгким сизым налётом, около 5–8 мм в диаметре, несъедобные.

Цветёт д.в. прикреплённый в июле–августе, а также в сентябре. Осеннее цветение в сентябре наблюдается далеко не у всех особей. Осень 2015 г. по своим погодно-климатическим условиям была весьма благоприятной для осеннего (перманентного и вторичного) цветения растений. В сентябре преобладали тёплые солнечные дни. В первой половине октября случились небольшие заморозки до -5°C , затем, примерно с 14 октября снова установилась плюсовая температура, вполне благоприятная для созревания сформировавшихся при осеннем цветении плодов. Однако, в условиях, когда большая часть листьев покраснела, очевидно, приток питательных веществ к плодам резко сократился и процесс созревания плодов резко приостановился. В Иванове интенсивное осеннее цветение д.в. прикреплённого я наблюдал на ул. Десятого Августа в условиях довольно различного освещения.

В середине октября (16.X.2015) у растущего на этой улице д. в. прикреплённого я обнаружил типичные соплодия, но с очень мелкими плодами в диаметре около 2 мм. Большинство плодов оказались пустыми, без сформированных семян. Вероятно, эти плоды – итог вторичного осеннего цветения, которое протекает с

определённым разрывом между обычным летним цветением. Позднее, 23.X.2015, на той же улице я обнаружил зелёные плоды типичного размера – 5–8 мм в диаметре, вероятно, завязавшиеся в начале сентября. Но подобные зелёные плоды в середине осени мне удалось обнаружить лишь на одной лиане из нескольких сотен осмотренных на 27 улицах и переулках г. Иванова, а также на многих загородных популяциях. Таким образом, образование плодов в середине осени – явление довольно редкое. Очевидно, в начале сентября у д.в. прикреплённого в разных экологических условиях наблюдается у одних особей вторичное, у других – перманентное (непрерывное летне-осеннее) цветение, которое широко распространено в нашей области среди видов, как местной аборигенной флоры, так и среди экзотов [3]. Многое зависит от погодно-климатических условий лета и осени, их колебаний. Как вторичное, так и перманентное летне-осеннее цветение (особенно деревьев и кустарников) в бореальных условиях часто не завершается образованием зрелых плодов и семян. Поэтому биологическое значение этих двух типов цветения не велико. Факт довольно широкого распространения вторичного и перманентного летне-осеннего цветения, как среди аборигенной флоры, так и среди экзотов, возможно, связан с формированием внутривидовых сезонных форм, которые в конечном итоге при осеннем цветении будут давать зрелые плоды и семена, а некоторые виды наверняка их дают. Не исключено также, что опавшие невызревшие семена в дальнейшем проходят процесс дозревания, который наблюдается, например, у *Heracleum sosnowskyi* – борщевика Сосновского и делают этот вид, наряду с другими его эколого-биологическими особенностями, чрезвычайно устойчивым и агрессивным растением, активно вытесняющим виды местной флоры на занятых им местообитаниях. Генерации растений из семян, образовавшихся в результате вторичного (а также осеннего перманентного цветения), вероятно, лучше приспособлены к прохладным осенним погодно-климатическим условиям и короткому световому дню.

Любопытна выявленная нами закономерность числа семян в зависимости от размеров плодов. Самые мелкие плоды диаметром менее 5 мм обычно содержат 1 семя, средние, диаметром 5–6 мм – 2 семени, крупные, диаметром 7–8 мм – 3 семени, наиболее

крупные, диаметром более 8 мм содержат 4 семени. Из 100 отобранных плодов по этим 4 группам, 28 плодов имели 1 семя, 22 – 2, 27 – 3, 23 плода имели 4 семени (табл. 1). Выявленная закономерность чётко проявляется в отношении самых мелких и самых крупных плодов: первые практически всегда односемянные, вторые – почти всегда четырёхсемянные. Эта закономерность, вероятно, связана с тем, что самые мелкие плоды формируются последними, и им не хватает пластических веществ для формирования нескольких семяпочек в завязи плода. Напротив, самые крупные плоды формируются первыми и в их завязях закладывается максимальное число семяпочек. Впрочем, возможны и иные объяснения. Доля участия тех или иных групп плодов как в одном соплодии (в одной кисти), на одной лозе, или на разных лозах, растущих в различных экологических условиях может быть разной.

Таблица 1

Число семян в плодах *Parthenocissus inserta* из 100 исследованных

Диаметры плодов, в мм	Число семян в плодах			
	1	2	3	4
До 5 мм	25	-	-	-
5-6 мм	3	20	2	-
7-8 мм	-	2	21	2
Более 8 мм	-	-	4	21

Плоды д.в. прикреплённого довольно долго держатся на побегах, после листопада. 22.X.2015 я наблюдал (лишь однажды за осень и начало зимы 2015 г.) склёвывание их голубем. В ноябре, разбрасывая плоды д.в. прикреплённого по земле среди стаи голубей, я отметил, что большинство из них охотно эти плоды поедает. Плодами д.в. прикреплённого питаются также куры и, вероятно, другие виды птиц.

Садоводы и цветоводы эту лиану обычно называют д.в. пятилисточковым. Длительное время не различали эти виды и флористы, вследствие чего в настоящее время проводится работа по переопределению ранее собранных гербарных образцов и уточнению распространения этих видов [2]. Эти виды чётко отличает-

ся целым рядом признаков (табл. 2). Д. в. пятилисточковый пока в Ивановской области не отмечен.

В естественных условиях д. в. прикрепленный распространен в Северной Америке – от юго-востока Канады на юг до Техаса и Колорадо. В Европе культивируется с начала XVIII в. [1]. В РФ выращивается по всей европейской части, на севере её страдает от морозов.

Таблица 2

Отличия д.в. прикрепленного от д.в. пятилисточкового.

Признаки	Виды	
	д.в. прикрепленный	д.в. пятилисточковый
Листья сверху	Блестящие	Матовые
Молодые побеги	Зелёные, с возрастом покрываются желтовато-серой коркой	С красноватым оттенком, с возрастом приобретают тёмно-зелёный цвет
Усики	С 2–5 разветвлениями	С 5–8(12) разветвлениями
Разветвления на концах	Без присосок	С присосками
Главная ось соцветия	Не выражена	Хорошо выражена

Осенью, начиная со второй половины августа, листва д.в. прикрепленного приобретает красивую карминово-пурпурную окраску, особенно на открытых солнечных местах. На улице Подгорной г. Иваново, на заборах, освещаемых солнцем в течение большей части светового дня к 15.IX.2015 г. все листья приобрели ярко-красную окраску. Особи, растущие в тени, всё ещё оставались зелёными. Палитра окрасок листьев (набор, диапазон цветов и оттенков), её интенсивность, весьма разнообразна. Пользуясь специальной «Шкалой цветов» А. С. Бондарцева [4] мы определили следующие цвета окрасок листьев, собранных после первых заморозков (они достигали -4°C) 10.X.2015 г. на ул. Подгорная и на ул. 10-е августа г. Иванова: от зелёных (с многочисленными оттенками этого цвета: травяно-зелёных, тёмно-травяно-зелёных, тёмно-зелёных, желтовато-зелёных, голубовато-зеленоватых, бледно-бирюзовых, синевато-зелёных, грязно-зелёных и т. д.) до красных (карминово-красных, красновато-бурых, малиновых), коричневых (коричнево-бурых, тёмно-

коричневых, каштановых, тёмно-каштановых, сливяно-чёрных). Мы выявили более 20 цветов и оттенков. И это лишь малая часть богатейшего диапазона цветов и оттенков листьев. Шкалы цветов Бондарцева явно не хватало для диагностики всех многочисленных оттенков. По богатству окрасок листьев д.в. прикрепленный безусловный лидер среди всех местных дикорастущих и интродуцированных видов. К тому же он длительное время, даже при первых осенних заморозках сохраняет палитру красок своих листьев. Листья держится на побегах до сильных заморозков, в благоприятных условиях в значительной степени сохраняя палитру окрасок. Так, на ул. 2-я Нагорная, в хорошо защищённых от ветров местах, на южных стенах деревянных строений листья оставалась ярко окрашенной и при полном тургоре до 19.X.2015 г. Но всё же, с наступлением устойчивых заморозков, окраска листьев постепенно блекнет, и они становятся бурными. 7.XI.2015 в г. Южа, где среднегодовая температура на 1⁰С выше, чем в г. Иванове я наблюдал, всё ещё более расцвеченные листья, чем в областном центре.

Очевидно, именно богатством палитры цветов и оттенков осенней раскраски листьев, а также неприхотливостью к условиям произрастания и быстрым ростом д.в. прикрепленный, наряду с д.в. пятилисточковым так привлекателен для садоводов и цветоводов, ландшафтных дизайнеров. Во второй половине осени, с началом первых заморозков, ненастной погодой, выпадением снега и короткими днями явно не хватает разнообразия красок, так характерного в середине лета. Однако девичий виноград, наряду с местными породами деревьев и кустарников (осиной, рябиной, клёнами) восполняет недостаток палитры красок. Создаваемые ими насыщенные цвета формируют выразительные пейзажи, которые смотрятся очень эффектно и создают праздничное настроение. Тёплые многочисленные оттенки жёлтого, оранжевого, коричневого и красного цветов вдохновляют своей богатейшей палитрой красок. Имеется возможность выделить по этому признаку множество различных форм.

Листопад у д.в. прикрепленного может осуществляться равномерно по всей лозе, или начинается с нижних, либо со средних, или с верхних побегов, в зависимости от местных микроклиматических условий, в частности, от ветрового режима. На

ул. 1-я Нагорная, на стене д. № 19 у довольно старой особи (ей более 30 лет) листопад наблюдается по всей длине лозы, однако на самых нижних побегах листья на 13.10.2015 ещё не опали, сохраняясь в зелёном состоянии. Возможны здесь лучшие микроклиматические условия. Верхняя часть лозы подвергается более сильным ветрам и листья обрываются ударами ветра. На той же ул. 1- Нагорная, на продуваемом всеми ветрами заборе лоза практически висела уже почти полностью голая, от корневой шейки до верхних побегов, без листьев. По наблюдениям 30.XI.2015 в разных условиях на побегах оставалось менее 1 до 20% листьев и плодов. Листопад у д.в. прикреплённого протекает примерно в те же сроки, как и у местных деревьев и кустарников. По срокам листопада он вполне адаптирован к осенним погодноклиматическим условиям нечернозёмной зоны России. С покраснением листьев и разрушением хлорофилла, очевидно, в хромопластах пигменты каротин и ксантофилл начинают активно работать и синтезировать витамины А и другие, что повышает морозостойкость побегов.

Таким образом, д. в. прикреплённый обладает многими достоинствами: обильно разрастаясь по опоре, он создает плотный зелёный покров и защищает стены домов от перегрева, ветра и дождя, жилища от уличного шума, пыли, гари и копоти. Он засухоустойчив, морозостоек и зимостойчив, выносит морозы без укрытия на зиму, без снятия плетей с опор. Девичий виноград довольно поздно распускает листья и цветёт, и благодаря этому не повреждается весенними заморозками. Он не повреждается болезнями и вредителями долговечен и, следовательно, не является их переносчиком. Он неприхотлив и практически не нуждается в уходе. Легко размножается черенками, отводками и семенами. Имея глубокую разветвлённую корневую систему, он мобилизует питательные вещества из глубоких горизонтов почвы и ежегодно образует большое количество листьев, которые могут использоваться садовниками и огородниками в качестве мульчи. Таким образом, на пустующих землях он может использоваться в качестве сидерата. Предпочитает открытые для солнечных лучей участки, но достаточно теневынослив и способен расти в тени, однако листья при этом часто остаются только зелёными. К почвам не требователен, но предпочитает дренированные земли. Он

растёт быстро, при благоприятных условиях ежегодный прирост побегов до 3 м. Хорошо переносит пыль, копоть, газы и может использоваться для покрытия стен промышленных зданий. Эффективно прикрепляется к любой твердой шероховатой поверхности с помощью усиков. В отличие от д.в. пятилисточкового не прикрепляется к гладким поверхностям (к стеклу, пластмассе, кровельному железу). Он весьма декоративен с начала лета до середины осени. Изящно смотрится на стенах, заборах, оградах, крышах, перголах. Он не вызывает аллергии. Плоды его не вкусные, несъедобные, случаев отравления ими не отмечено. Наконец, он может использоваться в качестве подвоя при выведении сортов винограда культурного. Долголетний опыт его выращивания показывает, что он не относится к числу агрессивно размножающихся экзотов и не представляет угрозы местному биоразнообразию.

В настоящее время д. в. прикреплённый, вероятно, выращивается в большинстве районов, городов, посёлков и коллективных садов Ивановской области, на многих усадьбах. Иванове он растёт в ботаническом саду ИвГУ, в дендрарии ИГСХА, где ежегодно цветёт, плодоносит и не подмерзает. В дендрарии ИГСХА д. в. прикреплённый успешно выращивается с 1980 г. Он активно разрастается вегетативным путём по забору со стороны ул. Пушкина, закрыв его плотным ковром и ежегодно возобновляется семенным путём.

В областном центре он также растёт на усадьбах и во дворах многих улиц: на 1 Рабочем посёлке (улицы 1-я и 2-я Нагорные, Гаражная, Калужская, Союзная, Строительная, Ткачей, Ясной Поляны, переулки Амбулаторный, Герцена, Строительный, Ярморочный), на улицах Багаева, Громобоя, 10 августа, Жидилёва, Крутицкая, Кузнецова, Горького, Лежневская, Льва Толстого, Подгорная, Постышева, Почтовая, Советская, Ташкентская, Фрунзе и др. В микрорайонах с малоэтажной застройкой он встречается на большинстве улиц. На ул. 1-я Нагорная он взобрался по северной стене здания до 5-го этажа (до высоты 15 м). В Ивановской области д. в. прикреплённый иногда встречается даже на свалках [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Осипова Н. В.* Лианы. Книга для любителей. М., 1989.
2. *Маевский П. Ф.* Флора средней полосы европейской части России. М., 2006.
3. *Шилов М. П.* Эколого-биологические особенности растений с осенним цветением // Сб. науч. ст. ШГПУ. Вып. 3. Шуя: Изд-во «Весть», 2006. – С. 47–56.
4. *Бондарцев А. С.* Шкала цветов. М.-Л.: БИН АН СССР, 1954.
5. *Борисова Е. А.* Адвентивная флора Ивановской области. Иваново: ИвГУ, 2007.

М. П. Шилов, Н. Н. Тяпков

СТАРИННЫЙ УСАДЕБНЫЙ ПАРК В ДЕРЕВНЕ ПЕРЕЖОГИНО ИВАНОВСКОГО РАЙОНА

Деревня Пережогоино Тимошихского сельского поселения расположена на крайнем северо-востоке Ивановского района, у границы с Фурмановским и Родниковским районами, в 2-х км северо-восточнее ж.д. станции Ермолино. В 600 м восточнее деревни протекает р. Лемешок (Лемех), приток р. Тезы. С запада и юга деревню огибает автодорога Шуя – Кострома. Южнее деревни проходит железная дорога Москва – Иваново – Кинешма.

Название д. Пережогоино связано с подсечно-огневой системой земледелия древних славян, при которой лес вырубался и оставался сохнуть до следующего года. Затем участок выжигался, *пережигался* вместе с выкорчеванными пнями и после легкой вспашки прямо в золу засевался. В течение первых лет собирались большие урожаи, а затем земля истощалась, забрасывалась и осваивались новые участки лесов. Так расширялись пахотные земли у находящейся неподалёку д. Зольново, что подтверждает эту гипотезу [1].

© Шилов М. П., Тяпков Н. Н., 2016

Первое письменное упоминание о д. Пережогино встречается в одном из документов под названием «Старинные грамоты Шуи». «1619 г. июня 7 за сидение в Москве в осаду от Владислава царем Михаилом Фёдоровичем даны Василью Блудову *из поместья в вотчину* в Ермолином стану деревни: Юрино, Пестово и *Пережошное*». Блудовы – старинный дворянский род, ведущий свое начало от Блуда (Буды), который в 980 г. был воеводою великого князя Ярополка Святославича. В XV–XVI вв. представители этого дворянского рода в различных походах служат воеводами московским царям. Василий Блудов в 1576 г. был городовым приказчиком в Шуе [2].

Однако род Блудовых владел деревней всего лишь четверть века. «В 1644 г. *Михаил Осипович Бастанов* приобрёл по просроченной закладной кабале Давыда Васильевича Блудова выслуженную вотчину последнего – д. *Пожегино (Пережогино)* с пустошами в Ермолином стане Суздальского уезда». Первые летописные сведения о дворянском роде *Бастановых* начинаются с Власа Владимировича Бастанова, который в конце XV в. был жалован от Ивана III поместьем на Новгородской земле. В XVII в. Бастановы находились в числе стряпчих и дворянх московских. *Михаил Осипович Бастанов* в чине жильца также участвовал в «Московском осадном сидении» 1618 г. [2].

На плане Генерального межевания 1792 г. на крайнем юге Плёсского уезда слева и чуть в стороне от *Столбовой дороги из Нерехты в Балахну* обозначены два населённых пункта: д. *Пережогино* и расположенное на другой стороне безымянного ручья, впадающего в речку Лемешок, *сельцо Пережогино*. Из Экономических примечаний к плану Генерального межевания явствует, что в конце XVIII в. сельцом Пережогино с окрестными землями владел *отставной секунд-майор Александр Каширов*. Описание этих земель была «*учинена 1771 года 24 октября землемером ротмистром Михайловым*» [3].

Смена владельца, вероятно, произошла в 1740-х гг., когда Императрица Елизавета Петровна после прихода к власти жаловала земли сподвижникам своего отца Петра I. Таким образом, земли в верховья речки Лемешок с сельцом Пережогино получил предок дворянского рода Кашировых. В это же время сёла Сараево и Рождествено, расположенные чуть севернее в нынешнем

Приволжском районе, получил Василий Суворов, отец будущего полководца Александра Суворова. Нанесение на план Генерального межевания отдельного населённого пункта – сельца Пережогина свидетельствует о том, что в конце XVIII в. здесь располагалась барская усадьба.

Нанесение на план Генерального межевания отдельного населённого пункта – сельца Пережогина свидетельствует о том, что в конце XVIII в. здесь располагалась барская усадьба. «Сельцом называется крестьянское селение без церкви, особенно такое, при котором имеется барская усадьба» (В. Даль). Одновременно с проведением Генерального межевания Екатерина II озаботилась строительством и содержанием дорог в империи. Очевидно, именно в это время *Столбовая дорога из Нерехты в Балахну* получила ещё одно наименование, дошедшее до нашего времени – *Екатерининский тракт*. По этой дороге дважды в 1785 и 1795 гг. из своего имения Сараево в другую свою вотчину сельцо Дьяково в нынешнем Лежневском районе проезжал *А. В. Суворов*.

В декабре 1796 г. Императором Павлом I вместо Костромского наместничества была образована Костромская губерния. Плёсский уезд был упразднён. 3 июня 1798 г. по Екатерининскому тракту мимо сельца Пережогина вместе с Великими князьями Александром и Константином из Казани в Петербург проехал Император Павел I.

В начале XIX в. реконструкция дорог империи была продолжена военным министром графом Аракчеевым. В это время появилось приподнятое проезжее полотно и бульвары. Эти элементы *Аракчеевского тракта* у д. Пережогина сохранились до сих. В 1861 г. дорога, проходящая мимо Пережогина, именуется как *торговая дорога Нерехта – Шуя*.

Отмеченная выше усадьба в сельце Пережогина располагалась на правом берегу безымянного ручья – притока р. Лемех. Барский дом стоял примерно в 50 м от ручья. Вдоль фасада барского дома параллельно ручью проходила липовая аллея длиной более 100 м. Вдоль ручья была устроена анфилада из 3 прудов, сейчас сильно обмелевших и заросших. Сзади барского дома был сад, остатки которого дошли до нашего времени. В 1871 г. в

300 м южнее деревни сразу за барским садом по усадебной земле прошла ветка железной дороги Иваново-Вознесенск – Кинешма. Владелец усадьбы в конце XIX в. известен – это капиталистский крестьянин соседней д. Добрынское Николай Иванович Подпорин.

По переписи населения Российской империи 1897 г. в д. Пережегино было 90 жителей, в д. Пережегино Малое 7 жителей. В Списке населённых мест Нерехтского уезда Костромской губернии 1907 г. также указаны два населённых пункта [4]: д. Пережегино Игнатовской волости «при пруде, в 26 дворов с числом жителей обоюга пола 154» и «пос. Пережегино Малое», где вместо числа дворов и количества жителей стоят знаки вопроса [4]. Вероятно, уже в начале XX в. усадьба начала приходить в запустение.

По воспоминаниям старожилов барский дом в послереволюционные годы сгорел. Во флигеле, располагавшемся рядом с барским домом, в конце 1920-х гг. была начальная школа, которая работала до 1937 г. Позднее здание этого флигеля использовалось в летнее время для отдыха детей из детского садика ст. Ермолино. В начале 1950-х гг. флигель был разобран. В начале 2000-х гг. в деревне проживало 11 человек [1], в настоящее время постоянных жителей всего трое. Однако жилых домов значительно больше – около десятка. Ещё в конце 1990-х гг. здесь были реконструированы или построены вновь несколько дачных домов жителями Иванова.

Усадебный парк, известный с конца XVIII в. был хорошо спланирован. В его центре располагался жилой особняк (остатки фундамента видны и сейчас) с хозяйственными пристройками. С северной стороны парка простиралась липовая аллея. По границе усадьбы с северной стороны были выкопаны три пруда для летнего отдыха и разведения рыбы.

Липовая аллея парка – одна из типичных тёмных липовых аллей, которые были весьма популярны в дворянских усадьбах XIX в. Липа – любимое дерево дворян. В жару её пышная крона создаёт спасительную прохладу, а во время цветения дерево распространяет по всей усадьбе густой приятный аромат. Дерево долгоживущее – до 450-600 лет. Не случайно, старинные парки, созданные в XVIII-XIX вв., до сих пор сохранились, как и липовые насаждения в них. Большая часть липовой аллеи сохранилась до сих пор и производит величественное впечатление. Диаметр

ствола на высоте 135 см самых крупных лип достигает 85 см, следовательно, наиболее старым липам более 100 лет. В густых насаждениях деревья растут медленнее, чем при оптимальной густоте насаждений. Липовая аллея в д. Пережогоино – одна из лучших среди подобных тёмных липовых аллей в Ивановской области: 1) она очень хорошо сохранилась; 2) она одна из самых длинных липовых аллей в нашем регионе; 3) удачно спланирована – аллея протянулась с востока на запад, и, несмотря на очень плотное расположение стволов (в среднем через 1 м), деревья в меньшей степени затеняют друг друга, по сравнению с расположением аллей с юга на север.

Дендрофлора парка насчитывает более 30 деревьев и кустарников. Здесь растёт пихта сибирская, которая включена в Красную книгу Ивановской области [5]. Диаметр её ствола достигает 50 см. Из других древесных пород в парке растут ель высокая, лиственница сибирская (2 дерева), сосна обыкновенная, берёза повислая, дуб обыкновенный (встречаются в основном молодые особи), тополя белый и сибирский, ивы белая, ломкая, козья, клены американский и остролистный, осина и яблоня домашняя. По рассказам местных жителей в саду росли кедры, но до наших дней они не сохранились.

Довольно разнообразен состав кустарников: бузина кистистая, жимолость лесная, ивы корзиночная, мирзинолистная, остролистная (или верба), пепельная, пятитычинковая, трехтычинковая, ирга колосистая, калина обыкновенная, карагана древовидная (или желтая акация; высажена по периферии парка, возможно, высаживалась в качестве живой ограды), лещина обыкновенная, малина обыкновенная, рябина обыкновенная, сирень обыкновенная, смородина колосистая, черёмуха обыкновенная, шиповник майский и др.

Флора травянистых растений насчитывает более 140 видов растений. Среди древесных насаждений отмечены кострец безостый, овсяницы красная и луговая, пырейник собачий, мятлик дубравный, живучка ползучая, звездчатка жестколистная, земляники лесная, мускусная, копытень европейский, марьяники дубравный и луговой, медуница тёмная, сныть обыкновенная, чина весенняя и др.

На открытых территориях, луговинах и пустырях обычны злаки: вейник наземный, душистый колосок обыкновенный, ежа сборная, кострец безостый, лисохвост луговой, мятлик луговой, овсяницы красная и луговая, полевица тонкая, пырей ползучий, тимофеевка луговая, щучка дернистая. По берегам прудов из злаков изредка встречается манник плавающий, по тропинкам и их обочинам – мятлик однолетний. Из бобовых растут горошек заборный, горошек мышиный, донники белый и лекарственный, клевера гибридный, луговой, ползучий, люцерна хмелевидная, чина луговая.

В группировках луговых сообществах распространены такие типичные для них виды растений разнотравья как лютики едкий и ползучий, гвоздика травянка, звездчатка злаковая, ясколка обыкновенная, щавель кислый, лапчатки прямостоячая и серебристая, манжетки, будра плющевидная, фиалка собачья, вербейники монетчатый и обыкновенный, вероника дубравная, зубчатка поздняя, подорожники большой, ланцетный и средний, зверобой продырявленный и пятнистый, герани лесная и луговая, черноголовка обыкновенная, колокольчик раскидистый, васильки луговой и фригийский, золотарник обыкновенный одуванчик лекарственный, пижма обыкновенная, тысячелистник обыкновенный, ястребинка зонтичная. На влажных и сырых луговинах изредка встречается осоки заячья и коротковолосистая, валериана, норичник узловатый, сивец луговой, чистец болотный.

На пустырях (между липовой аллеей и бывшим плодовым садом) растут типичные бурьянистые виды растений: крапива двудомная, иван-чай узколистный (местами встречается в массе), гравилат городской, чистотел большой, щавели курчавый, пирамидальный и туполистный, пустырник мохнатый, яснотка белая, короставник полевой, бодяк полевой (местами в массе), бородавник обыкновенный, лопух паутинистый, пижма обыкновенная, полыни горькая и обыкновенная. Изредка встречается маргаритка многолетняя.

Вдоль дорожек и тропинок встречаются типичные представители сорно-рудеральной растительности: ситник сплюснутый, горцы вьюнковый, птичий и щавелелистный, щавель малый, звездчатка средняя, желтушник левкойный, пастушья сумка, икотник, лапчатки гусяная и промежуточная, льнянка обыкновенная.

венная, марь белая, пикульники двунадрезанный и красивый, мелкопестники едкий, канадский и щетинистый, осот полевой.

По берегам прудов отмечены страусник обыкновенный, хвощи полевой и болотный, полевица побегоносная, камыш лесной, ситник жабий, горец перечный, дудник лесной, жерушник болотный, зюзник европейский, касатик ложноаирный (встречается довольно значительная популяция, более 10 м²), осоки лисья, острая, пузырчатая, рогоз широколистный, частуха подорожниковая, кипрей розовый, хрен, мать-и-мачеха, мята полевая, череда трехраздельная. Из лиан на берегах прудов растёт хмель вьющийся. Из обитателей водоёмов (гидрофитов) отмечены лишь ряска маленькая и многокоренник обыкновенный.

26 сентября 2015 г. по инициативе главы администрации Тимошихского сельского поселения был проведён субботник по очистке парка от мусора, в котором приняли активное участие учителя и учащиеся Ермолинской средней школы. Значительную часть открытого пространства, поросшего бурьяном и луговыми травами, ежегодным подкашиванием можно превратить в красивый газон. В будущем этот старинный усадебный парк, имеющий историческое, учебно-образовательное, туристско-познавательное, рекреационное и эстетическое значение, учитывая его расположение рядом с довольно оживлённой автомобильной трассой Шуя – Кострома, может быть использован для строительства кемпинга или придорожного кафе. Это позволит за счёт привлечения частных инвестиций сохранить уникальный ландшафтный комплекс.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ.

1. *Тяпков Н. Н.* Историко-топонимический словарь Ивановского района. Иваново, 2014.
2. <http://ru.rodovid.org/wk>
3. Государственный архив Ивановской области. Фонд. 1157. Описание 1. Дело 236.
4. Список населённых мест Костромской губернии... Кострома. 1908.
5. Красная книга Ивановской области. Т. 2. Растения и грибы. Иваново. 2010.

В. И. Косярумов

ИСТОРИЯ УСАДЬБЫ СУШНЕВО

На берегу р. Пекши в очень живописной местности Петушинского района Владимирской области располагается имение старшей сестры известного русского промышленника и мецената Саввы Тимофеевича Морозова – Анны Тимофеевны Карповой (ур. Морозовой, 1849–1924).

Усадьба была куплена для неё матерью Марией Федоровной Морозовой в 1872 году. Морозовы выходцы из московской старообрядческой купеческой семьи. Таким образом, не случайно, рядом с домом для слуг в этой усадьбе была устроена скромная старообрядческая молельня. Местность, вдоль реки Клязьмы начиная с Подмосковья и кончая Собиновской мануфактурой, издавна была населена старообрядцами. Единственный в округе новоправославный храм Владимирской иконы Божией Матери в Болдино был построен лишь в 1893 году. Кстати, на его открытии тоже присутствовали старообрядцы.

Геннадий Федорович Карпов женился на Анне Тимофеевне урождённой Морозовой в 1865 году.

Главный усадебный дом А. Т. Карповой сгорел в 1935 г., дом для гостей также не сохранился. С одной стороны от главного дома располагался дом младшего сына, с другой – старшего сына. Двухэтажный деревянный дом младшего сына Геннадия Геннадьевича представляет собой пример жилой усадебной деревянной постройки, выполненной в «русском» стиле, характерном для конца XIX – начала XX в. Дом старшего сына Тимофея Геннадьевича расположен на высоком берегу р. Пекши. Это одноэтажный деревянный дом, северный фасад которого украшен четырёхколонным портиком.

Красивый ансамбль усадьбы сложился в XIX веке и является интересным памятником архитектуры того времени. Главная роль в усадебном ансамбле принадлежала 4 усадебным домам: дому А. Т. Карповой, сгоревшему в 1935 году, несохранившемуся дому для гостей и двум домам сыновей.

© Косярумов В. И., 2016

У Карповых было 15 детей. Шестеро сыновей: Тимофей (окончил курс юридических наук в Московском университете, служил в Московской судебной палате, был избран почетным мировым судьей по Покровскому уезду. В 30-е гг. его сослали в Нижний Новгород, в 1932 г. он погиб в тюрьме г. Архангельска), Федор (был женат на М. Д. Морозовой), Александр (1875–1944, женат на Е. П. Рябушинской), Николай (1878–1912, похоронен в Сушнево), Георгий (р. 1881, после 1917 г. стал монахом на Афоне), Геннадий (1882–1952, женился на дочери московского городского головы Н. И. Гучкова, Вере Николаевне, после 1917 г. эмигрировал). И девять дочерей: Ольга, Анна, Елена (1870–1942, замужем за А. В. Кривошеиным), Зинаида, Мария (замужем за потомственным дворянином А. Н. Смольяниновым), Варвара, Наталья (замужем за Н. П. Лихачевым), Алевтина (1876–1919, замужем за Н. В. Ненароковым, владимирским вице-губернатором, правнуком известного русского адмирала И. Ф. Крузенштерна по материнской линии), Клавдия (1882–1967, замужем за потомственным дворянином Б. С. Головниным, после 1917 года – офицером Белой армии).

Когда у Анны Тимофеевны случилась родовая горячка, от которой она с трудом оправилась, отец, Тимофей Саввич, в 1870-х гг. построил в Москве на Девичьем поле Гинекологическую клинику. Она была почетным членом Общества истории и древностей российских и в память о муже учредила премию за лучшие исторические работы. Анна Тимофеевна помогала художнику Поленову, оказывала материальную поддержку Марфо-Мариинской обители. Младшие дети жили с отцом в Сушневе до октября, старшие с матерью, в Москве.

Анна Тимофеевна в старости передала усадьбу старшему сыну, Тимофею Геннадьевичу Карпову (1870–1932). В 1932 г. Тимофея Геннадиевича арестовали, он умер в тюрьме г. Архангельска, его жена, Мария Дмитриевна, умерла в ссылке, в заключении погиб и муж старшей дочери Тимофея Геннадиевича, Анны, А. А. Пельтцер.

Большой регулярный парк из лиственных деревьев расположен очень удачно. Он окружен лесами и лугами и гармонично сливается с окружающей местностью. В парке располагались часовня и различные служебные постройки.

Здесь частыми гостями были знаменитости того времени: И. И. Левитан, Ф. И. Шаляпин, А. П. Чехов.

Рядом усадьба В. О. Ключевского (домашний учитель Саввы Тимофеевича), у которого часто бывал художник И. И. Левитан. В этом имении, у Карповых, Левитан написал картину “У омута”.

После 1917 года усадьба была национализирована. В 1921 г. Карповых выселили, отобрав все имущество, даже одежду.

В 1921 г. на этой территории был открыт дом отдыха («Сушнево-1»), который просуществовал до 1994 г. Однако главный усадебный дом А. Т. Карповой сгорел в 1935 г. Постепенно появился ряд современных построек – корпуса для отдыхающих, беседки, хозяйственные строения. Конюшня усадьбы была приспособлена под детский сад, контора управляющего – под жилье, а часовня – под спортивный зал.

Дом старшего сына Карповых и парк (сер. XIX в.), включены в список памятников архитектуры, подлежащих охране как памятники местного значения. Дом младшего сына, контора управляющего, дом для прислуги, конюшня, каретник, часовня включены в список объектов культурного наследия Владимирской области.

С 1994 г. помещения не используются. Усадьба полностью заброшена, за исключением конторы управляющего, которая находится в частной собственности и используется под жилье.

Многие здания пустуют и разрушаются. Сохранились усадебный парк и много построек XIX в.: надстроенный в советское время дом для слуг и работников (в Сушнево было образцовое молочное хозяйство, молоко каждый день в бидонах отвозили на станцию для доставки в магазины Москвы), флигель, кладовая, хозяйственные помещения. Небольшое, квадратное в плане каменное здание, стоящее недалеко от входа в усадьбу – старообрядческая молельня.

Во 2-й половине 2000-х гг. в пос. Болдино, у одноименной платформы железной дороги была построена часовня Боголюбской иконы Божией Матери.

М. С. Дроздов

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ-ХУДОЖНИЦЫ ЭПОХИ ЛЕВИТАНА

Изобразительное искусство и у нас на Руси, и в России, и на Западе долгое время считалось традиционно мужской сферой творчества. Тем не менее, уже в средние века в Европе женщины-художницы встречаются. Так, Кристина Пизанская хвалила свою современницу Анастасию за умение писать миниатюры, украшавшие манускрипты. В эпоху Возрождения можно назвать уже больше имен художниц той поры (дочерей, как правило, живописцев), например, довольно известна Артемизия Джентилески (1593–1653).

В России художники женского пола появились несколько позднее. Но это утверждение не относится к художницам-прикладницам, прежде всего – вышивальщицам. В круг старинного воспитания девочек на Руси непременно входило рукодельное искусство. Хорошо известны изумительные работы тетки Ивана Грозного Евфросинии Андреевны Старицкой, основательницы самобытной школы лицевого шитья в русском искусстве. Одной из самых замечательных продолжательниц этих традиций была царица трагической судьбы Ксения Годунова (1582–1622). В XVIII столетии художествами у нас если и занимались, то в основном все-таки не русские, а иностранные женщины. В следующем, однако, веке практически все сколько-нибудь состоятельные дворянские девушки обучались не только языкам, танцам, но и рисованию. В помещичьих усадьбах, ныне музеях, в частности – в Муранове, в Абрамцеве, Тригорском, сохранилось немало рисунков, акварелей, миниатюр, а то и живописных полотен их былых хозяек и обитательниц. К середине XIX века подобные занятия стали общим правилом, а какое-то количество женщин уже училось, пусть и в качестве вольнослушателей, в Петербургской Академии художеств или сдавало экзамены при ней на звание свободного художника. Таковыми, к примеру, были Софья Сухово-Кобылина (1825–1867), Мария Раевская-Иванова

(1840–1912; основанная ею рисовальная школа в Харькове успешно работала и в левитановское время). В Петербурге появились более лояльные в гендерном вопросе Рисовальная школа Общества поощрения художеств, училище Штиглица, в Москве – Строгановское училище. В самом начале 1880-х гг. в Московское училище живописи, ваяния и зодчества стали брать вольнослушательниц-женщин.

Относительно предыдущего периода самодеятельных и профессиональных художниц стало ощутимо больше. Больше настолько, что Ф. М. Достоевский в конце 1860-х гг. делает одной из героинь своего романа «Идиот» «замечательного живописца» Аделаиду Епанчину. Я в свое время попытался разобраться, кто из живших тогда русских женщин-художниц мог бы стать прототипом Аделаиды [1]? Привлек к этому свой «Словарь-справочник русских женщин-художниц» [2], который составляю много лет и в котором около двух тысяч имен, пусть и с разной степенью информации о них. Достаточно тщательный анализ показал, что прямого прообраза нет, а образ Аделаиды является, в известной мере, служебным: он служит для выражения мыслей самого писателя о красоте. Наиболее близко к образу Аделаиды подходила бы знакомая Достоевского талантливая русская художница Е. Ф. Юнге (урожденная Толстая), но с ней он познакомился, скорее всего, только в 1880-м году (и ей уже было 37 лет).

В данном кратком обзоре фактически впервые ставится вопрос о творческом знакомстве, взаимодействии, взаимоотношениях И. И. Левитана с женщинами-художницами 80-х–90-х гг. XIX века (помимо С. П. Кувшинниковой) – с кем он учился, с кем участвовал на выставках, с кем дружил, кого учил. Опираемся, в основном, опять на упомянутый «Словарь». С ним, в электронном его виде, пришлось произвести несколько операций. Прежде всего – удалить те персонажи, что родились после 1880-го года (и явно не могли творчески «пересекаться» с великим пейзажистом), а также – слишком старых. Оставшихся набралось немало (не меньше 310), хотя большая часть словаря оказалась за бортом этой эпохи (действительно, в начале XX века у нас образованные женщины поголовно или музыкантши или художницы, в третьей четверти XIX века — это еще не так). Таким образом, даже по весьма приблизительным подсчетам, во времена Левитана, Коровина, Серова занималось живописью и близкими к ней делами или училось искусствам довольно приличное количество жен-

щин, причем в основном в двух главных художественных центрах Империи – в Петербурге и Москве. В Москве, судя по всему, несколько меньше.

На известной фотографии пейзажного класса МУЖВЗ (ок.1877 г.), однако, мы не видим ни одной женщины. В тот же период в Париже в частной Академии Жюлиана и в других студиях начинающих художниц полно, среди них и знаменитая вскоре Мария Башкирцева (см. ее картину «Мастерская Жюлиана»). Но и у нас, как сказано выше, появляются, появляются на мужском фоне русского изобразительного искусства женские фигурки с этюдниками и кистями. С К. Коровиным, учившимся дольше Левитана, уже занималась в Училище, например, Е. Н. Орлова, дочь княгини О. П. Орловой [3]. Среди самых первых девушек, обучавшихся в МУЖВЗ были Александра Рамазанова (1861–1956), дочь бывшего директора Училища, и дочь богатого купца-англичанина Эмилия Шанкс (1857–1936). По воспоминаниям Рамазановой [4], третьей женщины, переступившей порог Школы живописи, девушки принимались вольнослушательницами, им не выдавались дипломы, не присваивались какие-либо ни звания и права. Еще она отмечала, что преодолеть смущение и робость в натурном классе могла не всякая девушка того времени, тем более, что молодые художники развлекались, устраивая «сюрпризы», сопровождаемые хохотом и грубыми шутками, заставлявшие женщин бежать из класса.

Левитану, скорее всего, в Училище не пришлось реально общаться с женщинами-студентками, как, до поры до времени, и в первые годы самостоятельной жизни. Но на выставках ученических работ середины 1880-х гг. он уже мог видеть произведения Э. Шанкс, Рындиной, А. Рамазановой, Обуховой, Е. Орловой, Милиотти, Беляевой [2]. С 1888 года Левитан постоянно участвует в Передвижных выставках. Среди передвижников женщин очень долго не было, и только в 1894 году членом ТПХВ стала Эмилия Шанкс, а в 1899 году – вторая и последняя женщина – Антонина Ржевская. Их произведения, особенно «Веселая минутка» Ржевской, стали популярными у публики. Левитан, конечно, был с ними знаком и вместе с ними, по-видимому, участвовал в февральских ежегодных сборах Товарищества в Петербурге.

Получившие в 1890-е годы известность (отчасти и европейскую) Елизавета Бём (1843–1914), Екатерина Юнге (1844–1913), Мария Башкирцева (1858–1884) (особенно после публикации ее

«Дневника»), насколько можно судить, не коснулись как-то близко Левитана. Но зато близкие творческие и дружеские связи установились у Художника с Абрамцевским кружком и прежде всего – с семьей своего учителя Поленова и его родней [5]. Широко известны рисовальные вечера у Поленовых, где моделью бывал и сам Исаак. Художниками были и сестра Василия Дмитриевича Елена Дмитриевна (1850–1898), и его жена Наталья, урожденная Якунчикова из семьи московских купцов и меценатов, крупных фабрикантов кирпича. Сестра Натальи Мария Якунчикова (1870–1902), знакомая нам по картинам К.Коровина, написанным в Жуковке на Клязьме (ныне в границах Болшева), была в той же замечательной поленовской «обойме». Приезжал к Поленовым в Жуковку и Левитан. Мария Якунчикова мало занималась портретированием, но вот на выставке «Портрет с историей» [6] в 2013 г. появилось подписанное ее фамилией (по-французски) изображение человека, весьма похожего на Левитана. Что это – действительно портрет Левитана, или очередная подделка? Уж слишком современной, яркой и динамичной, не свойственной Якунчиковой, кажется живопись...

Кроме круга Поленова, немало «пересечений» с женщинами-художницами могло быть у Левитана в круге Чехова [7]. Два великих художника, кисти и пера, при всех известных сложностях в их отношениях, оказались чрезвычайно близкими в каких-то сокровенных основах своего мироощущения. Левитан немало способствовал занятию сестры Писателя Марьи Павловны живописью, не единожды описан в литературе и их короткий роман. В письме 1891 года М. П. Чехова сама себя объявляет ученицей Левитана. В последующие годы (после конфликта с другом) Исаак все время спрашивает Антона, как дела у Маши, как ее успехи, а в 1897-м обещает Чехову зайти в Училище по поводу поступления туда сестры...

Марья Павловна училась на курсах при Строгановском училище, а также в студии Званцевой-Хотяинцевой. Подругами Марьи Павловны (и Антона Павловича) были, в частности, профессиональные художницы А. А. Хотяинцева и М. Т. Дроздова. Результаты их совместных занятий искусством представлены в Музее-усадьбе Чехова в Мелихово. Как свидетельствует фотография 1889-го, видимо, года, выходила Марья Павловна на этюды и с «любительницей» Н. Линтваревой...

В 1882-м году, еще во время учения Левитана, в МУЖВЗ поступила дочь Толстого Т. Л. Толстая и с перерывами проучилась там 15 лет. По воспоминаниям В. П. Зилоти [8], Татьяна Толстая, учившаяся в Училище вместе с двоюродным братом меуаристки Н. С. Третьяковым (он и привел ее к Третьяковым), копировала картины в Третьяковской галерее. «Таня приходила к нам к 10 часам утра, у нас завтракала и работала до трех часов, потом пила с нами чай. Ей было 17 лет, а мне 15, мы скоро подружились. Была она простая, сердечная, веселая, оригинальная и, в своем роде, очень интересная, напоминая и отца своего и свою мать.... Кроме Тани Толстой в ту зиму и в последующие, в галерее копировало несколько учеников Училища жив и ваяния. Между ними были два брата Левитана, из которых Исаак стал знаменитейшим русским пейзажистом-лириком». Вряд ли они, Толстая и Левитан, были тогда знакомы (да, скорее всего, Зилоти и смешивает времена), но знакомство их могло произойти позже на выставках или уже в 90-е годы через Чехова, которым Татьяна настолько увлеклась, что подумывала о замужестве. Известна запись в ее дневнике, что на одной из выставок она встретила Левитана, но остановила и спросила его именно о Чехове: «На выставке встретила Касаткина и Левитана. С последним была очень любезна из-за Чехова» (10 апреля 1896г.) [9].

К «чеховским знакомствам» можно, в известной мере, отнести и знакомство Левитана с Кувшинниковой. Именно Чеховы привели впервые Художника в дом Мясницкой части. Софью Петровну обыкновенно называют ученицей Исаака Ильича, но надо отметить и природный, точнее – фамильный ее дар, ибо брат ее генерал-майор Александр Петрович Сафонов (1852–1913) тоже был художником, баталистом, прекрасным рисовальщиком, он иллюстрировал историю войн и различных полков Русской армии [10]. О нем упоминает и Гиляровский в своих воспоминаниях. А не так давно мы узнали, что у Кувшинниковой были и собственные ученики! Так, оказывается, у нее в 90-е годы училась Елена Юрьевна Недович, урожденная Зубова (1867–1926), вологодская дворянка, художница, антропософка, выставка которой состоялась в картинной галерее Вологды [11].

После разрыва с С. П. Кувшинниковой весьма тесные отношения на почве живописи сложились у Левитана с Еленой Андреевной Карзинкиной (1869–1943), ставшей впоследствии женой

писателя Н. Телешова. Переписка Левитан-Карзинкина была особенно интенсивной в 1897 году [12]. Судя по ней, они участвовали и в совместных пленэрах. Наверняка давал великий пейзажист и профессиональные советы Елене Андреевне.

Помимо М. П. Чеховой, С. П. Кувшинниковой, Е. А. Карзинкиной, в 1898 г., с началом преподавания Левитана в МУЖВЗ, у него появились и официальные ученики и ученицы. Правда, он преподавал и ранее – на курсах архитектора Гунста, но о тех обучаемых мы пока ничего существенного не знаем, кроме того, что уже там могли пересечься (но, похоже, не пересеклись) пути Художника и будущего великого скульптора Анны Голубкиной. О студентках, ученицах пейзажного класса его Альма Матер, где Исаак Ильич проработал преподавателем два последних года жизни, мы узнаём из воспоминаний Липкина и Енгальчевой в книге Федорова-Давыдова 1956 года [12]. Они значатся и в моем «Словаре русских женщин-художниц»: Брускетти-Митрохина Алиса Яковлевна (1872–1942), Енгальчева Нина Федоровна (1870–1961), Канцель А. Б., Келлер Елена Ивановна, Шишкина-Голеневич Елена Устиновна (1868– после 1933). Большой популярности ученицы не получили, но Брускетти-Митрохина, погибшая в блокаду, хорошо известна коллекционерам русского и советского фарфора, а Шишкина-Голеневич, подруга А. Голубкиной, 15 лет преподавала скульптуру в Строгановском училище.

Известны, по крайней мере, и две малолетние ученицы Левитана. В том же сборнике [12] приведены воспоминания Елены Федоровны Дейши, которую в 1880 г. в 9-летнем возрасте на дому Левитан обучал рисованию. Кроме того, в книге И. Поткиной и Т. Морозовой о Савве Морозове [13] ученицей Левитана названа и Мария Саввишна Морозова, дочь Саввы Морозова. В год смерти Художника ей исполнилось 10 лет. Вполне возможно, что несколько уроков Левитан, друживший с дядей Маши – Сергеем Тимофеевичем Морозовым, вполне мог ей дать. Отметим, что она и потом проявляла интерес к искусству, больше – к прикладному. В Горках, усадьбе ее матери, висит полочка в абрамцевском духе, оформленная, скорее всего, именно Марией.

Исаак Ильич умер, не дожив до своего 40-летия, оставив в МУЖВЗ целый класс студентов и студенток. Он писал им в конце весны: «Доживем до осени...». Не дожил... И пусть из непо-

средственных его учениц никто особенно не прославился, но в начале 20-го века всходила уже над Россией и Миром заря Натальи Гончаровой, Александры Экстер, Ольги Розановой. И работали много и успешно, не хуже лучших из мужчин, замечательные наши художницы традиционного стиля Елизавета Кругликова, Ольга Делла-Вос-Кардовская, Анна Остроумова-Лебедева, княгиня Мария Тенишева, Зинаида Серебрякова, и еще немало!

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дроздов М. С.* Достоевский и русские женщины-художницы. К образу Аделаиды Епанчиной в романе «Идиот» // Достоевский и современность. Материалы XXIV Международных Старорусских чтений 2009 года. – Великий Новгород, 2010. – С. 81–89.
2. *Дроздов М. С.* Словарь русских женщин-художниц (XVI в. –1917 г.). Рукопись. Личный архив автора.
3. *Молева Н. М.* Жизнь моя – живопись. Константин Корвин в Москве. М, Московский рабочий, 1977. 232 с.
4. *Рамазанова А. Н.* Из жизни художественной Москвы. // Встречи с прошлым. Вып.1. М., 1970. С. 50–92.
5. *Грамолина Н. Н.* Левитан в Поленовском доме // Левитановские чтения. Материалы научно-практической конференции 3–4 октября 2011г. Иваново, 2014. С. 19–26.
6. <http://www.cultobzor.ru/2013/03/portret-s-istoriey/>
7. *Чехов М. П.* Вокруг Чехова. Встречи и впечатления. М, Московский рабочий, 1964. 368 с.
8. *Зилоти В. П.* В доме Третьякова. М., Издательство: Искусство, 1998 г. С. 119–120.
9. *Сухотина-Толстая Т. Л.* Дневник. М., Правда, 1987. 576 с.
10. *Журомский Константин.* «К пользе и славе России» // Русское искусство. 2005, № 4.
11. *Лукина Н.* Вологодские дворяне Зубовы. – Ч. II, кн. II. – М., 2007.
12. *Левитан И. И.* Письма. Документы. Воспоминания. Общая редакция А. Федорова-Давыдова. М., Искусство, 1956 г. 336 с.
13. *Морозова Т. П., Поткина И. В.* Савва Морозов. М., Русская книга, 1998. 208с.

КОНСТАНТИН КОРОВИН В ГУРЗУФЕ

Имя замечательного яркого русского художника К. А. Коровина неразрывно связано с южными красками щедрого крымского солнца и небольшой татарской деревней Гурзуф, превращенной заботами мецената и благоукрасителя Петра Ионовича Губонина (1825–1894) в престижный аристократический курорт. Именно здесь, в Гурзуфе, художник облюбовал место для постройки своей виллы «Саламбо» – пологий склон, сбегаящий к самому морю, откуда открывался замечательный вид на бухту и дачу горячо любимого, так рано ушедшего из жизни Антона Павловича Чехова. На месте старой харчевни в 1910 году Константин Алексеевич Коровин строит двухэтажную дачу по собственному проекту, которой была уготована долгая и славная судьба – стать Меккой для художников.

Константин Коровин любил свой дом, заботливо обставлял его многочисленными вазами, выбирал гардины и маркизы, мебель и украшения для интерьера. Дом имел два входа. Перед домом была построена великолепная терраса – большая, уставленная кадками с олеандрами, розами, с беседками, увитыми виноградом и плющом, получившая шутовое название «сковородка». Пирамидальные кипарисы и плетущиеся розы сорта Бэнкси, желто-кремового, охристого, любимого Коровиным цвета, сохранившиеся до наших дней, безусловно, помнят своего хозяина и многочисленных гостей, съезжавшихся сюда на сезонный отдых. В их числе и величайший русский актер Ф. И. Шаляпин, художник В. И. Суриков, писатели М. Горький, И. Г. Скиталец, поэт К. Бальмонт, а также художники, архитекторы, музыканты и весь художественный бомонд начала XX века, ставший культурной славой России. На этой террасе пели, рисовали, играли, беседовали, распивали чай и просто засматривались на бухту, слушали шум моря, восхищались рассветами и закатами – тем милым, чудным временем, когда все еще были молоды, здоровы и счастливы. А под «сковородкой» художник построил мечту всей своей

жизни – уникальную мастерскую, три стены которой были застеклены, а северная, четвертая, упиралась в скалу. В крыше, над выступающей ее частью, было спроектировано «световое окно», потому и трудиться в мастерской можно было практически круглосуточно.

Как можно было не полюбить Гурзуф – древнюю крепость с узкими средневековыми улочками, история которой уходит в VI век н. э., эту забытую татарскую деревушку, где под домом Коровина благоухал цветочный базар – Константин Алексеевич был совершенно покорен этой красотой. Здесь и личная жизнь художника была яркой, насыщенной, окутанной ореолом романтики и любви. Недаром этот творческий период жизни художника называют "коровинские розы" – они запечатлены в многочисленных натюрмортах, этюдах, пейзажах и портретах – юные грациозные создания в милых шляпках, радующиеся солнцу и самой жизни. Сохранились и остатки коровинской мебели – два кресла, диван и пианино, к сожалению, все в ужасном состоянии.

Судьба дома напоминает судьбу самого Коровина, замалчиваемого в советское время русского гения, которому «улыбались все краски мира», как писал К. Ф. Юон. Последний раз он был на своей даче уже «во времена Керенского», то есть в 1918 году, когда начался грабеж и растаскивание ценностей южнобережных поместий, оставшихся без своих хозяев. Имение Константина Алексеевича было разграблено, а в 1922 году национализировано, после чего художник окончательно решил уехать из России.

В 1946 году было принято решение передать дачу К. А. Коровина Союзу художников СССР, и в нем был открыт Дом творчества для работы и отдыха членов СХ СССР. Действительно, за сорок пять лет его существования в качестве Дома творчества раскрылись таланты многих молодых дарований, ныне маститых художников. Трудно назвать фамилии членов Союза художников СССР, кто не вспоминал бы время, проведенное здесь, как самые счастливые мгновения жизни: работали по два месяца творческие группы, а в конце непременно устраивалась выставка, которую посещали все местные жители. Влияние Дома творчества на культурную среду самого поселка огромно. Одна из улиц Гурзуфа носит имя Коровина. В 2004 году у входа в бывшую виллу "Саламбо" была установлена скульптурная группа "Художник

Константин Коровин и певец Фёдор Шаляпин" (авторы – аспиранты Киевской Академии художеств В. Левченко и К. Синицкий). Сегодня нет ни одного туриста, кто бы не сфотографировался, удобно устроившись у ног художника или певца.

С 2009 года ежегодно проводится ставший традиционным день памяти художника Константина Алексеевича Коровина в Гурзуфе 11 сентября, когда мы вспоминаем дату упокоения мастера вдали от «милых сердцу березок» в Париже в 1939 году. Решением сессии Гурзуфского поселкового совета от 15 февраля 2011-го «Об объявлении 2011 года «Годом Константина Коровина в Гурзуфе», начался новый этап восстановления исторической справедливости по отношению к памяти хозяина виллы «Саламбо».

День 7 июля 2014 года навсегда войдет в историю Гурзуфа, как день открытия Мемориальной комнаты художника Константина Коровина в Доме творчества его имени.

В комнате представлены мебель Коровина, репродукции картин крымского периода, предметы быта начала XX века. Только за год здесь побывало более 3 000 посетителей! Безусловно, надо создавать полноценный Музей К. Коровина, ведь творчество его многогранно: живопись, театральные декорации, литературные воспоминания и рассказы. Многочисленные буклеты и книги украсят любую экспозицию.

Хочется верить, что художник был бы счастлив увидеть такое всенародное признание и любовь к своему творчеству, а посетители уходят из Музея с ощущением огромной радости, которую дает художественное наследие Константина Алексеевича Коровина – художника, декоратора, литератора.

Е. Е. Пешкова

**ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ДАЧИ ВЕЛИКОГО ХУДОЖНИКА,
ПИСАТЕЛЯ И ТЕАТРАЛЬНОГО ДЕЯТЕЛЯ
К. А. КОРОВИНА В ДЕРЕВНЕ ОХОТИНО**

«И жалею я, что не придется мне лежать там, в земле родной, рядом с лучшим другом моим, Фебом, там, в саду моем, где жила иволга»

К. А. Коровин

Именно с этих строк хочу начать свой рассказ об удивительном месте – деревне Охотино, где Константин Алексеевич Коровин провел лучшие творческие годы. Об этом уголке в Ростовских лесах между Переславлем и Ростовом Великим художник часто вспоминает в своих рассказах-мемуарах.

«Мало ли шалили» написано рукой Коровина на картине интерьера его дома в Охотине. К сожалению, когда я впервые увидела этот дом, он произвёл именно такое впечатление – в нём действительно много шалили, но без уважения к первому хозяину дома. Разбитые окна, прикрытые какими-то грязными тряпками, трава по колено, жуткий забор-сетка, с дырками для доступа на участок... Было страшно и грустно. Еще грустнее стало, когда попала внутрь дома. На полу разбитые окна, бутылки, разобранная печь, разбросанные кирпичи, провалившийся пол, исписанные стены.

«Это какое-то чудо, что он сохранился», – подумала тогда я. Уже потом стали появляться сведения, что дом был то ли достроен в 1915 году, то ли зарегистрирован, но для меня стало важно, что ему ровно сто лет и его можно спасти. Можно спасти стены, которые помнят руки Коровина. Стены, которые впитали голос Шаляпина (дом которого был по соседству, но не сохранился). Такое чувство, что прикасаешься к великим обитателям дома, когда трогаешь эти могучие доски из корабельного дерева. Сейчас такое дерево не встретишь.

© Пешкова Е. Е., 2016

Я долго не могла заставить себя зайти в дальние, особенно темные и страшные комнаты. Но в один раз декоратор из команды энтузиастов, Екатерина Дмитриева, меня спросила: «А что там?». Было уже неловко не знать, и мы вместе пошли. Бежали оттуда обе с криками: «Ааа!..» Темная комната, дверь с дырой, мы зашли внутрь, и тут дверь со скрипом стала закрываться, мы посветили фонариком, а на стене надпись: «Беги отсюда». И мы побежали. Но потом я поняла, что эта надпись была не нам. А нежелательным гостям дома, возможно, она охраняла дом, и она защитила его.

Мне повезло. Я познакомилась с руководителем муниципального учреждения по развитию туризма и предпринимательства Переславского района, Петриной Татьяной Ивановной, которая в 2012 году принимала активное участие в процедуре «без хозяина» и переводе дома в собственность Администрации Переславского района. Она поверила, что можно спасти дом и, самое главное, в ней было огромное желание это сделать. До сих пор удивляюсь, как она все успевает. Наверное, любовь к работе дает ей силы действительно двигать и предпринимательство, и туризм, а теперь еще и культуру Переславского района. Всего через несколько дней после знакомства с ней, мы пошли к главе Переславского района Денисюку Владимиру Михайловичу. Он выслушал пару минут и только сказал: «Делайте». В этот момент сердце забилось сильнее. Мы начали делать. И нельзя не сделать, нельзя подвести людей, которые поверили, нельзя подвести себя, нельзя подвести Константина Алексеевича.

Наверное, дом ждал сто лет, когда появятся социальные сети. Они творят чудеса. Всего лишь созданная страница в фейсбуке с призывом «Спасем вместе» помогла начать действовать. Конечно, помогала администрация, помогали знакомые и местные предприниматели, художники и соседи, а также отозвались и люди с просторов интернета. Порядка ста человек участвовали в спасении. Мы даже выделили стену в доме для размещения фотографий. Люди должны знать героев, кто спас этот культурный объект федерального масштаба.

Среди равнодушных оказались люди самых разных профессий. Художники дали картины на благотворительный аукцион, кто-то просто поддержал финансами, предприниматели из

Ярославля вставили окна, а местные предприниматели и соседи участвовали в субботниках. Неожиданно, владелец кафе «Сытый ежик» оказался жителем деревни Охотино, с радостью отозвался на просьбу о помощи, взяв все вопросы с едой на себя. Екатерина Дмитриева, московский декоратор, также узнав из фейсбука о движении, на благотворительных началах присоединилась к проекту, и смогла создать грамотное экспозиционное пространство, несмотря на ограниченный бюджет и время. Наталья Булах, журналист из Ярославля, много лет мечтала о создании в Охотине музея, в итоге, Наталья смогла организовать отдельный штаб энтузиастов в своем городе. Все эти люди и сейчас активно участвуют в развитии проекта, они душой болеют за создание в Охотине музея.

Открытие дачи вызвало огромный интерес среди поклонников и ценителей творчества не только Коровина, но и Ф. И. Шаляпина. В мероприятии приняли участие почти 300 человек. Приехало много гостей из Москвы, Ярославля, Ростова, в том числе заведующая мемориальной комнатой К. Коровина в Гурзуфе (республика Крым), Марина Забродская. Губернатор Ярославской области, С. Н. Ястребов, выступил на открытии с торжественной речью о поддержке идеи возрождения дачи и создания культурного центра в Охотине, местные и федеральные СМИ (телеканал «Культура», ИтарТАСС и т. д.) выпустили репортажи об этом событии. Автобусы со школьниками и студентами, группы туристов посещали дачу Коровина всю теплую осень. Для них проводились экскурсии и мастер-классы по живописи. Выяснилось, что не только большинство детей, но и студенты не знают кто такой Коровин, а, тем более, какие великие люди жили на Переславской земле.

Важно возродить этот дом, рассказать целому поколению о его великих обитателях, о том светлом времени. Работы по восстановлению этого помещения и наполнению его жизнью, а также по созданию Музея-дачи предстоит много. Пока в Охотине нет условий для зимней встречи посетителей, дом еще без электричества и отопления. Власти решают этот вопрос. Но важно не останавливать деятельность по «спасению» дачи Коровина, чтобы весной можно было создать условия для комфортного пребывания гостей.

Цель проекта – создать не просто музей, а творческое пространство, соприкасаясь с которым посетители дачи Коровина смогут не только прикоснуться к тому времени, в котором жили и работали Константин Алексеевич и его знаменитые современники и друзья, но и развить свои творческие способности. Необходимо развивать чудом сохранившийся культурный объект. Деревня Охотино может превратиться в центр художественной, музыкальной, театральной и литературной жизни целой области, стать местом появления юных Коровиных и Шаляпиных, привлекать туристов, путешествующих по Золотому Кольцу.

Инициативу возрождения дома Коровина активно поддержали крупные музеи, среди которых музей-заповедник Поленово, Театральный музей имени Бахрушина, Абрамцево, Музей МХАТ и другие.

Потенциал этого места как культурного центра Ярославской области очевиден, особенно в связи с ростом внутреннего туризма (от Москвы до Охотино – 3 часа на автомобиле). Тем более, самую громкую славу этому месту дал сам Константин Алексеевич в своих работах и мемуарах, а также великие гости дома – Шаляпин, Серов, Рахманинов, Горький и многие другие. Сохранилась тропа, по которой Коровин с Шаляпиным ходили друг к другу в гости. Это уже может сложиться целый туристический маршрут, рассказывающий о русской культуре конца 19-го – начала 20-го века. Расположение позволяет включить в перспективе Охотино в маршрут Золотого кольца.

Мы находимся на важном этапе решения, как реконструировать дом. Это требует кропотливой архивной работы. Готовим большую фестивальную программу, чтобы привлечь внимание к месту. Следующий год – 155 годовщина со дня рождения Коровина. Надеемся отметить это событие в Охотине. Вместе мы спасем.

Полоцкая Е. Н.

К ИСТОРИИ ЗАТОННОЙ УЛИЦЫ ПЛЕСА И СЕМЬИ СКОРОХОДОВЫХ

Совсем за короткий период времени, приблизительно за последние пятьдесят лет, исчезла небольшая плесская улочка под названием Затонная в устье реки Шохонки. На этой живописной улице на рубеже XIX–XX веков жил Александр Семенович Скороходов с женой, детьми: Алексеем и Марией, сестрой Анной Семеновной и отцом – Семеном Алексеевичем Скороходовым.

Сейчас о былой деревянной застройке напоминает только небольшая тропинка, сбегаящая с улицы Юрьевской к бане. Нередко местные жители по старой памяти еще ею пользуются.

В первом от Волги двухэтажном полукаменном доме в три окна жила семья Скороходовых, которая предположительно относилась к купеческому роду. Скороходовы занимались хлебной торговлей и владели несколькими судами. Купеческая фамилия Скороходовых известна в Плесе с XVIII века¹ (рис. 1).

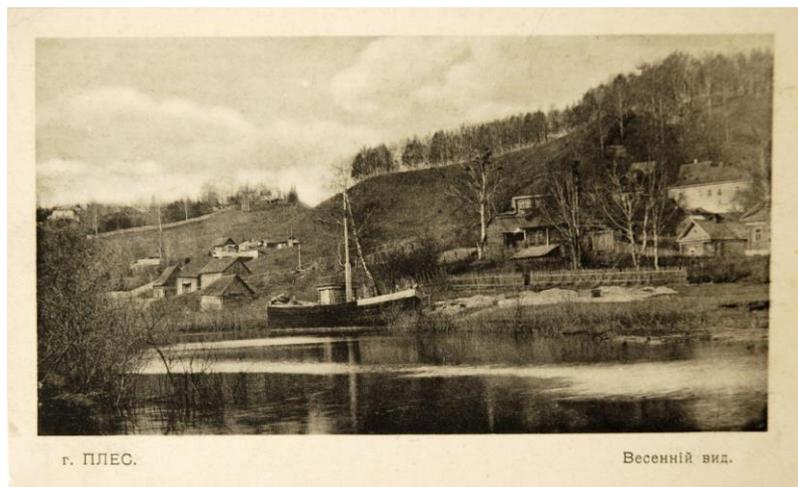

Рис. 1. Вид на Нижнюю Набережную улицу. XIX век

© Полоцкая Е. Н., 2016

По сведениям «Списка всех дворовых и усадебных мест в гор. Плесе Нерехтского уезда»² в 1914 году владелицей дома была Анна Семеновна Скороходова. В доме всего проживало 4 человека женского пола. Дальше по улице жила семья Марии Петровны Васильевой, семь человек. Застройка тогда числилась по Нижней Набережной улице. Очевидно, после переименования в советское время Н. Набережной улицы в Советскую, застройка левого берега в устье р. Шохонки получила новое название – улица Затонная. В 1950-е годы в связи со строительством Горьковского водохранилища и поднятием уровня воды в Волге на 7–8 метров осуществлялась инженерная защита города. Домовладельцам улицы Затонной для переноса домов были выделены новые земельные участки.

Сохранилась фотография, очевидно, советского времени, улицы Затонной с членами семьи Скороходовых. На оборотной стороне фотографии – надпись: «В память о Затонной улице в гор. Плесе родной дом, но все не вечно, остается только память.» (рис.2).

Рис. 2. Семья Скороходовых у родительского дома на Затонной улице

Сохранилась фотография Александра Семеновича Скороходова, выполненная в Нижнем Новгороде, где он жил со второй семьей. Первая жена умерла, оставив сына Алексея и двухлетнюю дочь Марию. У второй жены были свои дети.

На оборотной стороне фотографии надпись:

«На память любезному родителю моему Семену Алексеевичу Скороходову от сына Александра Семеновича Скороходова. Снято в городе Нижнем 1890 года Апреля 28 числа, дай Бог прожить на многие лета».

Маленькую Марию воспитывала тетя Анна в Плесе. Анна Семеновна замуж не выходила, посвятив себя воспитанию четверых детей брата Александра Семеновича и сестры.

Мария Александровна Скороходова вышла замуж за Василия Дмитриевича Елисеева (г.р. 1880). (рис.3) Многочисленная семья Елисеевых жила на Верхней Набережной улице в полукаменном доме (ныне дом по ул. Советская, 71). В первом этаже дома располагалась мануфактурная лавка.

Рис. 3. Василий Дмитриевич и Мария Александровна Елисеевы

У Дмитрия Васильевича Елисеева и его жены Агриппины Семеновны (в девичестве Рубачевой) было семь детей: Анатолий (в будущем доктор, жил в Москве, годы жизни 1886–1951), Анна, Василий, Иван (в будущем профессор Политехнического института в Харькове), Константин и Николай (жили в Плесе, помогали отцу в торговле), Татьяна (вышла замуж за Федора Канидьевича Смирнова, годы жизни 1876–1941).

Дети рано остались без матери. Василий свою трудовую деятельность начал с 13 лет. Отец, Дмитрий Васильевич, отдал сына работать на фабрику в Середу (ныне г. Фурманов) (очевидно, в 1893 году). Василий в воскресенье ездил домой на велосипеде, который купил на первые заработанные деньги. Очень тянуло в Плес к родным. Самыми близкими ему по духу людьми в семье были братья Николай и Константин.³

Впоследствии Василий Дмитриевич жалел, что пошел в конторские ученики, а не в подручные слесаря. Он стал бухгалтером, а его всегда увлекала техника, машины. Позднее Василий Дмитриевич работал в Вичуге.

В 27 лет он женился на Марии Александровне Скороходовой. В Вичуге у них родилась дочь Милица (1 августа 1908 г.–24 мая 1982 г.), потом семья переехала в Кинешму. Василий Дмитриевич был управляющим на текстильной фабрике И. Кокорева, которая располагалась на левом берегу Волги. Милица училась в женской гимназии, учеба давалась ей легко. Дополнительно с репетиторами изучала французский и немецкий язык. Зимой у Елисеевых обычно жила Анна Семеновна Скороходова, тетья и крестная Марии Александровны. А на лето тетья возвращалась в Плес.

Иногда Анна Семеновна зимой уезжала в Петроград к своему другому воспитаннику – Алексею, брату Марии Александровны.

Алексей был способным молодым человеком, окончил Комиссаровское техническое училище, женился. Иногда приезжал к Марии Александровне и называл ее ласково «схимницей за скромный и строгий жизненный путь»⁴

После революции, в 1919 году, фабрично-заводской комитет оставлял Василия Дмитриевича «красным директором», но он отказался. Позднее семья переехала в Кострому, Василий

Дмитриевич устроился в Губсовнархоз бухгалтером. В Костроме Милица еще год училась в гимназии. А потом переехали в село Подольское, расположенное на левом берегу Волги выше Плеса по течению. Места очень красивые. По воспоминаниям Милицы, «отец работал в кустарной артели», она работала в колхозе, «рыла картошку, жала рожь, и ...за это давали продукты, которые хорошо помогали переживать те трудные годы, когда было мало хлеба и плохо с продовольствием». Жили у крестьянина Анания Кузьмича и его жены Зиновии Семеновны. Когда стало полегче, Милица переехала в Плес к Анне Семеновне. В Плесе закончила семилетку, первый курс Плесского сельскохозяйственного института, т.е. фактически получила полное среднее образование.

Позднее семья переехала в Москву. В Москве жил родной брат Василия Дмитриевича Анатолий Дмитриевич, который работал врачом. Семья Елисеевых поселилась сначала в Сокольниках, снимали у знакомых маленькую комнатку. Потом Василий Дмитриевич стал работать на ткацкой фабрике, и им дали комнату во дворе фабрики. По совету отца Милица поступила на бухгалтерские курсы им. Ф. В. Езерского. Закончила их успешно и стала бухгалтером.

Во время Великой Отечественной войны эвакуировались в Плес, здесь и остались. Похоронены Василий Дмитриевич и Мария Александровна Елисеевы на старообрядческом кладбище Зелена.

¹ Ойнас Д. Б. Плесское купечество в конце XVIII – начале XX вв. Архив Плесского музея-заповедника. Ф. 45. Оп. 19. Л. 18.

² ГАКО. Ф. 133 (Фонд канцелярии Губернатора). Оп. 2. Д. 12522.

³ Воспоминания Ю. В. Ярцева. Архив Плесского музея-заповедника. Ф. 47. Оп. 1.

⁴ Воспоминания Милицы Ярцевой, семейный архив Ю. В. Ярцева.

СОДЕРЖАНИЕ

Зырянова С. А.	
Ревитализация архитектурного комплекса в долине реки Шохонки и идея общедоступного курортного парка.....	3
Виталий (Уткин), игумен	
К вопросу об интерпретации части экспонатуры Плесского музея-заповедника.....	11
Аверин В. А., Барышников В. Ю., Самоговинский Д. В.	
Работы ивановской археологической экспедиции в Плесе в 2014 году.....	21
Панченко Г. В.	
К истории водяных мельниц города Плеса.....	27
Аверин В. А., Барышников В. Ю., Барышникова А. Д., Самоговинский Д. В.	
Об итогах спасательных археологических работ на ул. Никольской в Плесе в 2014 году.....	44
Левашова Л. В.	
Граффити Пеньковского городища (из фондов Плесского музея-заповедника).....	53
Стародубцева И. А.	
Плес в геологической литературе XIX века.....	62
Беляев В. А.	
К вопросу об утрате историзма Плесского пейзажа.....	68
Беляев В. А.	
К вопросу об идентификации и возможном восстановлении утраченных составляющих Левитановского мемориала.....	72
Орлов Д. Л.	
90 лет назад: Плес в 1925 г. в материалах газеты «Рабочий край».....	75
Данилова В. П.	
Подарок И. И. Левитана «Милой деточке Анюрке».....	82
Чурюканова О. В.	
Меднолитые иконы на горе Левитана в Плесе.....	89
Закаменная Е. Н.	
Судьба дома Частухиных – Философовых и его хозяева	92

Закаменная, Е. Н., Философова Т. Г.	
Из истории рода Философовых.....	97
Минеева Л. Ю.	
Грибы из красной книги Ивановской области на территории города Плес и в его окрестностях.....	104
Сорокин А. И.	
Находки редких и охраняемых в Ивановской области видов зеленых мхов на территории Плесского музея-заповедника и его зон охраны.....	108
Голубева М. А., Сорокин А. И.	
Дополнения к флористическим находкам на территории Плесского музея-заповедника и его зон охраны.....	116
Рогов М. А.	
Тайна происхождения И. И. Левитана и ее возможное влияние на его творчество.....	126
Новиков И. В.	
Комплексы триасовых тетрапод Ярославского, Костромского, Ивановского Поволжья и Унжинско-Костромского междуречья.....	132
Зырянова С. А.	
Деревянная конструкция водяной мельницы.....	140
Виталий (Уткин), игумен	
Письменные источники о епископе Ростовском Феодоре..	153
Алексеев В. Н.	
Кибарты – место рождения художника Исаака Левитана...	161
Подушков Д. Л.	
Художники И. И. Левитан и К. А. Коровин в Вышневолоцком уезде Тверской губернии (Вышний Волочёк, Удомля).....	166
Кривонденченков С. В.	
«Шесть пленэрных этюдов» И. И. Левитана.....	173
Самохин А. В.	
Живопись неба и облаков. Круг И. И. Левитана и А. И. Куинджи.....	179
Борисова Е. А., Шилов М. П., Курганов А. А.	
Флористические находки в окрестностях С. Решма.....	193
Борисова Е. Н., Шилов М. П.	
Коллекции и экспозиции дендрария ИГСХА.....	199

Шилов М. П.	
<i>Parthenocissus inserta</i> в Ивановской области.....	206
Шилов М. П., Тяпков Н. Н.	
Старинный усадебный парк в деревне Пережогоино Ива- новского района.....	215
Косярумов В. И.	
История усадьбы Сушнево.....	222
Дроздов М. С.	
Русские женщины-художницы эпохи Левитана.....	225
Забродская М. Н.	
Константин Коровин в Гурзуфе.....	232
Пешкова Е. Е.	
Вторая жизнь дачи великого художника, писателя и те- атрального деятеля К. А. Коровина в деревне Охотино	235
Полоцкая Е. Н.	
К истории Затонной улицы Плеса и семьи Скороходовых	239

XIV ПЛЕССКИЕ ЧТЕНИЯ

**Материалы
научно-практической конференции**

Плес, 13-14 ноября 2015 г.

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 03.06.2016 г. Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Бумага писчая.

Печать плоская. Усл. печ. л. 14,4. Уч.-изд. л. 11,5. Тираж 200 экз.

Заказ № 267. Цена свободная

Издательство «Ивановский государственный университет»

152025 Иваново, ул. Ермака, 39

Типография ИЭК 153025 Иваново, ул. Ермака, 41